

МИХАИЛ МАКЕЕВ

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ:

Поэт и Предприниматель

*Очерки
о взаимодействии
литературы
и экономики*

Михаил Макеев

**Николай Некрасов:
Поэт и Предприниматель
(очерки о взаимодействии
литературы и экономики)**

Москва 2008

Оглавление

<i>Введение.</i> Поэт и «торгаш». Литература и экономика	5
<i>Глава 1</i> Литература как рынок и литература как департамент. «Мечты и звуки»	12
<i>Глава 2</i> На службе у Ф. А. Кони. Литературное имя	32
<i>Глава 3</i> «Я за то глубоко презираю себя...» — неудача в поэтизации экономики	51
<i>Глава 4</i> Альманах и проект экономического равенства в литературе. Дороговизна гения	71
<i>Глава 5</i> Экономика и «направление» некрасовского «Современника»	94
<i>Глава 6</i> Против журнала. Поэт как герой. «Стихотворения Н. Некрасова»	121
<i>Глава 7</i> Безденежье и долг перед народом. Сатира «Балет» и концепция «Современника» в годы перед закрытием	145
<i>Глава 8</i> Скандал с Антоновичем и Жуковским. Экономическая логика радикального публициста и некрасовская экономическая утопия	166
<i>Глава 9</i> Детская литература. Неудавшееся «товарищество» с Салтыковым-Щедриным	194
<i>Глава 10</i> Литература для народа. Эстетические деньги	214
Указатель имен	230

Введение.

Поэт и «торгаш». Литература и экономика

Жизнь и творчество Н. А. Некрасова представляют чрезвычайно выгодный материал для изучения взаимодействия литературы и экономики. «Двойственность» Некрасова, его способность сочетать в себе поэта с успешным предпринимателем хорошо известна. Однако до сих пор эта двойственность не стала объектом содержательного анализа. В лучшем случае она вызывала удивление современников поэта, а также его поздних биографов и исследователей и интерпретировалась ими как «противоречие» его личности¹. Афористичнее всех выразился Т. Н. Грановский (заметим, не самый доброжелательный читатель Некрасова): «В нем (Некрасове. — М. М.) много неприятного. Но раз стал он нам читать стихи свои, и я был поражен непонятым противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом»².

Однако представляет ли собой Некрасов исключительный, «вопиющий» случай? Многие современные западные исследования показывают, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В работах, анализирующих материальную сторону жизни самых разных литераторов, уже было показано, какую огромную роль экономические интересы играли в творчестве не только таких предпринимателей по духу, как, например, Марк Твен³, но и писателей, объявлявших себя незаинтересованными творцами, например Генри Джеймса⁴ или Т. С. Элиота⁵. Поэтому случай Некрасова не исключение, а правило. Необычна только высокая степень «публичности» его коммерческой деятельности. Удивление же русской читающей публики перед Некрасовым — поэтом и предпринимателем — вызвано характерным для национальной (или сословной — «интеллигентской») системы ценностей твердым представлением о несовместимости и даже враждебности коммер-

¹ Подробный обзор дискуссий о «противоречиях» личности Некрасова содержится в нестареющей статье: Чуковский К. И. Поэт и палач // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

² Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1987. С. 431.

³ См., например: *Gold Ch. H. «Hatching Ruin», or Mark Twain's Road to Bankruptcy.* Columbia, 2003.

⁴ См. особенно: *Anesko M. «Friction with the Market». Henry James and the Profession of Authorship.* NY-Oxford, 1986.

⁵ *Delany P. Literature, Money, and the Market: from Trollope to Amis.* N. Y., 2002.

ции и поэзии, царства низменных материальных расчетов и сферы высоких идеалов и эстетических ценностей⁶. Оставляя в стороне вопрос о «личности» Некрасова, мы исходим в нашей работе из противоположных предпосылок, из представлений о том, что *практики* (поэтическая и коммерческая), в которые одновременно был вовлечен Некрасов, не были отделены друг от друга непроходимой пропастью, но органично взаимодействовали.

Такая решимость видеть не конфликт, а союз экономики и литературы, конечно, не является сама по себе решением методологических проблем. Как происходит и в чем проявляется взаимодействие этих практик, на какие эмпирические исследования или теоретические работы можно опереться в его изучении? К сожалению, и отечественная филология оказалась не чужда представлений о враждебности «коммерции и словесности» и потому почти не предпринимала попыток исследовать позитивное воздействие экономики на литературу. Мы знаем работы, созданные в рамках формальной школы в конце ее существования⁷, представляющие собой подборку эмпирического материала, но не содержащие метода работы с ним. Неудачей закончились поиски таких методов, предпринятые школой, получившей прозвище «вульгарно-социологической»⁸, в значительной степени из-за слабости ее теоретических предпосылок. И в современной актуальной критике мы видим высказывания о неприятии того, что почему-то называется «неомарксизмом»⁹, нежелание связывать себя с «скомпрометированной» традицией, исследовать зависимость искусства от «низкой» реальности человеческой жизни. Работы, созданные в России и касающиеся взаимосвязи экономики и литературы, очень немногочисленны (большинство из них будет упомянуто далее¹⁰).

⁶ Единственное известное нам исключение: *Чуковский К. И.* Тема денег в творчестве Некрасова // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960. В этой статье была предпринята попытка рассмотреть тему денег как конструктивный элемент в творчестве Некрасова, хотя и Чуковскому приходится Некрасова «оправдывать».

⁷ Мы имеем в виду кн. *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929.

⁸ В работах Г. Поспелова, Д. Благого, В. Переверзева и др.

⁹ См., например: *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 14–15.

¹⁰ Здесь назовем только одну «пионерскую» для нашей страны работу, имеющую скорее научно-популярный характер: *Ястребов А. Л.* Богатство и бедность. Поэзия и проза денег. М., 1999.

Характерное для западного сознания менее идиосинкразическое отношение ко всему, что связано с коммерцией, является причиной того, что именно западная филология ближе подошла к проблематике взаимодействия литературы и экономики. В конце 90-х годов преимущественно в англо-американской науке возникла «школа», получившая название «новой экономической критики»¹¹. Не будучи ни в каком смысле «неомарксистами», критики, работающие в этом направлении, показали, насколько многообразно воздействие, которое экономика оказывает на литературу. (Если первоначально такие исследования велись исключительно на материале западно-европейской и американской литератур, то в последнее время западная славистика проявила к ним интерес. На это указывают и упомянутая подборка в «Новом литературном обозрении», и прошедшая в Northwestern University (Evanston, Illinois) 7–8 мая 2004 года конференция «Critical Exchanges: Economy and Culture in the Literature of Russia» с участием крупнейших американских славистов¹².) Исследователями, принадлежащими к этой школе, в текстах, совершенно не касающихся экономики, обнаруживаются экономические метафоры, принципиально важные для их содержания¹³. Такие критики демонстрируют воздействие, которое оказывает, например, изменение рыночной цены печатной продукции и величины авторского гонорара на поэтику литературных произведений (от объема и жанра до языка и стиля)¹⁴; показывают влияние экономических условий существования писателя на его искусство¹⁵; делают успешные попытки увидеть в тропах, ритмо-

¹¹ Манифестирована эта группа исследователей в сб. *The New Economic Criticism: Studies at the Intersection of Literature and Economics*. London; N.Y., 1999 (editors: Martha Woodmansee and Mark Osteen). Для российской аудитории «Новая экономическая критика» была представлена в подборке, сделанной Михаилом Гронасом в журнале «Новое литературное обозрение». 2002. № 58. С. 7–86.

¹² Информацию о конференции, включая тезисы докладов участников можно найти на сайте <http://www2.mmlc.northwestern.edu/criticalexchanges/Index.htm>

¹³ См., например: *Delany P. Literature, Money, and the Market: from Trollope to Amis*. N. Y., 2002.

¹⁴ См., например: *Woodmansee M. The Author, Art, and the Market: Rereading the History of Aesthetics*. N. Y., 1994.

¹⁵ См., например: *Shell M. The Economy of Literature*. Baltimore, 1993, а также: *Shell M. Money, Language, and Thought: Literary and Philosophical Economies from the Medieval to the Modern Era*. Berkeley, 1982.

рических фигурах аналог экономических инструментов, а в художественных структурах — аналог экономических систем обмена и рынка¹⁶. Сделан ряд работ, в которых исследуется воздействие института авторского права на формирование философской эстетики¹⁷, влияние становления системы персонального кредита на художественное воображение¹⁸, воздействие экономического понятия цены на понятие эстетических ценностей¹⁹.

Нельзя не признать, что собственно *метода* «новой экономической критики» не сложилось²⁰. Тем не менее критиками, работающими в этом направлении, очерчено проблемное поле, в котором нужно исследовать взаимодействие экономики и литературы. Несмотря на разнообразие конкретных способов и направлений этого взаимодействия, оно, как показала «новая экономическая критика», может быть сведено к двум основным видам.

1. Воздействие экономики на собственно писательскую практику. Выделим две его, с нашей точки зрения, наиболее общие и фундаментальные разновидности. Первая — «идеализация». Под этим понятием мы имеем в виду следующие процессы. Во-первых, трансформация экономических отношений между участниками литературного процесса (издателями, редакторами, книгопродавцами, писателями), то есть отношений, основанных на деньгах, в отношения «символические». Постоянное присутствие такой «идеализации» обусловлено общим человеческим стремлением претворять грубые материальные отношения в отношения «культурные», «идейные»²¹. Во-вто-

¹⁶ *Osteen M.* The Economy of Ulysses: Making Both Ends Meet. N. Y., 1995.

¹⁷ *Woodmansee M.* The Author, Art and the Market: Rereading the History of Aesthetics. N. Y., 1994.

¹⁸ См.: *Brantlinger P.* Fictions of State: Culture and Credit in Britain, 1694–1994. Ithaca, N. Y., 1996.

¹⁹ См., например: *Horwitz H.* By the Law of Nature: Form and Value in Nineteenth-Century America. N. Y., 1991.

²⁰ Это признают и сами представители направления, последовательно говоря о нем не как о новой дисциплине, но как о «growing body of studies» или «movement». — *The New Economic Criticism: Studies at the Intersection of Literature and Economics.* London; N. Y., 1999. P. 3.

²¹ Аналогом того, о чем мы говорим, является ассоциирующееся прежде всего с Марксом понятие демистификации — обнаружение за культурными или политическими явлениями их экономической подоплеки. В нашей работе нас интересует как бы обратный процесс: как экономические явления преобразуются в культурные факты.

рых, это интеграция экономических стремлений, интересов, терминов и понятий в язык и содержание литературных текстов²².

Вторая, противоположная, разновидность взаимодействия экономики и писательской практики — «материализация». Это взаимодействие подобно взаимодействию теории и практики. «Идеальные» теоретические конструкции или символические образы стремятся воплотиться в жизнь, например, когда читатель как функция самого текста («идеальный читатель») поэмы переосмысливается как реальный покупатель содержащей поэму книги. При этом как ориентация теории на преобразование практики неизбежно приводит к изменению самой теории, так и превращение идеального читателя в материального покупателя ведет к преобразованию самой литературы, обретению ею нового качества. Необходимость для литератора «материализовать» свои «идеальные» объекты обусловлена, естественно, самим характером книги как товара, подчиняющегося закону спроса и предложения.

2. Воздействие экономики на сферу «непроизводственную», околολитературную, сферу суждений о литературе, говоря проще, сферу «эстетики». Выражение экономической стоимости — деньги. Будучи универсальным средством представления нейтральной exchange value, меновой стоимости любого товара, они не являются естественным мерилем эстетических ценностей. Соответственно, еще один процесс, связывающий во взаимной циркуляции литературу и рынок, — это процесс соотнесения, «согласования» (или, наоборот, размежевания) материальных и эстетических оценок.

Именно в такое проблемное поле мы и хотим поместить Некрасова. Мы не претендуем на создание его целостного портрета как предпринимателя и поэта, в том числе и потому, что (как уже говорилось выше) не ставим задачу психологического типа, не стремимся показать, как поэт и предприниматель сочетались в его «душе» или его «личности», рассматриваемых как нечто статичное и поддающееся исчерпывающей характеристике. Поэтому Некрасов для нас не «личность», а своего рода медиум, в деятельности которого поэзия и коммерция вступают во взаимодействие. Мы хотели бы достичь целостнос-

²² При этом мы исходим из близкого к формалистскому понимания поэтического языка как постоянно расширяющегося, интегрирующего в себя все новые и новые пласты нелитературной, разговорной речи. Поэтическое же содержание расширяется за счет непрерывного освоения все новых и новых пластов душевной жизни (см. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997). Экономический язык и экономические стремления остаются в середине XIX века именно таким еще не до конца освоенным поэзией пластом языка и душевной жизни.

ти иного плана — показать на его примере по возможности все типы и способы, какими взаимодействуют литература и экономика. Многообразие и коммерческой, и поэтической деятельности Некрасова делает эту задачу осуществимой. Как поэт, ориентированный на инновации, он экспериментировал с образами, метафорами, взятыми из сферы экономики. Одновременно как лирик Некрасов вводил в сферу интимной поэзии и эту сферу душевного опыта. Как редактор «прогрессивных», даже радикальных изданий, он вынужден был «идеологически» оформлять материальные отношения с сотрудниками. Как литератор и издатель собственных книг, ориентированный на коммерческий успех, Некрасов стремился учитывать конкретного читателя, вовлекаясь в процесс «материализации» поэтических тем и образов. В начале пути, в роли литературного пролетария, Некрасов столкнулся с проблемами несовпадения эстетических и материальных оценок, принужден был осознать и включиться в игру гетерогенных факторов, определяющих стоимость эстетического продукта. С теми же проблемами он сталкивается и как издатель журналов и альманахов. Все эти проблемы и способы, которыми их разрешает Некрасов, мы и хотим показать в этой книжке.

«Новая экономическая критика» не только не создала особого метода. Она и не переопределила главные объекты литературной критики. Ими по-прежнему являются художественный текст и история литературы. Экономика же предстает как еще один из многочисленных факторов, который необходимо принимать во внимание при их изучении. Также и в нашей работе. Главная ее задача — продемонстрировать, как знание аспектов коммерческой деятельности Некрасова обогащает наше понимание Некрасова-литератора. В частности, мы хотим показать, что во многих случаях, только приняв во внимание экономическую практику можно, разрешить историко-литературные проблемы, связанные с жизнью и творчеством Некрасова. Поэтому и композиционно мы стремились к выделению именно этой «традиционной» стороны нашего исследования. Каждая глава книжки строится как комментарий к конкретному некрасовскому тексту (художественному, публицистическому, эпистолярному, дневниковому) или биографическому эпизоду, представляющему историко-литературную проблему. В некоторых случаях это проблема уже ставилась в литературе о Некрасове, в некоторых поставлена впервые. Работа представляет собой, таким образом, разбор нескольких «случаев», «эпизодов», «примеров» взаимодействия экономики и литературы в жизни и творчестве Некрасова. Каждая из глав, в общем, самодостаточна и может без больших потерь смысла читаться отдельно. В основу расположения глав положена хронология разбираемых в них эпизодов (в некоторых случаях она нарушает-

ся, когда нам хотелось выделить какой-то издательский проект как специфический, стоящий особняком в деятельности Некрасова). Не стремясь к целостному описанию некрасовской эволюции как поэта, мы все-таки хотели бы достичь некоторой полноты и в историко-литературном отношении, представив жизнь и творчество Некрасова почти на всех его этапах. По причинам личного характера мы не нашли сил и времени для анализа деятельности Некрасова как редактора «Отечественных записок».

Все цитаты из произведений, писем и деловых бумаг Некрасова даются по изданию: *Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000* с указанием в скобках номера тома, книги (в случае, если том состоит из двух книг) и номера страницы. Все выделения в цитатах (кроме специально указанных в тексте) принадлежат их авторам.

Эта работа была начата во время моего пребывания в Dartmouth College с сентября 2005-го по апрель 2006 года, где сформировалась ее общая концепция и были намечены основные «сюжеты». Возможность пребывания в колледже Ivy League была получена благодаря стипендии Программы Фулбрайт в России. Я признателен заведующему Russian Department Dartmouth College профессору Льву Лосеву за доброжелательный, теплый прием. Благодарю администрацию колледжа за предоставленные ею прекрасные условия для научной работы. Особенно я признателен профессорам Dartmouth College Михаилу Гронасу и Миле Назыровой за терпение и помощь в житейских и научных делах.

Впервые результаты работы были представлены публике в курсе лекций «Некрасов как поэт и предприниматель», прочитанном в первом семестре 2006–2007 учебного года на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Я признателен своим слушателям, аспирантам и студентам 3–5 курсов Филологического факультета, за благожелательное внимание и конструктивную критику. Также благодарю тех коллег и друзей, которые ознакомились с книгой в рукописи и дали чрезвычайно полезные рекомендации по ее улучшению: Галину Зыкову, Анну Ивановну Журавлеву, Андрея Федотова, Льва Лосева, Михаила Гронаса, Татьяну Венедиктову, Александра Анатольевича Илюшина. Все, что в работе удалось исправить, — их заслуга. Все недочеты и ошибки — на совести автора.

Хочу выразить огромную благодарность декану филологического факультета Марине Леонтьевне Ремнёвой за постоянное участие и поддержку в издании данной книги. Наконец, благодарю мою жену Ольгу Школьникову за помощь, которую трудно описать словами.

Глава 1

Литература как рынок и литература как департамент. «Мечты и звуки»

1

Одно из наиболее известных событий, связанных с подготовкой Некрасовым к публикации сборника «Мечты и звуки», — его визит к В. А. Жуковскому, которого начинающий поэт посетил в начале 1840 года, непосредственно перед выходом книги, — не получило до сих пор должного освещения. В автобиографическом наброске 1872 года Некрасов так описывает этот эпизод:

В начале 40-го года я приступил к изданию привезенных стихов отдельной книжечкой. Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому в Шепелевский двор, близ Зимнего дворца. Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения. Сказано — прийти чрез три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные, о прочих сказано: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи».

Не напечатать было нельзя, около сотни экземпляров Венецким было продано, и деньги я получил вперед. Книжечка вышла, автор скрылся под буквами Н. Н. Роздал книгу на комиссию; прихожу в магазин чрез неделю — ни одного экземпляра не продано, чрез другую — то же, чрез два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах (13, 2, 46–47).

Сообщает Некрасов о визите к Жуковскому и в автобиографическом фрагменте 1877 года «Я помню себя с трех лет...»:

Я стал печатать книгу «Мечты и звуки». Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Венецкий уже продал до сотни билетов кадетам, и деньги я прожил. Как тут быть! Да Полевой напечатал несколько моих пьес в «Библиотеке для чтения». В раздумье пошел я с своей книгой к Жуковскому. Принял меня седенький согнутый старичок, взял книгу и велел прийти через несколько дней. Я пришел, он какую-то мою пьесу похвалил, но сказал: «Вы потом пожалеете, если выдадите эту книгу».

«Но я не могу не выдать» (и объяснил, почему). Жуковский мне дал совет: «Снимите с книги ваше имя».

«Мечты и звуки» вышли под двумя буквами Н. Н.

Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был *единственный* случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение.

Ответ, разумеется, был глупый, глупее самой книги.

Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу.

Я роздал на комиссию экземпляры, ни одного не продано, это был лучший урок. Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические (13, 2, 58).

О визите Некрасова к Жуковскому сообщается и в других источниках, например в воспоминаниях С. Н. Кривенко¹. Во всех версиях, однако, причина, по которой Некрасов приходил к Жуковскому, остается неясной. Так, в фрагменте 1877 года говорится только о каком-то «раздумье», охватившем Некрасова: «Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать <...> В раздумье пошел я с своей книгой к Жуковскому». Совсем отсутствуют объяснения в записи 1872 года: «Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому <...> Отдавая листы, просил его мнения». Биографы Некрасова объясняют этот визит в духе, так сказать, высоких поэтических отношений: начинающий поэт идет за советом к поэту большому и опытному, выносит на его суд свои стихи. Так, версия Н. Н. Скатова заключается в том, что Некрасов хотел узнать мнение Жуковского о литературном достоинстве своих стихов: «В результате деньги на издание (сборника стихотворений. — М. М.) есть, но, видимо, что-то трезвое и умное все-таки свербило в молодом поэте. И, видимо, актом именно такой уже образующейся самокритики явилось неожиданное решение отправиться на суд большой литературы»². Очень поведователен В. В. Жданов, по мнению которого, Некрасов пришел просить совета, издавать ли ему уже подготовленную к печати книгу: «Теперь юного автора начали мучить сомнения — издавать ли сборник? Положение осложнялось тем, что вырученные деньги были уже прожиты. После некоторых раздумий, не зная, как поступить и с кем посоветоваться, он внезапно решил отправиться к Василию Андреевичу Жуковскому, старому и зна-

¹ Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова // Литературное наследство. Т. 49–50. Некрасов. I. М., 1946.

² Скатов Н. Н. Некрасов. М., 1994. С. 47.

менитому поэту»³. Поскольку в сборнике «Мечты и звуки» содержатся подражания Жуковскому⁴, то, с точки зрения исследователей, для Некрасова естественно принести свои стихи именно на суд этому поэту.

Между тем в некрасовском рассказе присутствует ряд деталей, которые явно противоречат таким объяснениям. Во-первых, если Некрасов просил совета, опубликовать книгу или нет, то странно выглядит тот факт, что, независимо от того, какой совет мог дать ему Жуковский, книгу «не печатать было нельзя», то есть его визит к нему не повлиял и не мог повлиять на решение опубликовать «Мечты и звуки». Во-вторых, если предположить, что Некрасов спрашивал мнения Жуковского о качестве своих стихов, то трудно объяснить то, что не отрицательный отзыв авторитетного поэта, но неудача у широкой публики убедила Некрасова «перестать писать серьезные стихи» и начать «писать эгоистические». Таким образом, если он пришел к Жуковскому с теми намерениями, которые ему приписывают исследователи, то этот визит был заведомо бесполезен и не нужен. Между тем, как резонно указали составители 13-го тома Полного собрания сочинений Некрасова, встретиться с Жуковским молодому начинающему поэту не было просто: чтобы представить свои тексты «на суд большой литературы», нужна была протекция, которой приходилось добиваться: «Визит начинающего поэта к В. А. Жуковскому вряд ли мог состояться без авторитетной рекомендации. Такую рекомендацию мог дать П. А. Плетнев <...> поместивший в своем журнале сочувственный отклик на книгу Некрасова» (13, 2, 424). Все это заставляет думать, что приведенные выше объяснения неверны и подлинная причина визита Некрасова к Жуковскому лежит в иной плоскости, отличной от отношений учителя и ученика, мудро старца и неопытного юноши, и не сомнения Некрасова в качестве собственной поэтической продукции стали причиной встречи двух поэтов. В этой главе мы постараемся объяснить, для чего же Некрасов приходил к Жуковскому.

Время «петербургских мытарств» 1838–1840 годов — один из наиболее слабо документированных периодов в жизни Некрасова. Это заставляет исследователей жизни и творчества поэта этого периода использовать в качестве источника сведений о нем не только сохранившиеся документы и свидетельства, но и раннюю художественную прозу Некрасова (прежде всего, неза-

³ Жданов В. В. Некрасов. М., 1971. С. 33.

⁴ См., например: Золотарев С. Юношеское творчество Некрасова // Книга и революция. 1921. № 2.

конченный роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», работа над которым шла с 1843 по 1848 год, и рассказ 1840 года «Без вести пропавший пиита»). Автобиографичность этих произведений (особенно первого из них) не раз демонстрировалась исследователями Некрасова, в частности К. И. Чуковским, видевшим в лице главного героя «Жизни и пождений Тихона Тростникова» прямо портрет самого Некрасова⁵. Для нашей работы в романе и рассказе ценно не изображение реальных событий жизни поэта и реальных лиц, с которыми ему приходилось встречаться. В обоих произведениях обыгрывается та ситуация, в которой находился сам Некрасов в 1838–1840 годах. В том и другом тексте молодой провинциал с зародившимися дома поэтическими амбициями приезжает в Петербург делать литературную карьеру. По ходу сюжета его представления о литературе, сформировавшиеся в провинции, разрушаются под воздействием реальности, и он узнает, что такое литература на самом деле. Цели, которые связывают центральных персонажи с поэзией, их ложные и истинные представления о литературе отражают те цели и представления о литературе, с которыми Некрасов явился в столицу. Поэтому некоторые фрагменты «Без вести пропавшего пииты» и «Жизни и пождений Тихона Тростникова» могут помочь понять, чего добивался Некрасов, издавая свои «Мечты и звуки», и зачем ему понадобилось одобрение Жуковского.

2

По всей видимости, сборник «Мечты и звуки», содержащий в изобилии обращения к Богу, бичевание продажного, порочного мира, интимные лирические признания, жалобы на одиночество, непонятость жестоким и жадным до денег миром, был для Некрасова коммерческим проектом, от которого он собирался получить серьезную прибыль. В целом к своей литературной деятельности он относился как к источнику дохода, подобно Ивану Грибовникову, «без вести пропавшему пиите»: «Да, я хотел было поступить в земский суд, да наш уездный учитель, умнейший человек на свете, посоветовал мне поступить лучше в пииты; оно, говорит, и доходно и почетно» (7, 48). Тема денег как той цели, которую стремится достичь приехавший в Петербург молодой поэт, является сквозной в ранней некрасовской прозе: «Конечно, от доходов, буде оные случатся, я не отказываюсь, ибо состояние мое того не позволяет. Но сие не важно суть, ибо всем известно, что

⁵ Чуковский К. Тростников — Некрасов (черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тростникова. М.; Л., 1931.

Вальтер Скотт миллионы нажил писанием... Предположим, что не столь великое счастье мне поблагоприятствует, но пиит и половиною сего будет удоволствован...» — размышляет герой «Без вести пропавшего пииты». (7, 49–50). Тихон Тростников вполне определенно говорит о том, что, еще живя в провинции, смотрел на поэзию вообще и свою поэзию, в частности, как на средство достижения материальных благ: «По приезде в Петербург, не более как через десять дней, я надеялся иметь кучи золота и громкое имя» (8, 60). Еще более материалистически герой смотрит на литературу, уже приехав в Петербург (во второй части романа, имеющей заголовок «Похождения русского Жилблаза»):

Всеми помыслами души стремился я к литературной славе, к той славе, которая, по тогдашним понятиям моим, заключалась в громких похвалах, расточаемых тому или другому сочинителю в книжных лавках и кондитерских, да в торжественных вызовах, которые мне иногда удавалось подслушивать из театральных райков. Другого рода славы тогда я не знал. С завистию также смотрел я на красивые и удобные квартиры сочинителей, у которых мне случалось бывать. Иметь такую же квартиру, с письменным столом и этажеркой, с красивой библиотекой и полками, на которых бы в небрежном беспорядке разбросаны были раскрытые книги и рукописи, — словом, со всеми кабинетными принадлежностями записного литератора, казалось мне верхом блаженства (8, 153).

Указание на исключительно коммерческое отношение Некрасова также и к своему первому сборнику (хотя с целями и надеждами более умеренными, чем те, которые лелеяли некрасовские карикатурные двойники) было сделано библиографом А. Голубевым в вышедшей после смерти поэта отдельной книжкой биографии Некрасова. Эта биография, вне всякого сомнения, создавалась с ведома и при содействии С. И. Пономарева, работавшего в это время над изданием посмертного собрания сочинений Некрасова, и, что особенно важно, сестры поэта, очень близкой ему А. А. Буткевич⁶.

⁶ Цель издания брошюры обозначена как благотворительная — весь доход от продажи книжки должен был пойти на содержание сельской школы, которой покровительствовал Некрасов. Как распорядитель всех вырученных сумм указана А. А. Буткевич. С.И. Пономарев поместил в этой брошюре библиографический обзор литературы о Некрасове.

Голубев, вероятно, со слов Буткевич, утверждает: «В 1840 году он даже выпустил в свет собрание первых своих мелких стихотворений, под названием «Мечты и звуки» с подписью начальных букв имени и фамилии. Издание это было предпринято с единственною целью приобрести денег. Таким образом, самые первые проявления своего таланта Некрасову пришлось эксплуатировать на приобретение необходимых средств к существованию»⁷. Голубев и далее настаивает на том, что цели литературной деятельности Некрасова романтически-эпигонского периода были преимущественно прагматические: «В первых дебютах Некрасова на литературном поприще, дебютах из-за хлеба, в виде стихов «Мечты и звуки», нельзя отыскать определенной литературной физиономии»⁸. Однако если цель («слава» и «деньги») была Некрасову достаточно ясна, то на вопрос о том, какие средства нужны для ее достижения, судя по всему, у начинающего литератора не было однозначного ответа.

Очевидно, что, с точки зрения Некрасова, добиться этого было нельзя, просто стараясь писать лучше, чем другие стихотворцы. Бросается в глаза то, что в автобиографических произведениях Некрасова герои-начинающие поэты практически не размышляют о художественном качестве своих стихов. Тростников и Грибовников уверены не в своей талантливости, но, скорее, в том, что талантливость — незначимое для литературы понятие. Так, Грибовников доказывает свое поэтическое призвание преданностью поэзии: «Треволнения вселенной, коловратность мира сего — ничто! Неужели то, что я пожертвовал местом в земском суде, при коем, *окромя* прочих продуктов квартира, дрова, и свечи, для пиитики, не может служить *хоща* малым доказательством моей к оной наклонности?..» (7, 49). Для Тихона Тростникова показателем его права на звание поэта служит, сходство его стихотворений с любыми другими, попадавшимися ему в печати: «Я отвечал (книгопродавцу. — М. М.), что решительно не имею сношения ни с каким журналом и думаю, что мои стихи, если я не ошибаюсь, заслужат равное от всех журналов одобрение» (8, 90). В поздних автобиографических заметках Некрасов прямо говорит о том, что подражал всему, что попадалось в журналах, и именно подражание заставило его уверовать в свои поэтические силы: «А главное, что ни прочту, тому и подражаю. Так

⁷ Голубев А. Николай Алексеевич Некрасов. Биография, критический обзор поэзии. Собрание стихотворений, посвященных памяти поэта. СПб., 1878. С. 9.

⁸ Там же.

к 15-ти годам составила целая тетрадь, которая сильно подмывала меня ехать в Петербург» (13, 2, 57). Если же качество текстов, степень таланта никакой роли в литературе не играют, и для того чтобы называться поэтом, нужно любить поэзию и писать как все или как избранные для подражания образцовые поэты (в случае Грибовникова Тредиаковский и Ломоносов), то известность (славу) и вытекающие из нее богатства должны приносить, скорее, какие-то нелитературные факторы (например, то, что имеется сейчас в виду под словом «связи»). Так, конечно, и думал Некрасов: как показывают приведенные ниже фрагменты, еще до приезда в Петербург у него сложилось представление о том, что поэзия — это не набор стихотворных текстов, но поле взаимоотношений между литераторами. Именно правильно построенные отношения с другими литераторами или литературными деятелями оказываются ключом к достижению славы и в конечном счете денег.

Какими же представлялись Некрасову в то время отношения между литераторами? Вероятно, как свидетельствует незаконченный роман, поначалу представления о литературной жизни у него были «идеалистические», «книжные», почерпнутые из самой литературы: «Я решительно не имел тогда никакого понятия о журнальных партиях, отношениях, шайках — я думал, что литература, говоря словами одного почтенного сочинителя, есть семейство избранных людей высшего сорта, движимых бескорыстным стремлением к истине и единодушно действующих на пользу родного образования; я думал, что литераторы (виноват — *сочинители!* — тогда еще слово «литератор» употреблялось весьма редко), как члены одного семейства, живут между собою, как братья, и если возникают между ними порою споры и противоречия, то не иначе, как за святость и чистоту прав науки и жизни, которым они служат в пользу. Я думал... мало ли что я думал?.. Потому, нисколько не думая, я пошел к первому журналисту, который жил ближе от моей квартиры» (8, 93). Обычно, именно исходя из подобных идеализированных представлений об устройстве литературного мира, и рассматривают биографы визит Некрасова к Жуковскому. Однако идеалы, как показывает некрасовский текст, не выдержали первого же столкновения с петербургской литературной жизнью.

В «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» на смену «идеализму» главного героя приходит видение им литературных отношений как рыночных, мало отличающихся от торговли любым другим товаром. В романе торговцами, обычными купцами предстают писатели в отношениях с книгоиздателями: «Одевшись, я взял тетрадь с своими стихотворениями и пошел на

Невский проспект. Я переходил из одной книжной лавки в другую, предлагая свои стихотворения, но везде получал один и тот же ответ: “Не надо-с”. Некоторые спрашивали меня, не имею ли я какую-нибудь известность и к которой партии принадлежу и на покровительство какого журнала имею надежду. Я отвечал, что решительно не имею сношения ни с каким журналом и думаю, что мои стихи, если я не ошибаюсь, заслужат равное от всех журналов одобрение. Приказчики двусмысленно улыбались и советовали мне предварительно напечатать несколько своих стихотворений в журнале, назначая каждый своего журналиста и жестоко порицая всех остальных» (8, 90). Эти отношения легко переносятся и на отношения между писателями, внутрь среды литераторов. Первый встреченный журналист (прототипом является Н. Полевой) даже внешне похож на купца или приказчика (в то время как купец внешне похож на министра): «Журналист, человек среднего роста, в зеленом халате, зелено-серых чулках и старых калошах, из которых проглядывали голые пальцы (чулки были тоже худые), при моем появлении вскочил с своего места и начал низко раскланиваться, как купец из-за прилавка; при каждом поклоне он делал несколько шагов в правую сторону и на половине четвертого поклона очутился наконец подле меня. Лицо его было желто как воск и худо, как скелет крысы; волосы, средней величины, были всклокочены, а глаза сверкали, как мне тогда показалось, огнем байроновского отчаяния» (8, 93). Содержание разговора с «толстым господином» также открывает спекуляторскую закулису литературной жизни: «Живет как барон, — говорил толстяк, — померанцы на кухне, квартира в шесть тысяч, лошади, люди, балы беспрестанно — а все из чего?.. Обманом, происком, надувательством... Разорил несколько книгопродавцев. Вот погодите, и Стуколкин скоро будет банкротом! Вспомните мое слово — он его упечет! Лупит с него по 15 тысяч за редакцию. Сам ничего не делает, выправит чужую статью, подпишет свое имя и сдерет вдвесьтеро! Все у него друзья-приятели. Чтобы угодить иному, купит дрянь какую-нибудь да и напечатает в журнале. А бедный Стуколкин отдувайся!.. Дрянь хвалит, сочинения образцовые — ругает... Шут, гаер, скоморох, а не литератор!..» (8, 94).

Не только роман, но и многие факты указывают на то, что сам Некрасов достаточно быстро узнал рыночную изнанку литературы. Избавившись от идеалистической иллюзии, он вступает в сферу коммерческих отношений, действуя вполне в духе рынка. Готовность торговать тем, что принесет быстрый коммерческий успех, в частности, отразилась в замысле писать оперу. Об этом говорит сосед Некрасова по квартире и соучастник его первых ком-

мерческо-литературных начинаний К. А. Данненберг в письме Н. И. Второву (17 октября 1839 года) вместе с упоминанием о плане Некрасова издать альманах: «В ноябре, я думаю, не позже, Некрасов пишет либретто, а я музыки, и к новому году опера «Испанка», блестящая нашими именами, выйдет в свет»⁹. То, как рано (уже в 1839 году) и энергично Некрасов погрузился в разнообразные коммерческо-литературные предприятия, характерные для низовой литературы (от переводов с неизвестного ему самому языка до продажи «гостинодворским молодцам» напечатанных «на листочках» «забавных стишенок»¹⁰), хорошо известно¹¹. Тем не менее поэт отчетливо осознает, что столь прямолинейно рыночные отношения — низкие и «грязные», постепенно сводящие поэзию до писания стихов по заказу на случай за небольшую плату (как это и происходит с Тихоном Тростниковым). Модель литературы как рынка, которую Некрасов будет признавать едва ли не единственно правильной в свой «журналистский» период (то есть период стихов «эгоистических»), противоречила тому образу поэта и поэзии, который создается в сборнике «Мечты и звуки», наполненном все-таки, по выражению Некрасова, «серьезными», «лирическими и вообще нежными произведениями в стихах».

Как кажется, избегающей таких резких диссонансов выглядела еще одна модель литературного мира, присутствовавшая в сознании Некрасова до приезда в Петербург и не оставленная им и во время первоначальной борьбы за существование. Это модель «покровительства», согласно которой литература представляется в образе своего рода департамента, где есть начальство и подчиненные, где делаются карьеры приблизительно теми же способами, как в департаментах, а значит, награждение выдается в зависимости от чина, установленного порядка и расположения начальства. Такая модель подразумевает понятие «протекции», которая может быть оказана только в том случае, если литератор пишет что-то, начальством одобряемое. Подобный взгляд на литературу представлен в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова». Отец главного героя наставляет его такими словами: «Ваша братья сочинители <...> большею частью люди беспокойные,

⁹ Цит. по: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 136.

¹⁰ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 229.

¹¹ См. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. СПб., 2006. С. 47–48.

можно сказать, даже вредные; ты не будь таким, Тиша; иначе я — отец твой — первый отрекусь от тебя и прокляну — ей-же-ей, прокляну! — а старайся в самых стихотворениях своих выказать себя с хорошей стороны, снискать расположение начальства» (8, 64). Тростников говорит о том, что не понимал, как можно стихами «снискать расположение начальства»: «Я решительно не понимал тогда, каким образом можно снискать “стихотворениями расположение начальства”, и потому не обратил на совет моего <отца> никакого внимания, хотя я обещал им воспользоваться. К чести своей, однако ж, прибавляю, что я не воспользовался этим советом и тогда, когда очень хорошо его понял: на совести моей нет ни одной патриотической драмы, ни даже небольшого стихотворения, наполненного возгласами и восклицаниями, очень хорошо известными господам, упражняющимся в изделиях такого рода» (8, 64). Однако же в дальнейшем герой действует вполне департаментски-бюрократическими методами и добивается именно благорасположения начальства: «Губернатор обласкал меня так, что я вообразил, что приобрел в нем, подобно Горацию, <...> своего мецената, от щедрот которого польется на меня золотой дождь. Вследствие того я решился поднести ему свои стихотворения; в одну ночь переписал я другой экземпляр и написал вступление, в котором называл губернатора отцом города, любимцем муз и просил его дозволить посвятить первые плоды моей неопытной музыки высокому имени его превосходительства, прибавив, что они оттого получают вдвое ценности» (8, 63).

Безусловно, уже в ранней некрасовской прозе такие представления о литературных отношениях высмеиваются как архаические, устаревшие, на что указывает, в частности, их принадлежность, прежде всего, отцам героев. Так, в рассказе «Без вести пропавший пиита» отец Грибовникова требует от журналиста выступить в роли уже литературного генерала, покровительствующего начинающему поэту: «Примите под свое высокое покровительство сего юного питомца муз, дабы он мог, под вашим крылом, вознестись до превыспренних высей Парнаса и на сладко бряцающей лире восхвалить ваши ему благодетельства...» (7, 48). На устарелость таких представлений о литературных отношениях указывает и сам пародийно архаический характер поэзии Грибовникова: «Он взял огромную тетрадь и поддал мне: «Дактило-амфибрахо-хореи-ямбо-спондеические стихотворения» — стояло в заглавии <...> Нужно вам сказать, что сия тетрадь заключает в себе двадцать восемь отделов, кои все носят заглавия по названию того размера, коим трактованы» (7, 58). Грибовников, как и его отец, упоминающий в качестве образцового поэта «покойного Сумарокова» (7, 48), — носители

архаических представлений и о литературе, и о литературных отношениях. Сам Некрасов, однако, в начале своей карьеры часто действовал в соответствии с такими представлениями.

Соединение бюрократического и рыночного взглядов на литературные отношения можно видеть в письме Данненберга (12 декабря 1839 года) Н. И. Второву по поводу сборника «Мечты и звуки», который он стремился распространить по подписке в Казани через своих знакомых: «Стихи по напечатании с первой же почтой будут присланы. Не позже 1 1/2 месяц.<ев>. Постарайся, чтоб к 12 генваря вырученные деньги были здесь. Если будет барыш, то долг мой пришлю тебе в скорости. Нет сомнений, что удача будет, потому что Некрасов со всеми главными журналистами в ладах»¹². Письмо, безусловно, отражает взгляды Некрасова, и утверждения Данненберга, вне всякого сомнения, сделаны со слов поэта. Здесь обращают внимание слова «главными журналистами». В них отразились одновременно наивность обоих молодых людей и их склонность мыслить стереотипами службы, департамента.

Следствием действия Некрасова в литературе по бюрократической модели можно считать его известную перепалку с критиком В. С. Межевичем, публично заявившим в рецензии (подписанной криптонимом «Л. Л.») на один из некрасовских водевилей: «В одно прекрасное утро является мне на квартиру молодой человек с книгою в руках, которую он просит принять меня как знак своего ко мне уважения и замолвить за него словечко в газете. Я принял его со всею ласкою, как обыкновенно делается в таких случаях, поблагодарил за внимание и обещал высказать со всем чистосердечием и снисхождением мнение свое о его стихотворениях, когда удосужусь прочесть их. Молодой человек ушел. Раскрываю книгу, — на внутренней стороне обертки обыкновенная подпись: «Милостивому государю такому-то» и пр. Название книги „Мечты и звуки“»¹³. Некрасов отрицал это и частным образом (в письме Ф.А. Кони от 25 ноября 1841 года): «Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен. С стихами на поклон не только к нему, но и к другим журн<алистам> я не ходил» (14, 1, 41), и печатно в, вероятно, написанной им части статьи «Обзор прошедшего театрального года и новости наступающего» (Литературная газета, 1842, 26 апреля): «...Он (Межевич. — М. М.) очень наивно объявляет, будто г. Перепельский два года назад приходил

¹² Цит. по: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. №1. С. 140.

¹³ Северная пчела. 1841. № 246. 3 ноября.

к нему с книжкой своих стихотворений, на которой было надписано: “Милостивому государю такому-то” и пр., и просил заступничества, называя г. Л. Л. хорошим журналистом и достойным уважения человеком. Г. Перепельский доводит до всеобщего сведения, что с книгой своей он не был ни у кого из журналистов, исключая двух лично знакомых ему и уважаемых им; у господина же Л. Л. быть он не считал нужным, книги ему ни с надписью, ни без надписи не давал. Правда, кроме двух упомянутых журналистов был еще г. Перепельский со своей книгой в редакции “Полицейской газеты”, но туда он приходил единственно затем, чтобы опубликовать о своей книге. Мы бы очень желали, чтоб г. Л. Л. в доказательство своего показания дал нам случай увидеть ту книгу с надписью г. Перепельского, которая будто бы поднесена г. Л. Л. автором. Можем уверить всех от лица г. Перепельского, что такой книги нет и не могло быть, потому что ни на одном из экземпляров, разосланных к журналистам г. Перепельским, надписи никакой нет» (11, 1, 310).

Несмотря на смело выраженную поэтом уверенность в том, что Межевич не смог бы представить книжку с его дарственной надписью, думается, что Некрасов не говорит всей правды. Сам факт визита к Межевичу (пусть и с другой целью) он признал, как признал и сам факт визита к двум оставшимся неизвестными журналистам. Обращает на себя внимание оттенок покровительственности, присутствующий в тоне Межевича: молодой человек, начинающий литератор, пришел к нему, кажется, просить не просто отзыва, но сочувственного отзыва, можно сказать, что пришел просить своего рода протекции, чем и воспользовался критик в своем выпаде. Межевич в то время вполне мог восприниматься Некрасовым как один из «главных» журналистов, способных оказать покровительство («заступничество», как он сам выразился в цитированной выше статье) начинающему поэту¹⁴. И до неудачи с Межевичем Некрасов искал и отчасти находил покровительство у П. Плетнева и Н. Полевого¹⁵.

¹⁴ К этому времени он работал в «Галатее», «Московском наблюдателе», вел «Театральную хронику Москвы» в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». Известность и авторитет Межевича заставили А. А. Краевского в начале 1839 года пригласить его в качестве критика в «Отечественные записки», где его в середине года сменил Белинский. Об этом см.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 562.

¹⁵ См.: Вацуро В. Э. Некрасов и петербургские словесники // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 307–313.

Одним из шагов в рамках этой же стратегии начинающего поэта по поводу дружбы и покровительства «главных» литераторов, на наш взгляд, и является знаменитый визит к Жуковскому. Некрасова, судя по всему, не интересовало мнение старшего поэта, его оценка стихотворений. Для него Жуковский — не поэтический арбитр, чье суждение станет для молодого поэта приговором его таланту и решит судьбу книги. Выбор Некрасовым для своего визита именно Жуковского объяснялся, скорее, соединением в нем знаменитого, авторитетного поэта и крупного, влиятельного сановника¹⁶. В самом описании приема, оказанного им Некрасову, есть нечто напоминающее прием у генерала («Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения. Сказано — прийти чрез три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные...»).

Есть и еще одна причина, обусловившая выбор Некрасовым именно Жуковского в качестве возможного покровителя. Незадолго до приезда Некрасова в Петербург (в 1837 году) Жуковский выступил в роли благодетеля А. В. Кольцова, оказав ему серьезные услуги, в том числе и в коммерческих делах¹⁷. Эта история, скорее всего, была хорошо известна Некрасову. Сам Кольцов, активно участвовавший в литературной жизни, не делал из покровительства Жуковского тайны, и о нем, безусловно, знали очень многие. Некрасов мог узнать об этом событии, например, от Краевского, издателя «Литературной газеты», в которой Некрасов как раз тогда же, в начале 1840 года, начинает публиковаться (печатает стихотворение «Дни благословенные» в январе 1840 года). Именно в письме Краевскому от 16 июля 1837 года из Воронежа Кольцов оценивает роль визита Жуковского в своей жизни как благодеяние: «Дай Бог ему доброго

¹⁶ Таким литературным сановником Жуковский предстает, например, в мемуарах И. И. Панаева. В них есть ироническое описание литературного возвышения А. А. Краевского в литературно-бюрократической иерархии, на вершине которой находился Жуковский: «Напечатать свое темное имя рядом с именами Жуковского и Вяземского почти все равно, что попасть из капралов прямо в генералы. Андрей Андреевич действительно с этих пор начал походить на литературного генерала». *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 127

¹⁷ Подробно история отношений Кольцова и Жуковского изложена в кн.: *Де-Пуле М.* Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878. С. 79–80, 90–94, 108–118.

здоровья. Я благоговел перед ним. Приезд Василия Андреевича в Воронеж много меня осчастливил. Не только кой-какие купцы, и даже батенька не верил кой-чему. Теперь уверились. И ничего, слава Богу»¹⁸. Мог Некрасов узнать об этом и от И. И. Панаева (с которым он познакомился в 1839 году¹⁹), хорошо знакомого с Кольцовым во второй половине 1830-х годов²⁰.

История с Кольцовым могла вдохновить начинающего поэта на попытку ее повторения еще и потому, что в ней многое легко проецировалось на самого Некрасова — бедного провинциала, порвавшего со средой, чувствующего поэтическое призвание и нуждающегося в поддержке со стороны влиятельных благотворителей. Схожи с кольцовскими и хорошо известные трудные отношения Некрасова с отцом. И то, что заступничество Жуковского переубедило до некоторой степени отца Кольцова (как сам Кольцов утверждает в цитированном выше письме), не верившего в то, что литература способна приносить какую-либо пользу, могло вызвать у Некрасова веру в то, что подобный результат будет достигнут и в его случае (и такой вариант развития событий обыгрывается в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова», где отец главного героя оказывается переубежден в своем негативном отношении к литературе именно благодаря благосклонности генерала к стихам Тихона).

Кроме того, отношения Жуковского и Кольцова отразились и в творчестве последнего. Некрасову, который подражал в этом сборнике в том числе и Кольцову, должно было быть знакомо и его стихотворение «Великое слово», опубликованное в 1838 году в 11-м томе «Современника». Это стихотворение посвящено Жуковскому. Некрасовская «Истинная мудрость» (1839), вошедшая в сборник «Мечты и звуки», имеет явные следы кольцовского влияния. Комментаторы 1-го тома Полного собрания сочинений и писем Некрасова видят в нем следы знакомства с кольцовскими стихотворениями «Человеческая мудрость (Дума)» (впервые опубликовано в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», 1838, 26 марта, № 13) и «Неразгаданная истина (Дума)» («Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1838, 9 апреля, № 15). Как кажется, в этом стихотворе-

¹⁸ Кольцов А. В. Сочинения. М., 1984. С. 202–203.

¹⁹ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 40.

²⁰ Об отношениях Кольцова с Панаевым см.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 140–142.

нии отразилось и знакомство Некрасова с «Великим словом». Как и в указанных комментаторами стихотворениях, центральная идея «Великого слова» — непостижимость Бога и его промысла, его милости, его величия для человеческого ума:

«Да будет!» — и было,
И видим — и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет Богу вопроса,
Нет меры ему!..²¹

Подобных выражений много в стихотворении Некрасова. Как и Кольцов, он говорит о непостижимости божественного провидения:

...Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца.
<...>
Земным умом измерить бога,
Постигнуть тайны бытия, —
Нет, это дерзко, это много,
Нет, это доля не твоя!
Благоговеть пред мистицизмом
И был и есть удел людей... (1, 209–210),

уделяет внимание и бесконечному разнообразию его созданий:

Понятны ль дивные явленья
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
Бураң, что топит корабли,
Утроба гор, что родит злато
Иль мещет пламень и пожар? (1, 209)

У «Великого слова» есть своя любопытная история, связанная с посещением Жуковским и Кольцовым художника Брюллова. Этот эпизод под-

²¹ Кольцов А. В. Сочинения. С. 99.

робно изложен в дневнике А. Н. Мокрицкого²². О нем Некрасов, скорее всего, не знал. А для читателя, не знакомого с реальной историей создания стихотворения, посвящение вполне может выглядеть как указывающее на взаимоотношения Жуковского и Кольцова, как покровителя и покровительствуемого, поскольку риторика обращения к Богу в данном случае напоминает риторику обращения к благодетелю. В письме Кольцова Жуковскому можно увидеть образы и выражения, напоминающие те, что обращены к богу в стихотворении «Великое слово»: «Бывши мальчиком еще, уча наизусть ваши творения, душой сживаясь с ними, по ним любя всех вас, думал ли я в ту пору, что придет время: увижу вас, обласкан буду вами, и как обласкан! и что милый поэт России примет меня под свое покровительство, что в мутную пору матерьяльных обстоятельств примет меня под свою защиту и отведет от беззащитной головы страшную тучу, выведет из мрака моего забвения, укрепит доброе имя, даст другое мнение, лицо и жизнь: думал ли я когда-нибудь?»²³ Риторика, воспевающая дарение, непостижимую уму щедрость, искупление, творение из праха, действительно, делает фигуры Творца и Благодетеля неотлично сходными. Такой подтекст в стихотворении, воспевающем Бога, вполне мог различать Некрасов. Во всяком случае, посвящение кольцовского стихотворения Жуковскому могло указать Некрасову на то, что идеи и образы, подобные образам и идеям «Великого слова», должны быть приятны и близки тому, кому они посвящены.

Надо сказать, что утверждение Некрасова в поздних автобиографических заметках о том, что он подражал всему, что ни прочтет, представляется также недостоверным. Очевидно, что начинающий поэт, несмотря на свое эпигонство, поэтическую беспомощность, имел достаточно четкие критерии отбора того, чему следовало и чему не следовало подражать, проявлял чуткое и внимательное отношение к объектам подражания²⁴. Показательным примером является уже, впрочем, обсуждавшееся подражание Лермонтову в стихотворении Некрасова «Жизнь» (1839), также вошедшем в сборник «Мечты и звуки»:

²² См.: Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 322.

²³ Кольцов А. В. Сочинения. С. 252.

²⁴ Об эпигонстве как о поэтической системе, предполагающей в значительной степени сознательную работу с образцами, с высокой литературой, см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 98–119.

Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И гибельно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волнение
Обуревают нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблуждение
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, дарованный судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...
<...>
За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идем и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень...
И после буйного минутного безумья,
И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаем неистово тебя (1, 200–201).

Лермонтовские интонации здесь очевидны, зависимость некрасовского стихотворения от «Думы» (впервые опубликована в «Отечественных записках». 1839. № 1) не требует доказательств. Однако очевидны и различия. Некрасов исключает в своем подражании все «политическое» содержание и делает это вполне осознанно (даже если предположить, что наиболее конкретный — декабристский — подтекст ему непонятен). Острый политический протест заменяется абстрактным морализаторством. «Поколение», осуждаемое Лермонтовым за то, что превратилось в «перед властью презренных рабов», Некрасовым обличается за нежелание быть «рабами Христа». Неблагонадежный и опасный смысл заменяется благонадежным.

Столь же показательны то, как Некрасов в «Мечтах и звуках» использует пушкинскую «Вольность»²⁵, реминисценции из которой видны в стихотворении «Человек» (1838):

²⁵ Некрасов был знаком с ней, очевидно, по списку, принадлежавшему его отцу, — см. об этом: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 141–143.

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого Петра?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «Слоем пыли
Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Вовремя отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда... (1, 191)

Из пушкинского текста Некрасов заимствует только второстепенный живописный образ, имитирует возвышенные интонации оды, но исключает все, связанное с самовластьем, законом, тиранией и прочим. И на это у него есть конкретная причина. «Вольность» Некрасов прочел в списке, как стихотворение запрещенное и даже опасное. Он же стремился видеть свои стихотворения в печати. В отличие от Пушкина и Лермонтова он ждал от поэзии не одной славы, но славы и денег, сочетания, по его тогдашним представлениям, невозможного без покровительства или хотя бы одобрения начальства. Как же можно достичь его, обращаясь дерзко к «царям» с поучением или обличая рабов перед властью?

Это намерение автора сборника «Мечты и звуки» быть приятным генералу, пусть и литературному, кажется, чутко уловил Н. С. Лесков, объектом едкой насмешки которого стала именно «Истинная мудрость». В сатирической книге «Загадочный человек» (1871) он в разгаре полемики с идейным врагом писал:

Но что уже совсем срезало Бенни, так это некоторые стихотворения столь известного поэта Николая Алексеевича Некрасова. Я говорю о тщательно изья-

той Некрасовым из продажи книжечке, носящей заглавие «Мечты и звуки». Я уберег у себя эту редкость нынешнего времени, и Бенни переварить не мог этой книги и негодовал за стихи, впрочем, еще не особенно несогласные с позднейшими мечтами и звуками г-на Некрасова. Таково, например, там стихотворение, в котором г-н Некрасов внушал, что:

От жажды знанья плод не сладок
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец: без Бога прах твой ум!

Поэт, советуя «мудрецу» не упорствовать и не изнурять себя науками, пел:

Не жди, не мучься, не греши;
С мольбой возьми за труд по силе,
Путь к знаньям верой освяти
И с этим факелом к могиле,
Всего отгадчице, гряди.

Почая «мудреца» идти этою дорогою, г-н Некрасов был строг и сурово наказывал «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти к «отгадчице»:

И разлюби родного сына
За отступление от Творца!²⁶

Лесков сопоставляет эти стихи с знаменитой «Муравьевской одой»:

Поэтической просьбы же г-на Некрасова к графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэт боялся, чтобы граф не был слаб, и умолял его «не щадить виновных», Артур Бенни не дождался, да и, по правде сказать, с него уже довольно было того, что бог судил ему слышать и видеть.

Бенни во всей этой нечистой игре с передержкой мыслей не мог понять ничего...²⁷

²⁶ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. Т. 3. М., 1957. С. 363.

²⁷ Там же. С. 363–364.

Лесков, сопоставляя позднюю «Муравьевскую оду» с ранней «Истинной мудростью», хочет сказать не то, что Некрасов резко изменил свои взгляды, но то, что он никогда не имел взглядов, всегда стремился только понять и воплотить в поэзии взгляды нынешнего начальства. И потому «Бог» его раннего стихотворения — это другое обличье «начальника», генерала, «его превосходительства», которому требуется угодить, чтобы на голову поэта пролился «золотой дождь». На наш же взгляд, в «Мечтах и звуках» просто в первый раз проявились присущие Некрасову с самого начала его литературной карьеры умение и готовность в своем творчестве ориентироваться на конкретного адресата, на конкретный тип читателя, учитывать его запросы, стремление «материализовывать» своего читателя.

Завершая, резюмируем наше понимание сути разбираемого эпизода. Отношения Кольцова с Жуковским легко проецировались и на жизнь Некрасова, и на его стихи. Видя себя в той же роли, что играл Кольцов, он вполне мог надеяться на повторение Жуковским роли покровителя. Именно добиваться покровительства и протекции Некрасов пришел к старшему поэту. Неудачу же плана, можно приписать просто слабости сборника «Мечты и звуки», стихи которого не понравились Жуковскому, несмотря на сходство с его собственными стихами и стихами Кольцова, к нему обращенными, а также несмотря на благонамеренные мысли, в них выраженные. Другая вероятная причина неудачи Некрасова — устарелость самой бюрократической модели, ее нерелевантность для современной литературной жизни.

Глава 2

На службе у Ф. А. Кони. Литературное имя

1

Отказ Некрасова в начале 40-х годов от высокой романтической¹ поэзии и переход к пародийной, фельетонной² послужили для Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума прекрасной иллюстрацией и подтверждением развивавшейся русскими формалистами инновационно-ориентированной концепции истории поэзии. Некрасов предстает в их работах как поэт, остро почувствовавший рутинизацию определенных приемов и быстроотреагировавший на нее отказом от устаревших поэтических форм и их пародированием. Так, Тынянов писал: «Некрасов начинает с баллад и высокой лирики; самое значительное для него в молодости имя — Жуковский. Он быстро исчерпывает этот род и начинает его пародировать»³. Так же некрасовскую эволюцию объяснял Эйхенбаум: «Важно не забывать, что начал он с самой традиционной “высокой” поэзии и старательно повторял ее штампы (сборник “Мечты и звуки”, 1840). Приведу один характерный пример, из стихотворения “Смерти” (1838):

Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

¹ Мы используем этот термин не в строгом значении, не утверждая, что стихи сборника «Мечты и звуки» точно соответствуют тому, что представляет собой романтизм как стиль или литературное направление. Речь идет о «серьезных» стихах, в которых преобладают традиционные поэтические темы и высокая риторика.

² В относительно недавнее время стали появляться работы, авторы которых стремятся увидеть в журнальном творчестве Некрасова первой половины 40-х годов целостную эстетическую систему, в самом эклектизме ее — проявление «диалогизма», присущего эпохе. Особенно стоит выделить книгу: *Вершинина Н. Л., Мостовская Н. Н.* «Из подземных литературных сфер...» Очерки о прозе Некрасова. Вопросы стиля. Псков, 1992. В нашей работе мы исходим из тыняновско-эйхенбаумовского, опирающегося на суждения и автооценки самого Некрасова, представления о его ранней сатирической прозе и фельетонной поэзии как о явлении переходном, функциональном.

³ Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 215–216.

“Огнем сгорает в пламени” — бессмысленное клише, происхождение которого совершенно ясно: ставшая ходячей поэтической метафора, которая уже не ощущалась <...> Некрасов, как и Беранже, быстро увидел, что на этом пути спасения нет — что история требует другого. Надо было искать новых приемов, новых методов и в области стиха, и в области жанра. Надо было создавать новый поэтический язык и новые поэтические формы, потому что искусство живо восприятием, а Тебальды и Вероники (баллада “Ворон”) уже не ощущались. В такие моменты является пародия — “Текла” должна превратиться в „Феклу”»⁴. Таким образом, некрасовская эволюция обусловлена естественным стремлением к новизне и оригинальности, волей к новаторству, присущей любому большому поэту.

Сам Некрасов трансформацию своего творчества объясняет в автобиографических набросках намного проще и, если можно так выразиться, материалистичнее: коммерческой неудачей сборника «Мечты и звуки», отсутствием читательского спроса на его первую книгу и неблагоприятными отзывами критики о ней (в 1874 году: «Прихожу в магазин чрез неделю — ни одного экземпляра не продано, чрез другую — то же, чрез два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах» (13, 2, 47). Позднее: «Меня обругали в какой-то газете <...> Белинский тоже обругал мою книгу. Я роздал на комиссию экземпляры, ни одного не продано, это был лучший урок. Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические» (13, 2, 58)).

Пристальный взгляд на историю, последовавшую за этим читательским провалом, заставляет, однако, поставить под сомнение формалистское (эстетическое) и некрасовское (прагматическое) объяснения произошедшего в творчестве Некрасова поворота. Прежде всего, его утверждение о том, что именно неуспех первого сборника заставил его перейти к писанию «эгоистических» стихов, опровергается тем фактом, что Некрасов знакомится с Ф. А. Кони и становится сотрудником его «Пантеона русского и всех европейских театров» до того, как «Мечты и звуки» вышли в свет. Первый стихотворный фельетон Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (точнее, его первая часть) был опубликован в № 2 «Пантеона» 1840 года, увидевшем свет всего лишь через неделю после выхода из печати сборника «Мечты и звуки» (цензурное раз-

⁴ Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 40.

решение 20 февраля 1840 года)⁵. Таким образом, начало работы над юмористическими пародийными стихами никак не связано с судьбой книги.

Есть и другие обстоятельства, которые делают и формалистское, и примитивно прагматическое объяснения некрасовской эволюции неубедительными. Б. Я. Бухштаб отметил, что еще в течение всего 1840 года Некрасов наряду с фельетонами продолжает писать стихи в духе и стиле сборника «Мечты и звуки»: «Только в свете <...> изначальной двойственности поэтического пути Некрасова может не поражать контраст между бойкими говорными стихами “Провинциального подьячего” с их установкой на воссоздание облика, понятий и речи одного из характернейших типов эпохи и такими романтическими стихами, как “Мелодия”, “Офелия”, “Слеза разлуки”, “Скорбь и слезы”, которые печатаются в том же “Пантеоне” уже после “Провинциального подьячего», под подлинной фамилией. Это свидетельствует о том, что он считал романтическую поэзию своим основным путем, а печатаемые анонимно или под псевдонимом юмористические стихи лишь средством к существованию»⁶. Однако, по мнению исследователя, уже в это время у Некрасова вызревает стремление преодолеть эти романтические шаблоны: «Но с инерцией романтизма уже борется насмешливое отношение к нему. В том же “Пантеоне” за 1840 год, через месяц после стихотворения “Слеза разлуки”, появляется комическое стихотворение „К ней”»⁷.

На странное сочетание текстов разных типов, присутствующее не только в некрасовской поэзии, но и прозе 1840 года, обращали внимание другие исследователи и критики творчества Некрасова (Евгеньев-Максимов, Измайлов). Но и они объясняли эту странную «задержку» в некрасовской эволюции, исходя, подобно Бухштабу, из идеи пути создания новаторской поэзии, на который неизбежно должен был ступить Некрасов. Так, Евгеньев-Максимов писал, что ультраромантическая повесть «Певвица», издан-

⁵ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 58.

⁶ Бухштаб Б. Сатирическая поэзия Некрасова 1840–1850-х годов // Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989. С. 188.

⁷ Там же. У Бухштаба неточность — правильное название стихотворения Некрасова — «К ней!!!!».

ная практически одновременно с пародийным «Без вести пропавшим пистой», — «шаг назад в творческом развитии поэта»⁸. Другой критик даже склонен связывать тот факт, что «Певица» с подписью настоящего имени появилась позже фельетонных стихотворений, с особенностями журнального быта, видеть здесь своего рода «техническую ошибку»: «По тому, что повесть, более, чем раннейшие, страдает всеми уродливостями старинного письма и подписана настоящим именем поэта, возникает, по-видимому, не лишенная значительного правдоподобия догадка, не есть ли это первый опыт Некрасова, достаточно, однако, вылежавшийся в редакции, как это сплошь и рядом бывает с начинающими. Во всяком случае, почти странно допустить, что такую повесть с графами и баронами, очаровательными певицами, загадочными слепцами и перелетами из России в Италию, которой никогда в глаза не видел автор, — написал человек, уже чувявший потребности реального письма в “Без вести пропавшем пиите”»⁹.

Как нам кажется, ни одно из объяснений причин годичной «задержки», долгих колебаний Некрасова между двумя типами литературы не является убедительным. Остается неясным ни то, почему Некрасов продолжает писать в течение всего 1840 года романтические стихи (последнее «серьезное» стихотворение Некрасова — “Скорбь и слезы” появляется за его собственной подписью в № 11 «Пантеона русского и всех европейских театров» за 1840 год, то есть через 9 месяцев после выхода в свет сборника «Мечты и звуки», ни то, почему он в начале 1841 года все-таки от них отказывается. В этой главе мы попытаемся дать свои ответы на эти вопросы. Они ближе к версии самого Некрасова, поскольку основываются также на экономической логике, но на логике не столь простой, как ее представляет Некрасов в цитированных автобиографических отрывках.

2

Очевидно, что коммерческая неудача сборника (впрочем, как показывают факты, достаточно относительная¹⁰, выглядящая таковой только в случае намерения «нажить миллионы» поэзией), несмотря на утверждения Некрасова, не стала для него «уроком», не заставила отказаться от того, чтобы и писать, и печатать романтические стихи. Причину упорства поэта нужно

⁸ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 267.

⁹ *Измайлов А.* Беллетристика Некрасова // Биржевые ведомости. 1902. № 358.

¹⁰ Об этом см.: *Смирнов С. В.* Автобиографии Некрасова. Новгород, 1998. С. 40.

видеть, вероятно, в приеме, который ему оказала литературная критика. Действительно, если читатели не поощряли Некрасова высоким спросом на его сборник, то отзывы критики не были столь неблагоприятными, как может показаться из некрасовских воспоминаний. Уже один из первых исследователей сборника справедливо замечает: «Материальный успех издания был гораздо ниже скромного, чтоб не сказать, что не было никакого... Что касается журналов того времени, то они не прошли молчанием юношеских произведений Некрасова, и большинство их отзывов вполне благоприветствовало автору»¹¹. Это утверждение легко подтверждается фактами. В 1840 году положительные или, во всяком случае, доброжелательные рецензии на «Мечты и звуки» публикуют П. Плетнев¹², Ф. Менцов¹³, Н. Полевой¹⁴, анонимные рецензенты «Сына отечества» (1840, № 4), «Северной пчелы» (1840, № 59), «Библиотеки для чтения» (1840, № 2). Только две рецензии (Межевича¹⁵ и Белинского¹⁶) были резко отрицательными. При этом отзыв Межевича вызвал у Некрасова скорее раздражение как субъективный и несправедливый (в личных письмах Некрасов прямо называет его мерзавцем, в частности, в цитированном в первой главе письме Ф. А. Кони от 25 ноября 1841 года). Белинский, с точки зрения начинающего поэта, не был наиболее авторитетным рецензентом его книги¹⁷. То есть очевидный перевес сложился в пользу рецензий поощрительных, вышедших во вполне уважаемых и влиятельных изданиях. Тем не менее этот успех не удержал Некрасова от разрыва с романтической литературой.

Таким образом, если отсутствие читательского спроса на его первую книгу не стало препятствием для продолжения Некрасовым работы над стихами, подобными тем, что вошли в «Мечты и звуки», то реакция критики не сти-

¹¹ Барро М. Забытое («Мечты и звуки» Н. А. Некрасова). СПб., 1892. С. 3–4.

¹² Современник. 1840. № 2.

¹³ Журнал Министерства народного просвещения. 1840. № 3.

¹⁴ Сын Отечества. 1840. № 7.

¹⁵ Литературная газета. 1840. № 16.

¹⁶ Отечественные записки. 1840. № 3.

¹⁷ В современной научной литературе не раз и очень убедительно отрицались важность и судьбоносность, которые могла в тот момент иметь для Некрасова рецензия Белинского. В частности, см. об этом: Бухштаб Б. Сатирическая поэзия Некрасова 1840–1850-х годов // Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. С. 184–185.

мулировала его эту работу прекратить. Он продолжал писать такие стихи, несмотря на их коммерческий неуспех, и бросил такое творчество, несмотря на благоприятные отзывы в журналах. Первое обстоятельство вроде бы исключает преследование поэтом коммерческих целей, второе говорит об отсутствии у него стремления занять позицию писателя «для немногих», презирающего успех у толпы и ориентирующегося на мнение ценителей. Ситуация кажется парадоксальной, однако только если мы понимаем экономический успех упрощенно, исключительно как получение денежной прибыли от продажи товара. И литературная экономика (как, впрочем, и экономика «обычная») устроена сложнее, и Некрасов, судя по всему, уже не был столь наивен, чтобы предполагать возможность быстрого и баснословного обогащения от поэтического сборника¹⁸. Неудача с продажей книги не должна была его непременно обескуражить потому, что вырученные деньги не являются единственным видом капитала, который может принести литературное предприятие. Тот капитал, получить который стремился Некрасов, не зависит напрямую от читательского спроса на книгу и не ограничивается положительными рецензиями. Приобретение такого капитала (и осознание успеха или неудачи в его обретении) требует достаточно длительного времени, не равного тому времени, за которое может разойтись тираж книги. Процесс этот (в зависимости от обстоятельств, воли и энергии писателя) вполне может растянуться на целый год. Этот специфический капитал — литературное, писательское *имя*. Не требуется пояснять, в каком смысле имя является капиталом. Известное, популярное, знаменитое или, наоборот, неизвестное, скомпрометированное имя является не просто знаком определенного содержания, формирующим читательские ожидания. Оно является одним из главных объектов литературной экономики, основой взаимоотношений между издателем и писателем, влияющим на размеры гонораров, желание издателей публиковать или не публиковать тексты, им подписанные¹⁹.

¹⁸ Уже в середине 1840 года такие желания становятся для Некрасова объектом высмеивания (в образе Ивана Грибовникова).

¹⁹ О литературном имени как своего рода капитале существует литература, преимущественно англо-американская. Огромный материал о литературных гонорарах в их связи с писательскими репутациями дает фундаментальный труд: *Tebbel, J. W. A History of Book Publishing in the United States. V. 1–4.* N. Y., 1972. На материале русской литературы наиболее значимые наблюдения сделаны в книге: *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991. Гл. V. Литературный гонорар как форма взаимосвязи писателей и публики.

Некрасов уже в самом начале своего творческого пути, очевидно, это свойство писательского имени хорошо осознал. В частности, бережное отношение к своей подписи он мог почерпнуть из совета, данного ему Жуковским, — печатать «Мечты и звуки» под инициалами. Если его суждение о качестве стихов сборника было для Некрасова неважно, то именно эту часть полученного от старшего поэта назидания начинающий литератор, видимо, принял близко к сердцу. В романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» есть эпизод с издателем, предлагавшим главному герою выпустить свои стихи под псевдонимом, напоминающим фамилию популярного поэта:

Книгопродавец вздохнул.

— Так вам угодно продать свои стихотворения? — сказал он, ковыряя в носу и прищуривая один глаз.

— Да. Купите и напечатайте.

— Напечатать-с. Конечно-с, долго ли напечатать-с... Тут листиков семь-с печатных, больше не будет-с... Да что толку-то-с напечатать. Стихов нынче никто-с не читает... Ей-богу-с!.. Пушкин да Жуковский-с только у всякого и на уме-с! А как-с думаете напечатать, с именем или так-с?..

— Думаю на первый раз выступить под каким-нибудь псевдонимом...

— А что... страшно-с? Хи! хи-хи! псевдоним-с, конечно-с, не так опасно... А какой думаете-с псевдонимчик прибрать-с?

— Не знаю еще. Впрочем, тут думать нечего: какую-нибудь фамилию, какая первая покажется.

— Возьмите-с — *Ежов*... Вот недавно вышла маленькая книжоночка «Стихотворения Ершова».

Книгопродавец взял с прилавка небольшую книжку в голубой обертке и подал мне.

— Издал Свистунов... такой-с разбойник, перебил... у меня... право-с! Знатно идет-с... Экземплярчиков сотенки три-с у меня разошлось... Хвалят да спрашивают, не будет ли еще книжечки... Так вот-с, понимаете... вы уж не бойтесь... Я отвечаю-с...

(8, 91–92)

Имя как таковое обладает столь весомым товарным свойством, что может стать объектом спекуляции и подлога, своего рода фальшивомонетчества.

Именно этим вниманием Некрасова к имени как к знаку определенного содержания, определяющего его, имени, стоимость, как кажется, объясняется та строгая дистрибуция собственного имени и псевдонимов (Пере-

пельский, Боб и других) между стихами серьезными и пародийными, на которую указал выше цитированный нами Б. Я. Бухштаб. Мы только добавим, что эта дистрибуция распространяется в 40-м году и на прозу. Подпись «Н. Некрасов» стоит под «серьезной» повестью «Певица», в то время как комический рассказ «Без вести пропавший пиита» подписан «Н. А. Перепельский». Рассказ «Макар Осипович Случайный» представляющий некоторый промежуточный случай (сочетание серьезного и комического), также подписан псевдонимом «Н. А. Перепельский». Имя «Н. Некрасов» на протяжении всего 1840 года последовательно наполнялось серьезным романтическим содержанием и, вероятно, не должно было ассоциироваться с водевильными, фельетонными и пародийными (несерьезными) стихами и прозой²⁰. Раскрытие криптонима «Н. Н.» Ф. Менцовым, вероятнее всего, лично знакомым с Некрасовым²¹, устанавливало тождество между автором серьезных произведений, публиковавшихся в «Пантеоне русского и всех европейских театров» с подписью «Н. Некрасов», и автором сборника «Мечты и звуки». Окончательный отказ Некрасова от романтической поэзии совпадает с исчезновением в начале 1841 года дистрибуции подписей в некрасовских текстах: внешне «серьезные» повести, как «В Сардинии» или «Ростовщик», могут подписываться «Перепельский», а вещи пародийного характера — «Н. Некрасов».

²⁰ Эта дистрибуция привлекла внимание Ю. М. Прозорова, однако ее интерпретация, данная исследователем, совершенно бессодержательна, поскольку опять же базируется на идее «преодоления романтизма»: «Свои ранние юмористические произведения Некрасов, как правило, публиковал под псевдонимами, а романтические стихотворения, следовавшие после первой книги, подписывал настоящим именем. В этом сказалось его желание видеть в своем творчестве два изолированных раздела, к одному из них отошли бы произведения заказные, написанные для заработка, однодневные, к другому же — «серьезная» поэзия <...> Историко-литературная ситуация, однако, сложилась вскоре таким образом, что мнимо серьезная романтика обнаружила свою художественную несостоятельность, а произведения, писавшиеся с «эгоистической» целью, оказались серьезным шагом к созданию новой литературы». (Прозоров Ю. М. Н. А. Некрасов после книги «Мечты и звуки». К проблеме преодоления романтизма в творчестве Н. А. Некрасова 1840 года // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX веков. Вып. 57. Ярославль, 1980. С. 17).

²¹ См. об этом: Аникина А., Бухштаб Б. Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова // Литературное наследство. Т. 49–50. Н. А. Некрасов. II. М., 1946.

Таким образом, правильно говорить о произошедшем в конце 1840–1841 году переломе в творчестве Некрасова не как о сделанном выборе в пользу одного из возможных литературных путей, но как об отказе от формирования литературного имени серьезного поэта, автора высокой романтической лирики «Н. Некрасова». Вероятно, это имя сформировалось как знак определенного содержания (романтической лирики), но не превратилось в капитал, оказалось ничего не стоящим. И признание этого было для поэта (как мы покажем ниже) вполне драматическим, вынужденным. 1840 год у Некрасова прошел в попытках такое имя приобрести, в надеждах на его обретение. Одобрение критики должно было быть для него залогом того, что это имя имеет потенциал, может стать «знаменитым». Однако такой поддержки оказалось недостаточно.

Чего не хватило Некрасову, почему он признал борьбу безнадежной, несмотря на отсутствие серьезных внешних на это причин? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно принять во внимание то, что литературное имя — продукт сложной и всегда коллективной работы. Для его создания недостаточно последовательной стратегии самого его носителя на его поддержку и предохранение от проникновения в тексты, этим именем подписанные, чуждых, унижающих, компрометирующих его элементов. И поощрения критикой литератора к продолжению его деятельности, и ее рекомендации его печатной продукции читательскому вниманию тоже мало. В ситуации двусмысленной, когда успех книжки был как бы колеблющимся, неясным, одновременно многообещающим и провальным, для осуществления своей задачи Некрасову не хватило поддержки еще одной «инстанции», играющей важную роль на литературном рынке. Эта инстанция — издатель и редактор. Тем редактором, с которым Некрасов связывает свою судьбу и судьбу своего литературного имени в начале сороковых годов, сотрудничая сначала в «Пантеоне русского и всех европейских театров», а затем в «Литературной газете», был Ф. А. Кони. Отношения Некрасова с ним, в общем, получили определенное освещение²². Однако то влияние, которое имел Кони на судьбу Некрасова как поэта, прояснено

²² Прежде всего, см. в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и его современники. М., 1930. Однако, представляется, что автор преувеличивает роль Кони как покровителя и благодетеля Некрасова, чуть ли не отучившего последнего от пьянства. Автор слишком всерьез склонен принимать признания Некрасова в письмах Кони (об этих письмах речь ниже).

очень слабо²³. Мы считаем, что именно позиция, которую он занял по отношению к молодому сотруднику и его амбициям, сыграла решающую роль в отказе Некрасова от дальнейших попыток писать «серьезные» стихи и его переходе к фельетонам, пародиям и водевилям.

Понять суть позиции Кони помогает внимательный анализ литературного скандала, в который оказался втянут Некрасов в середине следующего, 1841 года²⁴. Скандал завязался после фельетона В. С. Межевича «Александринский театр», в котором содержался положительный отзыв на водевиль Некрасова «Шила в мешке не утаишь» (преьера состоялась 24 апреля 1841 года (6, 688)). Будучи эпизодом в борьбе группы Булгарина (к которой перешел Межевич) с группой Белинского (к которой принадлежали Кони и Некрасов), этот фельетон содержал два момента, болезненных для начинающего поэта. Во-первых, поощряя Некрасова, Межевич провокационно заявляет, что Некрасов-Перепельский превзошел своего редактора и издателя Ф. А. Кони в мастерстве создания водевилей и больше не нуждается в «покровительстве» последнего: «Смелее, г. Некрасов! Идите своей дорогой; зачем вам покровительство людей, которые едва ли не сами нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере. Ведь это знают все, читавшие “Пантеон” и “Литературную газету”»²⁵. Во-вторых, он самовольно раскрыл псевдоним «Перепельский», которым водевиль был подписан. Именно этот второй «проступок» Межевича вызвал отповедь во враждебном ему литературном лагере. С осуждением критика за раскрытие псевдонима без желания его носителя выступил Белинский в обозрении «Русский театр в Петербурге»: «Одна газета провозгласила, что г. Перепельский не есть г. Перепельский, а кто-то другой, но дело не в имени, притом же, и зная настоящее имя автора, газеты могут или должны не знать его: литература имеет свои законы приличия, нарушения которых обнаруживают грубость, невежество и страсть к сплетням»²⁶.

²³ Новейшая работа на эту тему: *Котикова П. Б.* Ф. А. Кони и Н. А. Некрасов в «Пантеоне» и «Литературной газете» (1840-е гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 3.

²⁴ Наиболее подробно фактическая сторона этой перепалки прослежена в кн.: *Мельзунов Б. В.* Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989.

²⁵ Северная пчела. 1841. № 108. 20 мая.

²⁶ Цит. по: *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова*. Т. 1. С. 84.

В ответ Межевич настаивает на своем праве называть Перепельского Некрасовым: «Автор водевиля “Шила в мешке не утаишь” по окончании пьесы, будучи вызван публикою, явился и раскланивался перед глазами всех, кто был в театре, стало быть, сам же снял с себя псевдоним свой...»²⁷ Упорное нежелание автора произведения, имевшего успех у публики, раскрыть псевдоним, назвать свое подлинное имя Межевич связывает с отношениями в изданиях, редактируемых Кони, говоря прямее, с требованиями самого редактора, желающего использовать анонимность сотрудника в своих целях: «Иное дело, если бы автор означенного водевиля был редактором какого-нибудь журнала и хотел бы чужими руками загребать жар, чужими трудами составлять себе известность; о, тогда была бы причина бояться гласности! Бывают примеры, что иные с величайшей таинственностью скрывают от самых задушевных приятелей своих — кому принадлежит такая-то или такая безымянная статья в их журналах <...> многие будут считать его умным, ученым человеком, заслуженным литератором, хотя бы он не что иное был, как корректор, правда, очень исправный, своего журнала, составленного из чужих статей и чужих трудов»²⁸. После этого уже сам Некрасов в «открытом письме» Ф. А. Кони (в июне 1841 года), напечатанном в «Литературной газете» и подписанном настоящим именем, отвечает Межевичу и по поводу псевдонима, и по поводу покровительства редактора: «Г. Л. Л. (криптоним, которым подписался Межевич — М. М.) позволил себе шутку, в высшей степени неприличную в литературе: он печатно объявил, что “г. Перепельский есть Некрасов”. Вам известно, что я скрывал доселе настоящую мою фамилию под псевдонимом “Перепельский”. На это я имел свои причины <...> Между обвинениями, вымышленными в противность всякой истине вашими недоброжелателями и повторяемыми г. Л. Л. в сотый раз, совершенно некстати, заметно желание показать, что вы мне *покровительствуете*, и вооружить нас друг против друга. Если г. Л. Л. под словом покровительство разумел добрые советы и указания начинающему заниматься литературою, я священным для себя долгом поставляю с удовольствием сознаться, что вы мне действительно *покровительствовали*» (13, 2, 5–8). В следующей статье (содержащей уже отрицательный отзыв на водевиль «Актер», поставленный на сцене 13 октября 1841 года) Межевич раскрывает связь «Пере-

²⁷ Фельетонная заметка // Северная пчела. 1841. № 123.

²⁸ Там же.

пельского» со сборником «Мечты и звуки» и развивает тему покровительства, перенеся ее уже на свои собственные отношения с Некрасовым (об этой истории шла речь в предыдущей главе нашей книги)²⁹. Перепалка вокруг имен, псевдонимов и отношений между Кони и его сотрудниками тянулась приблизительно до конца 1842 года³⁰, однако позиции сторон отчетливо выражены в первых выступлениях.

Известно, однако, что открытое письмо Некрасова подверглось произвольной редакторской правке и было опубликовано им вынужденно, под давлением его хозяина. Об этом сам поэт говорит в письме Ф. А. Кони 16 августа 1841 года из Ярославля: «Я не скрывал и перед Вами некоторого неудовольствия и нерешительности касательно письма моего против Межевича; это происходило оттого, что я в этом деле руководствовался не самим собою, а внушениями других. Я был под влиянием этих внушений, когда до меня дошли слухи о известной Вам *ошибочной ссылке* на «Пол<ицейскую> газ<ету>», и на вопрос А. А. Краевского, как это случилось, сказал ему, что *большую часть этого письма писали Вы сами и что автор не может отвечать за то, что заблагорассудится вставить в его статью редактору*. Не знаю, как это передали Вам, но догадываюсь, что с помощью сплетней из этого можно было сделать многое» (14, 1, 36). Позднее, в незавершенном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», работа над которым началась в 1843 году, этот эпизод изображен очень близко к реальности (сам Некрасов в нем назван «задумчивым сотрудником», Кони — «издателем газеты, знаменитой замысловатостью эпитафий», а Межевич — «почтеннейшим»³¹). В этом эпизоде утверждается, что открытое письмо целиком принадлежит перу издателя:

²⁹ Северная пчела. 1841. № 246. Именно в этой статье (вышедшей в свет в конце ноября 1841 года) Межевич и сделал свое «разоблачительное» утверждение по поводу визита к нему Некрасова со сборником «Мечты и звуки». На разоблачение Некрасов отвечает в письме Кони в ноябре же, но публичный ответ появляется только в январе следующего года, очевидно, уже после того как отношения были улажены и Некрасов все-таки остался в «Литературной газете» как постоянный сотрудник.

³⁰ См.: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы.

³¹ Вопрос о прототипах подробно разбирается в комментарии к седьмому тому Полного собрания сочинений Некрасова.

За «Бобровой шапкой» по порядку представления должен был последовать водевиль задумчивого сотрудника, который писал водевили за деньги всем и каждому, кто только пожелал к нему обратиться, а обращались к нему очень многие, потому что первая пьеса его имела счастье понравиться публике и заслужить одобрение почтеннейшего, который назвал непримиримому врагу своему, издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, сравнил задумчивого сотрудника, который подвизался на драматическом поприще под каким-то диким псевдонимом, с Мольером и советовал издателю взять «несколько уроков в остроумии, наблюдательности, приличии и сердцеведении» у своего сотрудника, за что издатель чуть не отказал последнему от места, но удовольствовался тем, что сотрудник объявил похвалу почтеннейшего для себя унижительную и заключил статью благодарностию издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, за участие, принятое им в его первом драматическом опыте, что много способствовало к успеху пьесы. Эту статью писал сам издатель (8, 186).

Нежелание печатать «открытое письмо» было вызвано, вероятно, тем, что Некрасов до некоторой степени был согласен с утверждениями Межевича. Из процитированного выше «частного» письма к Кони видно, что Некрасов не удержался от высказывания своей солидарности с критиком враждебной газеты в приватной обстановке, что и вызвало недовольство со стороны Кони и поставило их отношения на грань разрыва. Точку зрения, что у Некрасова были причины соглашаться с критиком враждебного Кони лагеря, разделяют многие исследователи. Б. В. Мельгунов полагал, что «оскорбительные для Кони и лестные для Некрасова намеки, содержащиеся в цитированном фельетоне “Северной” пчелы, очевидно, небезосновательны»³². В. Е. Евгеньев-Максимов также соглашался с тем, что «в отношении Кони к Некрасову была и своя теневая сторона. Кони, хотя и много сделал для Некрасова, однако, по-видимому, не переставал в период их совместной работы смотреть на него сверху вниз, глазами работодателя находящегося в полной зависимости от него работника»³³. На наш взгляд, причины недовольства Некрасова работодателем не исчерпывались только малой заработной платой и чрезмерным количеством обязанностей, которые ему приходилось исполнять в редакции.

³² Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. С. 13.

³³ Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов и его современники. С. 35.

Тот факт, что перебранка с Межевичем началась с раскрытия некрасовского псевдонима, то есть с вопроса о литературном имени, представляется не случайным. В некрасовских текстах первой половины 1841 года встречается несколько суждений о неважности его собственного литературного имени по сравнению с именем редактора. Так, в унижительном для Некрасова оправдательном письме Ф. А. Кони 16 августа 1841 года из Ярославля сотрудник вынужден писать о дорогом ему имени своего издателя (а не о своем собственном): «Ваше доброе имя, Ваше благородство, очень хорошо мне известное, я всегда считал священной обязанностью защищать, а не унижать, потому что никогда не забывал, как много Вам обязан <...> Я помню, что был я назад два года, как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам, — иначе бы я не написал этих строк, которые могли бы навсегда остаться для меня уликою» (14, 1, 36).

В «Водевильных сценах из журнальной жизни» «Утро в редакции», опубликованных без подписи в «Литературной газете» в начале февраля 1841 года (то есть еще до конфликта с Межевичем) — почти в то самое время, когда и происходит окончательный отказ от «высокой» поэзии — анонимность сотрудника описывается как своего рода привилегия, предоставленная ему редактором, берущим на себя все бремя связанной с известным именем ответственности за неудачи и просчеты газеты:

Пельский. <...> Жизнь глупа, очень глупа. Особенно наша литературная.

Семячко. Стыдитесь жаловаться. У вас есть определенная работа. Сделал, да и гуляй себе на все четыре стороны. Вы ни за что не отвечаете, а мы отвечаем даже за вас. Вы глупо напишете, нас бранят; вы сделаете промах, нас обвиняют в неосмотрительности. Ваша жизнь завиднее нашей, вы сотрудники, а мы труженики (6, 57).

Эти сцены имеют ярко выраженную реальную основу (Кони выведен здесь под именем Семячко, а сам Некрасов под именем Пельского). По мнению Б. В. Мельгунова, в создании этих сцен (как и в составлении открытого письма) принимал участие Кони³⁴. Этим обстоятельством обусловлен апологетический характер текста по отношению к редактору. Этим же, видимо,

³⁴ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: хроника, гипотезы, находки. СПб., 1995. С. 112.

объясняется делающееся в «сценах» утверждение о том, что анонимность сотрудника, отсутствие у него литературного имени — не беда, а скорее дарованная ему привилегия. Тем не менее сама постановка такой проблемы в тексте говорит о ее реальном наличии в отношениях Кони и Некрасова. Как кажется, в цитированных письмах и «водевильных сценах» проявляется то, что в какой-то момент условием сотрудничества в изданиях Кони для Некрасова был отказ от своего литературного имени. Поэтому очень вероятно, что, говоря об анонимности сотрудника, отказе сотрудника от своего имени как о средстве эксплуатации его таланта редактором, Межевич указал верно на ключевое обстоятельство, характеризующее отношения Кони и Некрасова. Скорее всего, он использовал свое знакомство с «внутренней жизнью» редакции «Литературной газеты», в которой он сотрудничал до марта 1840 года (то есть оставил ее через три месяца после прихода Некрасова).

Вероятно, главная претензия Некрасова к Кони заключалась в том, что тот не поддержал создание его литературного имени. На то, что Некрасов хорошо понимал, что редактор и его издание играют не последнюю роль в формировании писательской репутации, указывает еще один фрагмент из уже цитированных выше «Водевильных сцен из журнальной жизни» «Утро в редакции». Эти «сцены» вообще изобилуют размышлениями о литературном имени (кажется, превращающемся в скрытую подлинную тему произведения). В частности, о создании своего имени хлопочет комический персонаж, литератор Оболтусов, стремясь использовать для этого репутацию и имя газеты, возглавляемой Семячко:

Оболтусов. <...> Потрудитесь объявить в вашей газете, что один известный литератор, или известный писатель и ученый, принял на себя труд, ну и т. д... понимаете?..

Семячко. Очень понимаю, чего вы хотите.

Оболтусов. Итак, я надеюсь, что вы исполните мою просьбу. А за повесть мне, я думаю, и деньги получить можно.

Семячко. У нас деньги обыкновенно платятся, когда статья напечатается, и притом только известным литераторам, заслужившим имя в публике.

Оболтусов. Да вот как вы напечатаете мою повесть, так я и буду известный литератор, а деньги до того времени подожду.

Семячко. (Долгонько ждать придется.) (6, 56).

Спор здесь ведется о том, кто, собственно, должен создавать имя писателя — публика или газета. Семячко отказывается участвовать в продвижении

имени бездарного литератора. Как показывает диалог Семячко с Оболтусовым, и само издание не беспомощно в отношении создания имени писателя. Признание у публики и критики или отсутствие такового не обязательно фатально исключает возможность последующего успеха. Литературное имя — это тот капитал, который в некоторых случаях требует кредита и долгосрочных инвестиций, не сразу окупающихся. Издатель, редактор может стать тем лицом, которое инвестирует в писателя, предоставит ему своего рода кредит в тот момент, когда его имя еще только формируется, с тем, чтобы в дальнейшем получить дивиденды с его популярности. Такого рода инвестиции бывают не обязательно материальными. Например, они могут представлять собой регулярную поддержку на страницах газеты или журнала, продвижение продукции писателя, популяризацию его имени и произведений. Кони же не стал инвестировать в начинающего поэта. Что послужило причиной его нежелания вкладывать в имя Некрасова?

Было бы неверно видеть ответ в том, что Кони был просто беззащитным эксплуататором чужого таланта, пользующимся его анонимностью. Скорее, причина в том, что таланта редактор в Некрасове не находил. Если в самом начале 1840-го года Кони рекомендует Некрасова редактору только что созданного «Маяка» в качестве талантливого поэта («„Пантеон русского и всех европейских театров“, рекомендуя почтеннейшему и добрейшему Петру Александровичу молодого, талантливого поэта Николая Алексеевича Некрасова, который также не откажется участвовать в прекрасном “Маяке” Вашем, просит принять благосклонно экземпляр изданных им стихотворений»³⁵), то быстро он теряет веру в его литературные способности. Так, из письма Некрасова Ф. А. Кони 22 ноября 1841 года из Ярославля можно понять, что редактор написал ему об этом прямым текстом: «В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма. Согласен во всем» (14, 1, 40). Очень вероятно, что это мнение Кони о неталантливости Некрасова как журналиста было частным случаем общего представления редактора о бесперспективности его как литератора.

Эта догадка, кажется, подтверждается тем обстоятельством, что отрицательные оценки сборника «Мечты и звуки» исходили именно от критиков, сотрудничавших в тех изданиях, которые были «союзными» или редактировались Кони: «Отечественных записках» и «Литературной газете» (свою от-

³⁵ Литературное наследство. Т. 51–52. Н. А. Некрасов. II. М., 1949. С. 320.

рицательную рецензию на «Мечты и звуки» Межевич написал, будучи еще сотрудником «Литературной газеты», то есть она, скорее всего, не противоречила тому, что думал о книге Кони). Само хорошо известное предложение Кони Некрасову писать прозу, на самом деле, является отказом ему в поэтической способности: «На совет Кони писать прозой Некрасов отвечал, что он решительно не умеет и не знает, о чем писать. Попробуйте на первый раз рассказать какой-нибудь известный вам из жизни случай, приключение», — советует ему Кони. Предложение принято, изобретается псевдоним Перепельский...»³⁶

Разделял ли на самом деле такую точку зрения на свой потенциал «серьезного» поэта Некрасов? Если да, то тогда действительно легко отказался от «ложного» пути и безболезненно превратился в скромного журнального ремесленника. Однако, видимо, долгое время он ее не разделял, и, как показывают приведенные факты, имел на это резоны. В этом случае его анонимная или полуанонимная журналистская и водеvilная деятельность могла представляться Некрасову как своего рода отказ от высокого призвания, а отношения с редактором видятся в духе романтической поэзии, шаблона непризнанного художника. Так они и представлены в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова»: «Он («задумчивый сотрудник», т. е. сам Некрасов. — М. М.) долго боролся с нуждой; он пожертвовал ей всем, чем мог пожертвовать: временем, способностями, даже лучшими порывами и заветнейшими мечтами; он обливается слезами над сухим, тяжелым трудом, — словом, над книжкой о картофеле, — в то время как душа его кипит поэтическими идеалами, которые просятся на бумагу. Книгопродавец и журналист — его мучители, которые не отходят от него ни на минуту и за насущный хлеб делают его своим рабом: он пишет по их заказу» (8, 187).

Именно поэтому впоследствии Кони становится одной из самых неприятных для Некрасова фигур из его журналистской молодости. Освободившись от материальной зависимости от прежнего издателя, он неоднократно и крайне жестоко его высмеивает, например в рассказе «Очерки литературной жизни» (1845) в лице бесконечно самодовольного, напыщенного, утомительно сыплющего каламбурами Дмитрия Петровича, «журналиста-издателя», окруженного пресмыкающимися перед ним зависимыми от него сотрудниками и актерами: «Журналист-издатель пересказал до пятидесяти плоскостей, произнесенных им на завтраке у книгопродавца, и каж-

³⁶ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова // Отечественные записки. 1878. № 12. С. 151.

дая была встречена общим одобрением» (7, 375). В автобиографических набросках, касающихся начала литературной деятельности Некрасова, Кони не упоминается вовсе, как будто его не существовало. На первый взгляд, такое отношение к прежнему издателю выглядит как проявление неблагодарности: вне всякого сомнения, в Кони Некрасов нашел покровителя, которого не смог найти в Жуковском. И в этом смысле Некрасов в своем покаянном письме более справедлив к нему («Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам...»). Однако покровительство не касалось Некрасова как серьезного поэта. Кони готов был признать в нем только анонимного журнального сотрудника. Это видно в том числе из письма Некрасова Ф. А. Кони 22 ноября 1841 года из Ярославля: «О себе скажу, что я могу быть лучше, гораздо, смею сказать, того, каким был в нынешнем году, но таким, какого Вы нарисовали, быть во всех отношениях не ручаюсь. По тому, как я доселе работал у Вас, обо мне не судите... Это дело другое. Вспомните, что я ни к чему *не обязывался*, а поступал по произволу. Притом, не имея ничего верного, я метался из стороны в сторону, притом еще... Вы на меня смотрели как на работника, и я служил Вам как работник... Скажу, что если б я дал кому слово быть аккуратным, деятельным, постоянно верным его пользам, то собственная выгода и уважение к самому себе были бы достаточными побуждениями к исполнению обещания по мере сил и возможности... В рассуждении средств своих скажу, что если мне бог дал хоть искру таланта, то возможные плоды его были бы посвящены на пользу такого человека...» (14, 1, 40).

У Некрасова были причины чувствовать себя серьезно обиженным и обделенным своим бывшим редактором. Белинский тоже «недооценил» некрасовское «серьезное» поэтическое творчество, но осуждения и обиды на всю жизнь не вызвал, как Кони. Разница в том, что отсутствие признания со стороны редактора в реальной ситуации оказывается не просто источником комплекса неполноценности или раздражения, как всякая несправедливая, по мнению автора, оценка его книги, но и делает экономически невозможным продолжать писать стихи в духе сборника «Мечты и звуки». В результате именно равнодушного или злокозненного (каким оно могло представляться Некрасову) поведения редактора начинающий литератор потерпел неудачу в попытке обретения поэтического имени, аккумуляции капитала. Именно этой неудачей, осознанной как таковая существенно позднее выхода в свет сборника «Мечты и звуки» и последовавшего за этим читательского неуспеха, и обусловлен отказ Некрасова от «баллад и высокой лирики» и погружение в писание фельетонов, пародий и водевилей.

И описывать процесс, который происходит с Некрасовым после выхода сборника «Мечты и звуки», нужно не в терминах мифического «быстрого исчерпывания этого рода» поэзии, но как процесс своего рода литературного деклассирования, постепенной пролетаризации, превращения в безымянного журнального и газетного работника.

P. S. Эта стратегия позже была перенесена Некрасовым на его псевдоним. Его Некрасов в определенный момент ощущит как то имя, которое превратилось в капитал, способный приносить доход. В апреле 1842 года он пишет Кони, предлагая ему принять участие в совместном проекте, задуманном им и актером и водевилистом Григорьевым: «Мы начали с П. И. Григорьевым для его бенефиса комедию-водевиль в 4-х актах под названием “Столбиков” в полной уверенности, что Вы не откажетесь также написать акт или хоть сценки две-три. Такое соединение имен, еще небывалое на русской афишке, может принести существенную пользу бенефицианту» (14, 1, 43). Такая уверенность в своем псевдониме, в том, что имя Перепельского многого стоит, возможно, компенсировала горечь от дешевизны имени «Н. Некрасов».

Глава 3

«Я за то глубоко презираю себя...» — неудача в поэтизации экономики

1

В этой главе объектом «экономического» исследования будет стихотворение Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...». Приведем его полный текст по изданию 1879 года (воспроизведенный в Полном собрании сочинений), поскольку существующие немногочисленные разночтения (в частности, в издании 1856 года последняя строка читалась «А до дела дойдет — замирает рука!») не затрагивают те фрагменты, которые будут нас интересовать:

(Из Ларры)

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — неприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!
(1, 42)

В конце жизни Некрасов сделал к этому стихотворению на полях книги примечание: «Неправда. <Это слово относится к подзаголовку>. Приписано Ларре по странности содержания. Искреннее. Написано во время гостения у Герцена. Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т.е. Москва шла более реально, нежели Петербург (см. книгу Станкевича)» (1, 583).

Это примечание ставит ряд вопросов. Во-первых, что вкладывает Некрасов в слово «искреннее»? Очевидно, что он не хочет сказать тем самым, что остальные его стихотворения неискренние, поскольку искренность — это и есть, если можно так выразиться, родовое свойство лирической поэзии. Видимо, слово «искреннее» обозначает здесь какое-то специфическое качество этого текста. Какое именно качество имеется в виду? Во-вторых, что, с точки зрения Некрасова, делало содержание стихотворения «странным»? К. Чуковский в своей статье о деньгах в поэзии Некрасова видел «странность» «Я за то глубоко презираю себя...» в выраженном в нем желании стать богатым: «Какой поэт в лирических стихах осмелился бы так открыто заявить, что он жаждет богатства, потому что богатство обеспечит ему власть над людьми, то есть иными словами — свободу <...> Содержание и в самом деле было «странное» — особенно на фоне множества тогдашних стихов (в том числе и некрасовских), где <...> высказывалось такое резкое осуждение всякому, кто так или иначе стремится к богатству»¹. Многие факты указывают, однако, на то, что такое стремление в русской литературе к тому времени стало вполне «законной» поэтической темой.

Требуется объяснения и еще одно обстоятельство, связанное с этим стихотворением. Написанное в середине 40-х годов, оно было напечатано Некрасовым только в 1856 году в сборнике «Стихотворения Н. Некрасова». При этом из 73 стихотворений, вошедших в книгу, только 17 напечатано впервые, остальные уже публиковались в журналах или альманахах. Подавляющее большинство из напечатанных впервые стихотворений было написано в 1855 или 1856 годах, то есть в то время, когда этот сборник уже готовился Некрасовым. И только три текста, впервые напечатанные в «Стихотворениях Н. Некрасова», датируются столь давним временем, как 1846 год. Это «Родина» (1846) (напечатано в сборнике под названием «Старые хоромы»), «Так, служба, сам ты в той войне...» (1846) и «Я за то глубоко презираю себя...». Причины задержки публикации первых двух стихотворений вполне очевидны. «Родину»

¹ Чуковский К. И. Тема денег в творчестве Некрасова // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960. С. 282.

Некрасов еще в 1847 году пытался напечатать в «Современнике», но не получил цензурного разрешения². Стихотворение «Так, служба, сам ты в той войне...» не публиковалось долго, очевидно, по творческим причинам. В конце жизни Некрасов сделал к нему примечание, объясняющее отсутствие у него желания и читать и печатать его в течение столь долгого времени: «Отнести в приложение. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она верна — слышал рассказ очевидца Тучкова (впоследствии московского генерал-губернатора)» (1, 591). О творческих или цензурных препятствиях к публикации «Я за то глубоко презираю себя...» ничего не известно. Кроме того, если та же «Родина» задолго до публикации была хорошо известна в кругу Белинского (сам великий критик воспринял ее восторженно³), распространялась в рукописях (1, 585–587), то ни о каком допечатном распространении, чтении «Я за то глубоко презираю себя...» ничего не известно. Первые списки этого стихотворения появились не раньше середины 50-х годов (наиболее ранний известный список — запись в альбоме Я. Полонского, где оно датировано 1851 годом⁴). Таким образом, до начала 50-х годов об этом стихотворении (далеко не худшем в этот период) никто не знал, в том числе и наиболее близкие поэту люди, вроде Белинского, что выглядит очень нетипично для литературных отношений, царивших в этом круге и принятых самим Некрасовым.

Вероятно, Некрасов скрывал «Я за то глубоко презираю себя...» так долго потому, что оно оказалось слишком откровенным, указывало на какие-то реальные обстоятельства. И именно это и нужно понимать под его «искренностью». И в этом также и «странность» стихотворения, заставившая автора приписать его испанскому сатирику Ларре. Что же такое высказано в нем, что сделало его «непечатным» на долгое время? Вслед за Чуковским мы полагаем, что ключ и к пониманию того, что Некрасов имеет в виду под «странностью содержания» и «искренностью» стихотворения, и объяснению того, почему он так долго его удерживал в секрете, находится именно в четвертой и пятой «экономических» строфах. Дело, однако, не в выраженном желании обогатиться и видеть перед собой пресмыкающихся глупцов, а в том, кого Некрасов имел в виду под этим завидующим ему «умником».

² Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966. С. 93–94.

³ См. об этом, в частности: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 286.

⁴ ИРЛИ, 11 697, л. 31.

2

Крайне важным является вопрос о точной датировке текста. Она до сих пор вызывает споры. В «Собрании стихотворений» 1879 года указана дата — 1847, заведомо неверная. В Солдатенковской тетради Некрасовым стихотворение датировано 1846 годом. Правильность этой датировки вызвала сомнение. К. И. Чуковский, например, полагал, что в 1846 году Некрасов не мог гостить у Герцена, а гостил только в 1845 году⁵. Однако позднее были найдены убедительные доказательства того, что и в 1846 году Некрасов заезжал в Соколово⁶. Следовательно, авторское указание верно. Поэтому именно 1846 годом стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» датируется в академическом собрании сочинений Некрасова. Однако, остались не проясненными слова Некрасова о «реальном» направлении «Москвы» с указанием на книгу А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк)» (М., 1869). Дело в том, что содержание этой книги трудно соотносить с выраженными в «Я за то глубоко презираю себя...» идеями. Комментаторы первого тома Полного собрания сочинений Некрасова так интерпретируют это несоответствие: «В ней (книге Станкевича. — М. М.), действительно, сообщалось о «реалистическом направлении» передовой московской молодежи, увлекавшейся естественными науками (с. 218), но эта тема в стихотворении не отражена. Ссылаясь на книгу Станкевича, Некрасов, видимо, хотел косвенно указать, что стихи написаны под впечатлением политической проповеди Герцена, прозвучавшей в его спорах с Грановским (в книге Станкевича о них рассказывается довольно подробно)» (1, 583–584). Однако не похоже и на то, что в стихотворении говорится что-то о политике или о революционной проповеди (вероятно, комментаторы имели в виду заключительные строки: «И что злоба во мне и сильна и дика, / А хватаясь за нож — замирает рука!», которым революционный смысл можно приписать только с очень большой натяжкой).

В новейшей «Летописи жизни и творчества Некрасова» дата «1846» оспорена и стихотворение отнесено к 1845 году: «Такое решение (датировать текст 1846-м годом. — М. М.) представляется сомнительным, во-первых, потому, что само стихотворение Некрасова не носит «ярко выраженного политического характера», во-вторых, потому, что спор Герцена-материалиста с Грановским-идеалистом о «единстве души и тела» в 1846 г.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. М., 1948. С. 519–520.

⁶ См.: Блинчевская М. «Написано во время гощения у Герцена» // Вопросы литературы. 1971. № 8.

<...> не имел политического оттенка, а в-третьих, потому, что в отличие от пребывания Некрасова в Соколове летом 1845 г. краткий деловой визит его к Герцену в 1846 году трудно назвать гощением⁷. Эти аргументы нам представляются неубедительными. Третий пункт возражений выглядит особенно сомнительным: любой визит, независимо от его длительности, может быть назван «гощением» без особенных натяжек. Два первых пункта опровергают только интерпретацию комментаторов Полного собрания сочинений того, что имел в виду Некрасов, указывая на книгу Станкевича, и что он понимал под «реальным» направлением. Доказывают же они только то, что отсылка к книге о Грановском, скорее всего, ошибочна и поэтому не должна играть важной роли в вопросе о датировке стихотворения. Книга Станкевича вышла в конце 60-х годов, и несоответствие сделанного в 1877 году указания Некрасова ее содержанию, скорее всего, свидетельствует о том, что он не помнил ее в деталях и понимал под «реальным» направлением что-то другое. Поэтому датировка летом 1846 года должна быть сохранена уже по слабости аргументов против нее.

Мы хотим привести еще один косвенный аргумент в пользу 1846 года как даты создания стихотворения. Известно, что «Я за то глубоко презираю себя...» в значительной степени является подражанием стихотворению А. В. Кольцова «Расчет с жизнью» (1840). Приведем его текст также полностью:

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым, —
И что ждало меня,
Я не видел за ним.

⁷ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 522.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба:

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..⁸

Большое количество переключек делает несомненным «кольцовский» подтекст «Я за то глубоко презираю себя...». Н. Н. Скатов справедливо утверждает, что «без большой натяжки поэт мог бы дать своему стихотворению подзаголовок «Из Кольцова». Некоторые строки его — это почти перевод кольцовского «Расчета с жизнью» <...> Дело даже не в собственно литературном влиянии, но в родстве состояний и типов, за этими стихами стоящих»⁹.

Именно в 1846 году вышел сборник стихотворений Кольцова с предисловием Белинского, изданный Некрасовым и Прокоповичем. В этом же году кольцовский круг тем и понятий активизировался в творчестве Некрасова (например, в стихотворении «Огородник»). Этот контекст, а не конкретные детали споров Грановского с Герценым в Соколове, как нам кажется, объясняет, что понимал Некрасов под «реальным» направлением. Дело в том, что творчество поэта-прасола играло важную роль в формировании

⁸ Кольцов А. В. Сочинения. С. 163–164.

⁹ Скатов Н. Н. Алексей Кольцов // Скатов Н. Н. Сочинения: В 4 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 126–127.

в первой половине 40-х годов направления мысли того круга, к которому принадлежал Некрасов. В это время круг Белинского проповедует отказ от идеализма, признавая за высшие и подлинные только самые «земные» человеческие устремления. Поэтизацию таких устремлений видел в этих кольцовских стихах Белинский, которому «Расчет с жизнью» был посвящен. В своего рода «сопроводительном» письме (декабрь 1840 года) Кольцова Белинскому к этому стихотворению (первоначально называвшемуся «Жалоба») говорится: “Жалобу” я посвятил вам потому, что в ней много сказано от души и про вас, и про меня. В этой стороне нашего жития у меня с вами много схожего. Конечно, если напечатать ее в журнале, то посвящение можно будет замарать. Я вовсе не думал посвятить вам печатно, а лишь положить ее на ваше чувство»¹⁰. Кольцов, очевидно, угадал настроение Белинского. Критик в письме Н. А. Бакунину (6–8 апреля 1841 года) цитирует это стихотворение, противопоставляя реальную жизнь бесплодному идеализму, стремлению «в облака»:

Есть наслаждение мчаться верхом на лошади, скакать на лихой тройке в санях, есть наслаждение сорить деньги, хорошо пообедать, временем выпить порядочно; но выше всего — женщина <...> Я говорю по опыту: малою я не хотел, и лишился всего, и нечем помянуть юность. Назади и впереди — пустыня, в душе — холод, в сердце — перегорелые уголья, которые и в самовар не годятся.

1

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,

2

Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Да, ни одного образа, который бы я мог назвать своим и милым; я один в мире, мое сердце ни для кого не бьется, потому что для него не билось ни одно сердце.

Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой.

¹⁰ Кольцов А. В. Сочинения. С. 351.

Я очерствел, огрубел, чувствую на себе ледяную кору; я знаю, что живою человеку тяжело пробыть со мною вместе несколько часов сряду. Внутри все оскорблено и ожесточено; в воспоминании — одни промахи, глупости, унижение, поруганное самолюбие, бесплодные порывы, безумные желания. Я никого впрочем, не виню в этом, кроме самого себя и еще судьбы. Такова участь всех людей с напряженною фантазиею, которые не довольствуются землею и рвутся в облака. Мой пример должен быть для Вас поучителен. Спешите жить, пока живется. Любите искусство, читайте книги, но для жизни (т. е. для женщины) бросайте и то и другое к чорту¹¹.

При той близости, которая была у Некрасова с Белинским в 1845–1846 годах, вряд ли он мог не знать об этом «диалоге» критика и поэта. Кроме того, Белинский и Некрасов совместно готовили к печати книгу Кольцова¹².

К середине 40-х годов под «земным» мыслители круга Белинского-Герцена начинают понимать все более и более «низменные», практические стороны жизни, то есть прежде всего связанные с экономикой. Этот новый «реализм» в крайнем виде представлял «москвич» В. П. Боткин, который, правда, не был в Соколове в 1846 году. В письме П. В. Анненкову 20–26 ноября 1846 года он пишет: «Пока промышленные интересы у нас не выступят на сцену, до тех пор нельзя ожидать настоящей деятельности в русской литературе <...> Видите, законы промышленности вошли уже в русскую литературу, а ведь это сделалось на наших глазах; за десять лет об этом слуха не было»¹³. И несмотря на то, что Белинский выражал неудовольствие тем, что ему казалось крайностью в позиции Боткина, в письме ему от 29 января 1847 года («Скажу тебе правду: твое новое практическое направление, соединенное с враждою ко всему противоположному, произвело на нас всех равно неприятное впечатление, на меня первого»¹⁴), его собственные высказывания в этот период изобилуют коммерческими планами, в них встречаются полушуточные-полусерьезные высказывания, подобные сделанному в письме А. И. Герцену от 14 января 1846 года из Петербурга: «Бедность не порок, а хуже порока. Бедняк — подлец, который должен сам себя презирать, как парию, не имеющую права даже на солнечный свет»¹⁵ (поэтому вы-

¹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 9. С. 460–461.

¹² Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 411.

¹³ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 256.

¹⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 605.

¹⁵ Там же. С. 578.

раженное в стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» презрение к себе, в том числе, за свою бедность не выглядит ни странным, ни особенно искренним).

И то желание скопить «богатую казну», которое выражено в некрасовском тексте, но отсутствует в «Расчете с жизнью», вполне типично для кольцовской поэзии. Казна (обычно «золотая казна») не раз встречается в ней как вполне достойный предмет человеческих устремлений:

Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну;
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью, —
Так разжалоблю
Золотой казной!..¹⁶
(Косарь, 1836)

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую...¹⁷
(Раздумье селянина, 1837)

¹⁶ Кольцов А. В. Сочинения. С. 94–95.

¹⁷ Там же. С. 103.

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют¹⁸.
(«Что ты спишь, мужичок?..», 1839)

Белинский при этом различал коммерцию как низкое торгашество и честную коммерцию. Торгаш чужд всяких духовных запросов, честный коммерсант и есть высшее воплощение этих запросов. И именно Кольцов, вероятно, ретроспективно был интерпретирован как образец практического человека, стремящегося не к идеальному миру, но к тому, чтобы стать честным капиталистом. В статье Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова» различие между торгашом и честным капиталистом рассматривается как различие между обладателями больших и мелких капиталов: «Все эти дела он вел и ладил... Но в это время они начали тяготить его, и в нем всё больше и больше усиливалось отвращение к ним. Это не было следствием пошлого идеальничанья, которое любит одни облака и не любит земли; нет, тут был другой, благороднейший источник. Кольцов полагал большое различие между купцом-капиталистом, которому не только необходимо — даже выгодно быть честным, потому что честность дает кредит, а без кредита большая торговля невозможна, и между мелким торговцем, которого положение всегда скользко, ненадежно, неопределенно, который всегда принужден вертеться ужом и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всеми правдами и неправдами...»¹⁹ Таким образом, само стремление обогатиться,

¹⁸ Кольцов А. В. Сочинения. С. 146.

¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 94.

получить как можно более денег, ворочать как можно большими капиталами совпадает со стремлением к честности. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что «реальность» в примечании Некрасова отсылает именно к этому направлению умов Москвы и Петербурга и, значит, прежде всего к «экономическим» строкам стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...»²⁰ Однако это же означает и то, что желание накопить богатую казну не было «странным». Наоборот, оно было вполне естественным для Белинского и его круга. Его не требовалось скрывать. Оно уже было канонизировано в фигуре Кольцова, его жизни, и нашло отражение в его поэзии. Следовательно, «странность» некрасовского текста заключается в чем-то другом.

В каком смысле можно говорить об искренности в стихотворении, представляющем собой подражание? Очевидно, что и подражание может быть выражением подлинных чувств автора при условии сходства между двумя поэтами: подражателя и объекта подражания. Для Белинского Кольцов стал предметом особого интереса еще и потому, что был его поклонником и верным учеником, готовым воплощать идеи учителя в своем творчестве и жизни²¹. Некрасов сблизился с Белинским так же, как и Кольцов: как уче-

²⁰ К в чем-то схожим выводам пришел, вероятно, одновременно с нами Н. Н. Пайков. Так он пишет: «В этих словах (имеются в виду слова о большей «реальности» Москвы, чем Петербурга. — М. М.) Некрасов, по нашему мнению <...> прямо характеризовал позицию «москвичей» (В. П. Боткина, Н. Х. Кетчера, К. Д. Кавелина, Е. Ф. Корша и др.) как более реальную (практическую), чем позиция «петербуржцев», ориентированных именно на идеологический (т. е. «идеальный»), а не «материальный» (он же «утилитарный») результат, отстаивавшийся «москвичами». — *Пайков Н. Н.* «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья первая. Этика жизнестроительства // Русская литература. 2006. № 4. С. 21. Статья эта, однако, в значительной степени написана в духе традиционных размышлений о «двойственности» личности Некрасова.

²¹ Например, в воспоминаниях И. И. Панаева Кольцов так отзывался о своих отношениях с великим критиком: «Белинский единственный человек у нас в настоящее время, владеющий эстетическим вкусом и понимающий искусство. Его немногие ценят, особенно из ваших петербургских литераторов, — это очень жаль-с... И какой светлый ум у этого человека! Какое горячее, благородное сердце! Я обязан всем ему; он меня поставил на настоящую мою дорогу; без его советов я не решаюсь теперь печатать моих мараний: он мне говорит всегда, что нужно выкинуть, что исправить, что вовсе бросить. Уж он так добр ко мне, такое участие принимает во мне!» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 141).

ник-простец с учителем-мудрецом²². Даже хронологически это выглядит так, как будто Некрасов тут же заменил Белинскому ушедшего Кольцова в качестве ученика: осенью 1842 года Белинский узнает о смерти Кольцова²³, а уже в феврале следующего года знакомится с Некрасовым и берет его под свое «покровительство»²⁴. В значительной степени воспроизводил Некрасов и образ Кольцова-предпринимателя, вынужденного вести грязную жизнь мелкого торговца, но стремящегося к тому, чтобы стать крупным и честным капиталистом. И. И. Панаев вспоминал: «Он с каждым днем более сходил с Белинским, рассказывал свои горькие литературные похождения, свои расчеты с редакторами различных журналов и принес однажды Белинскому стихотворение “На дороге”».

Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление. Он полюбил его за его резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добиваясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал.

Некрасов пускался перед этим в издание разных мелких литературных сборников, которые постоянно приносили ему небольшой барыш... Но у него уже развивались в голове более обширные предприятия, которые он сообщал Белинскому.

Слушая его, Белинский дивился его сообразительности и сметливости и восклицал обыкновенно:

— Некрасов пойдет далеко... Это не то, что мы... Он наживет себе капиталец!

²² «В 1843 году, — вспоминал впоследствии П. В. Анненков, — я видел, как принял за него Белинский, раскрывая сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: «“Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. СПб., 1912. С. 552.)

²³ Кольцов умер 19 октября 1842 года в Воронеже. Белинский узнал о его смерти около 20 ноября того же года. (Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. С. 341)

²⁴ Время знакомства Белинского с Некрасовым уточнено в кн.: Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: хроника, гипотезы, находки. С. 46.

Ни в одном из своих приятелей Белинский не находил ни малейшего практического элемента и, преувеличивая его в Некрасове, он смотрел на него с каким-то особенным уважением»²⁵. Это одобрение именно к коммерческой жилке Некрасова и уважительное отношение к «капитальцу», который готов нажать себе его ученик, безусловно, — следствие того же «реального» направления, предпочтения большого капитала мелкому.

О том, насколько важен был для отношений Белинского и Некрасова пример Кольцова, насколько Некрасов был готов подражать поэту-прасолу в стремлении стать честным капиталистом, соединяющим практицизм с высокими запросами духа, говорит до сих пор не получившее объяснения намерение Некрасова в начале июня 1846 года открыть книжную лавку. Об этом плане сообщает Белинский в письме М. Белинской (11–12 июня 1846 года): «Некрасов будет в Петербурге к августу. Он открывает книжную лавку и тотчас же займется печатанием моего альманаха. Открытие лавки очень выгодно для моего альманаха, так же как мой альманах очень выгоден для лавки. Деньги для лавки дают ему москвичи»²⁶. Возникновение этого коммерческого проекта, как нам представляется, связано именно со стремлением Некрасова воплотить в своей жизни тот же самый образец — в цитированной статье о Кольцове Белинский пишет: «Кольцов не боялся дела, но не любил низости и грязи. Волею и неволею был он с детства завербован в эту грязную деятельность; напряженный раз, терпеливо тащил свою ношу в надежде будущих благ; но по временам эта ноша доводила его до отчаяния. С последней поездки в Москву эти минуты уныния, апатии и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала их. По отстройке дома он думал сдать отцу приведенные им в порядок дела по степи, а самому заняться присмотром за домом и открыть в нем книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей природы с внешнею деятельностью»²⁷. Книжная лавка становится своего рода экономическим идеалом, гармонично сочетающим коммерцию и духовность. И Некрасов, кажется, был готов попытаться этот идеал осуществить (или, во всяком случае, говорил об этом Белинскому)²⁸.

Таким образом, подражая обращенному к Белинскому стихотворению Кольцова, Некрасов выражает то, в чем он имитирует Кольцова в жизни. Поэтому «Я за то глубоко презираю себя...», будучи в значительной степе-

²⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285.

²⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 600.

²⁷ Там же. Т. 8. С. 94.

²⁸ Отметим, что деньги на реализацию этого идеала давали реалисты-«москвичи».

ни подражанием конкретному стихотворению Кольцова и перепевом многих кольцовских мотивов, может вполне восприниматься и как «искреннее» в самом простом смысле слова, то есть как текст, выражающий чувства и желания самого Некрасова. Эта искренность касается и содержания стихотворения, и самой «настроенности» его на чувства Белинского.

Однако идиллические отношения учителя-Белинского и ученика-Некрасова потерпели крушение. Личность и судьба умершего к тому времени Кольцова были для Белинского удобным материалом для создания в статье «О жизни и стихотворениях Кольцова» идеализированного образа честного капиталиста. Его нетрудно было представить как человека, погруженного в «грязную» жизнь мелкого предпринимателя, но тяготившегося ею и стремившегося стать предпринимателем крупным, честным и отдающим дань высоким запросам духа, потому что Кольцов не распространил свои интересы капиталиста на литературу (не открыл книжную лавку, например). В случае Некрасова теоретические построения Белинского и его круга вступили в серьезное противоречие с реальной жизнью.

Как хорошо известно, камнем преткновения в отношениях Некрасова и Белинского стала история с арендой в 1846 году «Современника» и отстранением критика от участия в доходах от журнала. Именно в этом случае прагматика экономических отношений (требовавшая сократить число лиц, имеющих право на долю в доходах от журнала) вступила в видимое противоречие с более абстрактными гуманными, человеческими требованиями (проявить благодарность и сознание высокого долга перед учителем). Поступок Некрасова, несмотря на его ясные и рациональные практические мотивации, экономически безупречные, был подавляющим большинством общих знакомых воспринят как безнравственный. По их мнению, Некрасов использовал популярное имя критика, а также предоставленный им собранный для альманаха Белинского материал в целях собственного обогащения. Критик в результате не получил ничего, кроме новой зависимости, на этот раз от своего преданного ученика²⁹. Сам Белинский,

²⁹ Приведем только суждение Кавелина, как наиболее типическое: «Говорилось, что это будет журнал Белинского <...> Белинский попал на удочку с всегдашней своей младенческой доверчивостью. Что Панаев стал редактором «Современника» — это было еще понятно. Он дал деньги. Но каким образом Некрасов, тогда малоизвестный и не имевший ни гроша, сделался тоже редактором, а Белинский <...> оказался наемщиком на жалованье, — этого мы не могли понять, негодовали, подозревали Некрасова в литературном кулачестве и гостиннодворничестве, которые потом так блистательно им доказаны» (*Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 3. С. 193).

пережив острое и горькое разочарование в своем «ученике», позже более взвешенно и, можно сказать, самокритично оценил его поведение и его мотивации в известном письме И. С. Тургеневу (13 марта 1847 года): «Мне теперь кажется, что действовал он честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем, он еще не дорос, а приобрести его не мог по причине того, что возрос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер. Вижу из его примера, как этот идеализм и романтизм может быть благодетелен для иных натур, предоставленных самим себе. Гадки они — этот идеализм и романтизм, но что за дело человеку, что ему помогло отвратительное на вкус и вонючее лекарство <...> еще далеко не очистился от грязи своей прежней жизни, привычек и понятий»³⁰. Как видно из этой цитаты, Белинский оказался вынужден признать неудачу синтеза высоких нравственных ценностей и экономической рациональности («объективного» и «высшего» права, в его терминологии) в ситуации, когда интересы «романтика» и «идеалиста» пересеклись с интересами «честного капиталиста». Примирительный тон Белинского и относительная реабилитация им «идеализма» и «романтизма» в цитированном высказывании связаны и с косвенным признанием своей теоретической ошибки: стремление к большому богатству само по себе еще не означает стремления к преодолению низости и грязи, но вполне может с ним сочетаться.

Говоря об этой истории, до сих пор ставящейся в вину Некрасову³¹, нельзя обойти вопроса о том, сознательно ли Некрасов выстраивал свой образ «для Белинского» по образцу Кольцова? Как кажется, его поведение было такого выстраивания не чуждо³². Об этом говорит, в частности, позднее неотправленное письмо Салтыкову-Щедрину (апрель или май 1869 года), представляющее собой ответ на обвинения, выдвинутые против поэта Тургеневым, опубликовавшим в 1869 году в своих воспоминаниях о Белинском цитированный нами фрагмент из письма критика. Мучи-

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 625–626.

³¹ Обзор посмертных обвинений Некрасова (В. Розановым, С. А. Венгеровым, Р. В. Ивановым-Разумником) представлен в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и его современники М., 1930. С. 76–77.

³² Любопытно, что и такой пронизательный биограф Кольцова, как М. Де-Пуле, полагает, что и в поведении самого Кольцова по отношению к Белинскому присутствовал значительный элемент игры, выстраивания своего образа таким, каким его хотел видеть критик. (*Де-Пуле М.* Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878. С. 78).

тельно давшееся Некрасову письмо дошло в четырех вариантах. Наиболее важен для нас второй, содержащий комментарий к интересующему нас фрагменту из писем Белинского, опубликованному Тургеневым в его воспоминаниях о критике:

Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся я с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть; в 24 года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба. Не до того мне было, чтоб жертвовать своими интересами чужим. Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же самом первом, обвиняющем меня письме, что он «и теперь меня высоко ценит». <...> Я не был точно идеалист (иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий (далее зачеркнуто: как коммерческое предприятие расчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане) практических качеств), еще менее был я ровня ему по развитию; ему могло быть скучно со мною, но помню, что он всегда был рад моему приходу. Отношения его ко мне до самой смерти сохранили тот характер, какой имели вначале. Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались со мной его беседы со мною, (далее зачеркнуто: он ловил меня часто на словах — и это одно слово давало ему повод высказать мне многое, что было для меня и ново и полезно) имевшие для меня значение поучения (15, 1, 94–95).

Некрасовская характеристика его отношений с Белинским выглядит и как проделанный задним числом анализ, и как изложение осознанной программы поведения. Эта программа для самого Некрасова, видимо, была связана с трудностью совмещения экономической, коммерческой рациональности, которой он руководствовался, с высшими моральными требованиями, на отсутствие которых в нем сетовал Белинский. В некрасовском письме трудности приобретают своего рода стилистический характер, характер «трудностей перевода». Они отражаются, прежде все, в правке, которой подверглось письмо, правке, отражающей по-прежнему мучительные усилия, с которыми Некрасов подбирает слова для того, чтобы охарактеризовать отношения между ним и Белинским. Так «полезное и новое» заменяется «значением поучения», а описание журнала «как коммерческого предприятия», требующего «расчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане», заменяется просто журналом, «требующим практических качеств». «Коммерческий» язык переводится на теоретический язык самого Белинского, язык «высшего», «объективного права».

Фундаментальное смысловое различие между языками оказывается непреодоленным. Ни описать приемлемо свои отношения с Белинским, ни «облагородить» причины своего поступка с ним Некрасову не удастся. Письмо, видимо, не было ни закончено, ни отправлено Салтыкову.

В стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» произошла неудача, аналогичная неудаче совместить идеализированные представления о крупном и честном капиталисте и реальную экономическую практику. Некрасову не удалось в этом тексте перевести желание богатства на поэтический язык, превратить экономику в поэзию. Жесткая, «грязная», по выражению Белинского, реальность экономических отношений выступила на поверхность из-за поэтической формы. Эта реальность, и в этом суть дела, реконструируется даже слишком легко, и именно традиционная датировка стихотворения позволяет ее увидеть. Упоминание о «гощении» у Герцена в Соколове летом 1846 года как об обстоятельстве, в котором создавалось «Я за то глубоко презираю себя...», не указывая на связь ведшихся там разговоров с содержанием стихотворения, тем не менее, дается Некрасовым неспроста. Это указание соотносит стихотворение с теми обстоятельствами, которые связаны для самого Некрасова с этим «гощением». Прежде всего, нужно вспомнить, что 1846 год — это время, когда Некрасов начал добиваться значительных коммерческих успехов. В 1845 году вышел альманах «Первое апреля», тогда же «Физиология Петербурга», в самом начале 1846 года — «Петербургский сборник». Все это успешные коммерческие предприятия, однако, не давшие Некрасову состояния, достаточного, например, для самостоятельного издания журнала. Настоящего богатства еще ему только оставалось желать. И в этом смысле содержание стихотворения («Не скопил я себе хоть богатой казны») соответствует реальности жизни автора.

В начале того же 1846 года Белинский собирает материалы для своего собственного альманаха «Левиафан». В мае 1846 года он едет на юг вместе с М. С. Щепкиным, в Москву приезжает только в октябре и летом в Соколове не присутствует. Заботу о «Левиафане» он, уезжая, оставляет Некрасову³³. И именно этим летом Некрасов побывал не только в Соколове, но и в казанском имении Григория Толстого, с которым он вместе с Панаявым вел переговоры о взятии в аренду журнала «Современник»³⁴. В середи-

³³ Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. С. 440–456.

³⁴ Анализ этого эпизода, показывающий, что замысел Некрасова издавать «Современник» возник еще до поездки в казанское имение Григория Толстого, см.: Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960.

не сентября этого же года Некрасов в письме Белинскому, написанном между 21 и 26 сентября 1846 года, уже вернувшись в Петербург, убеждает его, опираясь на экономическую целесообразность, принять его коммерческо-издательский план:

Все это весьма прискорбно и поставило бы меня в крайние затруднения касательно Вашего альманаха, если б не следующее обстоятельство. Еще в Казани решили мы с Толстым и с Панаевым хлопотать о приобретении журнала, чтоб с 1847 года приступить к его изданию. На это предприятие Толст<ой> и Панаев решились употребить значительные деньги <...>

Еще в Казани мы имели в виду, когда дело удастся, списаться с Вами касательно уступки Вашего альманаха нам в журнал. Но теперь, при вышеписанных обстоятельствах, я нахожу этот оборот дела выгоднейшим для Вас и не думаю, чтоб Вы находили иначе. Мы заплатим Вам за все статьи, имеющиеся для Вашего альманаха, и за те, кои будут для него доставлены, хорошие деньги, и это будет Ваш барыш с предполагавшегося альманаха. Пишите, что Вы обо всем этом думаете и когда Вы приедете, ибо можете судить, как Ваше присутствие в Петербурге для нас теперь важно. Само собой разумеется, что мы предложим Вам условия самые лучшие, какие только в наших средствах. Работой также Вы слишком обременены не будете, ибо мы будем помогать Вам по мере сил (14, 1, 58–59).

Из этого много раз обсуждавшегося письма ясно, что и план издавать журнал без Белинского-партнера возник, вполне вероятно, именно летом 1846 года. Таким образом, легко предположить, что стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» написано тогда, когда Некрасов решает, что умирающему Белинскому, его «учителю», не стоит предоставлять возможность стать совладельцем и соиздателем журнала. Именно это и оказывается отраженным в тексте: не просто желание обогатиться, нажить «богатую казну», но и обойти «умника», заставить его позавидовать.

Проблема Некрасова в том, что это реальное желание, касающееся реального человека, оказывается слишком прозрачным. Так происходит не только потому, что, если кольцовские «грязные» экономические дела лежали в стороне от литературы, прямо не касались и были почти неизвестны мыслителям, превращавшим его в идеальный образ честного капиталиста, то некрасовский проект был им хорошо известен и непосредственно затрагивал. Так произошло еще и потому, что экономическому предприятию в тексте не придано обобщения. Стихотворению не хватает поэтичес-

кой условности. У Кольцова желание обогатиться переводится на поэтический язык, становится обобщением и символом чего-то другого, то есть уходит от своего грубо-экономического источника достаточно простым, но вполне эффективным способом. В стихотворениях, где выражается сходное с некрасовским желанием накопить казну или сожаление о том, что этого не удалось достичь, создается условная поэтическая ситуация, чувства и мысли приписываются стилизованному персонажу. Поэтому такие слова становятся иносказаниями. Вполне вероятно, что они выражают реальное желание Кольцова, но установление связи между словами героя и личностью автора, конкретными обстоятельствами его жизни, поступками, направленными на обогащение, крайне затруднено и, можно сказать, некорректно. Потому никакая жизненная коммерческая «грязь» не может вмешаться в наше восприятие текста. В стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» нет никаких элементов, которые бы создавали дистанцию между автором и лирическим героем. Поэтому поиск его фактической основы становится не только возможным, но даже и необходимым для понимания стихотворения. Именно такая слишком тесная и прямая связь текста с его реальным основанием и подразумевается Некрасовым, на наш взгляд, под словом «искренне».

Неизбежно к поиску подтекста были бы склонны читатели стихотворения, если бы оно было опубликовано в то же время, когда было написано. Как кажется, контекст, присутствовавший в сознании всех, вовлеченных в историю с «Современником» (а это практически все потенциальные слушатели и читатели Некрасова в то время), угрожал тем, что в «умнике», который должен был позавидовать богатству лирического героя, увидели бы Белинского. В самих же стихах людям, не преодолевшим в себе, как выяснилось, «идеализм» и «романтизм», нельзя было бы увидеть ничего кроме насмешки, злой иронии над умирающим учителем, которого собирается ограбить слишком уж прагматичный ученик. И уж во всяком случае так должен был понять это стихотворение сам Белинский. Подзаголовок «Из Ларры» не мог защитить стихотворение от такого прочтения. Потому, в отличие от «Расчета с жизнью», стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...», в котором также было «много сказано от души» и про автора, и про Белинского, не только не было посвящено критику, но не могло быть даже прочитано ни ему, ни любому человеку из их общего окружения. Опубликовать его стало возможно только после того, как история с арендой «Современника» отошла в прошлое и стихотворение уже не должно было автоматически к ней отсылать, ког-

да оно перестало быть «искренним», а осталось только «странным», непонятым в новом контексте.

Лирика всегда основана на искренности — это ее важное свойство. Однако эта искренность не может быть «чрезмерной». Некоторые черты душевной жизни могут войти в нее только при определенных условиях, при условии того, что будут трансформированы в соответствии с определенными нормами. В этом смысле сама искренность конвенциональна, является другим обличьем или даже другим названием поэтической условности. Перейти за эту условность означает подвергнуть себя серьезному риску. Случится нечто, подобное тому, что произошло с Фердыщенко во время «*petit jeu*» в романе «Идиот». Установка на искренность никогда не отменяет рамок, перейдя которые, рискуешь вызвать не восхищение смелостью признания, а отвращение от мерзости поступка. Мы же скажем просто, что стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» является примером неудавшейся «идеализации», перевоплощения экономики в поэзию.

Глава 4

Альманах и проект экономического равенства в литературе. Дороговизна гения

1

История отношений Белинского и Достоевского в начальный период писательской карьеры последнего не раз описывалась и интерпретировалась¹. Известна роль Некрасова в самом начале этой истории². Однако та роль, которую поэт сыграл в разрыве Достоевского с кругом Белинского, нам кажется недостаточно проясненной. Это связано с тем, что, сосредоточиваясь на идеологических, эстетических или узко личностных причинах конфликта, исследователи (как и мемуаристы) недостаточно внимания уделяли экономической (пусть и в очень широком смысле) подоплеке всей истории. Однако такая сторона ссоры существовала и именно в ней Некрасов сыграл едва ли не решающую роль. Эту роль позволит пояснить размышление над правкой, внесенной Некрасовым в текст статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (опубликована в № 1 «Современника» за 1847 год). Это та статья, которая сделала огромный вклад в уничтожение писательской репутации Достоевского вплоть до нового его появления в литературе после каторги. Мы приведем интересующий нас фрагмент по Полному собранию сочинений Некрасова (жирный шрифт в цитатах принадлежит нам):

Вариант Белинского: «Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевского были признаны тотчас же всеми, и — что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только **необыкновенный** талант».

Вариант Некрасова: «Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевского были признаны тотчас же всеми, и — что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только **сильный** талант».

¹ Например, см.: Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 58–100. Или: Frank J. Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton, New Jersey, 1976. P. 159–198.

² См. об этом: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 82–85.

Редакция, напечатанная в «Современнике»: «Оригинальность таланта г. Достоевского была признана тотчас же всеми, и, что еще важнее — публика тотчас же обнаружила ту неумеренную требовательность в отношении к таланту г. Достоевского и ту неумеренную нетерпимость к его недостаткам, которые имеет свойство возбуждать только талант» (13, 2, 121).

Эта правка, которая может показаться мелочно-стилистической (почему так скрупулезно «необыкновенный» талант заменен на «сильный», чем «сильный» отличается от «необыкновенного?»), на наш взгляд, является тщательно продуманной. И именно «экономический» анализ той ситуации, которой она вызвана, позволяет понять эти тонкости, слабо различимые для современного читателя и критика.

2

Для понимания смысла этой правки, очевидно, нам необходимо совершить экскурс в сложную проблему эстетических оценок и иерархий. Оценка степени таланта, сравнительного достоинства произведений современных писателей всегда составляет важную часть работы критиков. Помимо средства манифестации вкусов определенной общественной группы³, такие оценки и выстраиваемые на их основе писательские иерархии играют своего рода организационную, структурирующую литературное поле роль. Способы установления иерархий, принципы, по которым даются оценки писателям и их трудам, отражают характерные для эпохи или литературной группы типы литературных отношений и отношений между литературой и «соседними» областями: идеологией, политикой и экономикой. В этом смысле критическая деятельность Белинского и Некрасова в середине 40-х годов не является исключением. Специфика их оценочной стратегии вызвана спецификой идеологии той литературной группы, которую возглавлял Белинский и к которой принадлежал Некрасов в качестве литератора и издателя.

В идеологическом основании этого литературного направления (получившего название «натуральная школа»), тогда только создававшегося, лежат «реализм» и «прагматизм», интерес к материальным сторонам жиз-

³ Теория вкуса как манифестации социальной позиции, как инструмент властных стратегий наиболее подробно разработана Пьером Бурдьё, прежде всего в работе: *Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London, 1984.*

ни и презрение к оторванному от земли «романтизму», отказ от «идеальничания», по любимому слову Белинского того времени⁴. Принятие такой системы ценностей вело к возникновению проблемы с эстетическими оценками: если признавать преимущественную важность именно материального вознаграждения за любые дела или услуги, то, очевидно, тот же принцип должен быть применим и к литературе. Эстетическая ценность продукта должна, таким образом, совпадать с его стоимостью в экономическом смысле. Такой идеал нарисован в опубликованном в №№ 3 и 4 «Современника» за 1847 год романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история», горячо принятом Белинским⁵:

Уверен ли ты, что у тебя есть талант? без этого ведь ты будешь чернорабочий в искусстве — что ж хорошего? Талант — другое дело: можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал — стоит твоих ста душ.

— Вы и это измеряете деньгами?

— А чем же прикажешь? чем больше тебя читают, тем больше платят денег.

— А слава, слава? вот истинная награда певца...

— Она устала нянчиться с певцами: слишком много претендентов. Это прежде, бывало, слава, как женщина, ухаживала за всяким, а теперь, замечаешь ли? ее как будто нет совсем, или она спряталась — да! Есть известность, а славы что-то не слышать, или она придумала другой способ проявляться: кто лучше пишет, тому больше денег, кто хуже — не прогневайся. Зато нынче порядочный писатель и живет порядочно, не мерзнет и не умирает с голода на чердаке, хоть за ним и не бегают по улицам и не указывают на него пальцами, как на шута; поняли, что поэт не небожитель, а человек: так же глядит, ходит, думает и делает глупости, как другие: чего ж тут смотреть?..⁶

⁴ Об идеологии «натуральной школы» подробнее см.: Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.

⁵ Отзыв Белинского об «Обыкновенной истории» содержится в том же обзоре, что и интересующие нас характеристики таланта Достоевского. Напомним, что критик в целом солидаризируется с жизненными принципами, которые воплощает старший Адуев.

⁶ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1952. С. 55–56.

Очевидно, однако, что публика (главный субъект, а в это время практически единственный, кто оценивал произведения литературы материально, деньгами⁷) выглядит очень ненадежной, сомнительной⁸ в качестве субъекта эстетических оценок. Пристрастия массового читателя могут быть основаны на невежестве и предрассудках. В лучшем случае, публика доверчива и простодушна, ее легко обмануть. Этим пользуется литература эстетически беспомощная, при этом недобросовестная, беззастенчиво коммерческая, ориентированная на получение прибыли любой ценой. В статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья первая)» («Литературная газета», 1 января 1844 года) Некрасов говорит о процветании «грязного» литературного «толкучего рынка»: «Есть у нас литература грязная, *копеечная*, которая скрывается в непроходимых извилинах толкучих рынков, дышит гнилым воздухом сырых и темных подвалов, питается скромной данью с покрытого лохмотьями невежества. <...> Ее представители — люди темные, еле грамотные, но чрезвычайно хорошо знающие свою публику и оттого удивительно смелые» (11, 1, 134). «Есть у нас другая литература, — родная сестрица первой, но более опрятная, сметливая и осторожная. Ей также нет дела до искусства, до науки, она даже не понимает их хорошенько и не поймет, пока ей кто-нибудь порядочно не заплатит. У нее та же цель, что и у первой, — деньги, но в гораздо обширнейшем размере <...> И горе ей, бедной, доверчивой публике! *Промышленная* литература со всех сторон опутывает ее сетями и, должно отдать справедливость, очень часто весьма искусными. <...> Но в особенности неистощима она в угодливости пред публикою, в потворстве ее неразвитому, шаткому от недостатка убеждений вкусу, в готовности тешить ее чем ни попало, лишь бы она тешилась да исправно платила» (11, 1, 135–136).

В результате активности таких литераторов публика платит не за художественное качество произведения, а за занимательность, попадает на грубые приманки, становится жертвой недобросовестной рекламы. Так в статье о книге Ф. Булгарина «Очерки русских нравов, или Лицевая сторо-

⁷ Как хорошо известно, в это время остальные институты материальной поддержки литературного труда, такие как меценатство или фонды, либо ушли в прошлое, либо еще не сформировались.

⁸ По иронии судьбы, это касается и самого замечательного романа, содержащего эту сентенцию. Как известно, изданный отдельной книгой, роман расходился чрезвычайно плохо. Об этом Некрасов писал Тургеневу 11 сентября 1848 года: «Обыкновенная» истор<и>я» имела не менее успеха, но я напечатал ее отдельно, и в 8 месяцев продано только двести экземпляров» (14, 1, 111).

на и изнанка человеческого рода» (1843) Некрасов пишет: «Какие из новых книг стоят того, чтобы заплатить за них деньги?.. Их нет, должны были бы отвечать мы. Униженно сознав свою немощность, отказавшись от благородных усилий обращать на себя внимание публики посредством самой себя, наша литература превратилась в торговый дом, в рынок, где казовым концом замысловато разложены гнилые товары для привлечения покупателей; она кинулась на мелочи и совершенно погрязла в них; она прибегает к картинкам, к роскоши типографской, к поразительно диким заглавиям, к пышным объявлениям, надевает шутовской колпак на людей некогда почетных, гонит за вдохновением старых, выписавшихся сочинителей в трактиры и харчевни, наконец, забыв и стыд, и сан, пляшет пред публикою вприсядку, — и всё для того, чтобы заставить публику бросить ей несколько грошей, которые сделались ее единственною целью, ее кумиром, ее губителями!.. <...> Все остальное, что мы разумеем под именем отрывочных изданий, состоит из картинок, более или менее удачных, и текста, насильно навязываемого сочинителями публике при картинках, — такого текста, которого без картинок публика не только не купила бы, но даже не взяла бы, если б сочинители сами платили ей за это... В<о> главе заготовителей означенного товара, т. е. текста для картинок, красуется известный и опытный сочинитель г. Булгарин...» (11, 1, 81–82).

Литература, стремящаяся исключительно к коммерческому успеху, порождается и легитимирует ложную экономику, основанную на спекуляции. Такая экономика создает беспорядок в эстетической сфере, формирует ложные ценности и иерархии. Литературное имя на таком рынке часто есть нечто дутое, сфабрикованное, как утверждает Некрасов в одной из своих самых ранних статей (рецензии на сборник “Сто русских литераторов”, изданный в 1841 году А. Смирдиным): «Конечно, между знаменитостью большая разница, но эта разница сглаживается тотчас, как скоро станут рядом в одной и той же книжке. Да, кто имел счастье попасть в «Сто литераторов», тот уже знаменит, хотя бы прежде его поприще нисколько не давало ему права даже на звание плохого писателя» (11, 1, 13).

При засилье в литературе такой ложной экономики и ложной иерархии деньги не достаются хорошим писателям, чья продукция высоко оценивается экспертами. В уже цитированной статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья первая)» Некрасов говорит о существовании благородной литературы, движимой не корыстью, а высокими гуманистическими и эстетическими идеалами: «С великодушным самоотвержением, ради благой и далекой корыстных расчетов цели, одушев-

ленная высокими началами великого преобразователя России, избрала она путь тернистый и трудный, ведущий к достижению вечной и святой истины, к осуществлению на земле идеала, — и медленно, но твердо и самостоятельно шествует по своему пути, невидимо подвигая вперед общественное образование...» (11, 1, 139–140). Не владея приемами толкуемого рынка, эта «благородная литература» легко проигрывает борьбу за читателя и его деньги литературе низкопробной, промышленной, как пишет Некрасов в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья вторая и последняя)»: «В то время как молодая, только что сформировавшаяся русская публика с благородною, великодушною готовностью хваталась за все печатное, ловкие производители, помышлявшие об одних личных выгодах, на каждом шагу расставляли ей сети, и кроткая, добродушная, доверчивая публика то и дело в них запутывалась. Вкус ее не развивался, и с каждым днем увеличивалось влияние литературных производителей...» (11, 1, 165). Однако такая не вознаграждаемая самоотверженность не соответствовала духу прагматизма и реализма новой школы. Честный, благородно способствующий просвещению писатель должен был вознаграждаться не только похвалами критиков, но и материально.

Утверждение новой благородной литературы, эстетических и идеологических принципов «натуральной школы», таким образом, требовало ликвидации резкого дисбаланса между эстетическими оценками и принципами материального вознаграждения литературной продукции, и поэтому (до того как публика просветится и сама будет в состоянии правильно оценивать художественные произведения) прямо было связано с созданием правильного литературного рынка. Эта задача должна была объединить Некрасова — потенциального издателя произведений «натуральной школы» — и Белинского — критика, ее возглавлявшего и эстетически направлявшего. Двойственную задачу установления новых экономических и эстетических отношений и иерархий (а не только рекламу и продвижение новой «школы», новой группы литераторов) были призваны выполнить знаменитые некрасовские сборники «Физиология Петербурга» (первая часть вышла в марте, вторая — в конце июня 1845 года⁹) и «Петербургский сборник» (вышел 15 января 1846 года¹⁰).

⁹ Работа по сбору материала велась с начала июня 1844 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 150).

¹⁰ Подготовка издания началась весной 1845 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 170).

Альманах «Физиология Петербурга», как подчеркивают практически все мемуаристы¹¹, задумывался Некрасовым в первую очередь как проект коммерческий, рассчитанный на получение прибыли. Д. В. Григорович, в своих воспоминаниях вообще склонный обращать особенное внимание на «практичность» Некрасова (в его мемуарах это слово становится постоянным эпитетом, определением Некрасова), пишет: «Около этого времени в иностранных книжных магазинах стали во множестве появляться небольшие книжки под общим названием “Физиологии”; каждая книжка заключала описание какого-нибудь типа парижской жизни <...> У нас тотчас же появились подражатели. Булгарин начал издавать точно такие же книжечки, дав им название “Комары”; в каждой из них помещался очерк типа петербургской жизни <...> Некрасову, практический ум которого был всегда настороже, пришла мысль начать также издавать что-нибудь в этом роде; он придумал издание в нескольких книжках: “Физиология Петербурга”. Сюда, кроме типов, должны были войти бытовые сцены и очерки из петербургской уличной и домашней жизни. Некрасов обратился ко мне, прося написать для первого тома один из таких очерков»¹². На стремление издателя получить от книги как можно большую прибыль указывает и «рекламная кампания», очень настойчиво проводимая Некрасовым (не менее шести раз печатно упоминавшим и рекомендовавшим эту книгу) и поддерживаемая Белинским (также, по всей видимости, писавшим объявления о будущем выходе «Физиологии Петербурга»¹³). В рекламе альманаха важную роль играли те средства привлечения читательского интереса, на которые, как на свойственные промышленной литературе, напал Некрасов в цитированных выше статьях: высокое качество бумаги, наличие картинок и т. д.¹⁴ Важная роль в привлечении читательского внимания отводилась самой теме (жизнь Петербурга), занимательной для публики.

Однако в этом проекте были и черты необычные, говорящие о том, что он призван был утвердить принципы новой, правильной литературной эко-

¹¹ Например, см.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1981. С. 273.

¹² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 83.

¹³ В прибавлениях к № 112 «Московских ведомостей» за 1845 год (Без подписи. Традиционно атрибутируется Белинскому).

¹⁴ Например, о политипажах в готовящемся сборнике «Петербург. Физиология. Составленная из трудов русских литераторов», которые будут выполнены «искусным художником», говорится в «Библиографических известиях» в № 9 «Отечественных записок» за 1844 год.

номики. В рекламной кампании «Физиологии Петербурга» не акцентировались некоторые черты, которые делали сборник потенциально привлекательным для публики, «стоящим того, чтобы заплатить за него деньги». Прежде всего, в ней почти отсутствуют упоминания литераторов, принимающих участие в сборнике. Так, Некрасов сообщает в фельетоне «Литературные новости» («Литературная газета», 1844, № 36) о близящемся выходе в свет «Физиологии Петербурга»: «Книга, о которой мы выше упомянули, <...> поставила себе целью ознакомить читателей с Петербургом в физиологическом отношении» (12, 1, 146). О том, кто будет участвовать в сборнике, не говорится ни слова. В упоминавшемся первом развернутом объявлении о предстоящем выходе в свет «Физиологии Петербурга» в Прибавлениях к № 112 «Московских ведомостей», написанном Белинским, говорится только о темах, которые будут развиваться в сборнике. Постепенно имена авторов в объявлениях появляются¹⁵, однако и в этом случае не подчеркивается, что то или иное имя принадлежит знаменитому или любимому публикой литератору. Это выглядит особенно странно потому, что среди участников сборника были действительно популярные, известные писатели. Если А. Я. Кульчицкий (псевдоним «Говорилин») и Д. В. Григорович были совершенно никому не известны (популярность Некрасова как поэта в это время оценить трудно, но, думается, она не была существенной), то Белинский к тому времени был, конечно, знаменитостью. Популярными и даже модными писателями были И. И. Панаев и Е. П. Гребенка (тот же Панаев так характеризует степень ценности участия Гребенки в альманахах и журналах: «Для журналистов он был необходим, потому что повести его и рассказы очень нравились большинству читающей публики...»¹⁶). В. И. Даль (В. Луганский) обладал серьезным авторитетом. Однако эта изначально существующая иерархия писателей, участвовавших в сборнике, в рекламе игнорируется. Вступление к сборнику, написанное Белинским, показывает, что за этим «упущением» стоит сознательно избранная стратегия, имеющая идеологически принципиальный характер.

Вступление не подписано и потому производит впечатление заявления, сделанного от лица всех участников альманаха. Прежде всего, Белинский в нем признает коммерческий характер проекта, материальный интерес,

¹⁵ Например, в фельетоне «Журнальные отметки» в «Русском инвалиде» № 256 за 1844 год (возможно, написанном Некрасовым) названы имена Даля, Гребенки, Григоровича, Зотова.

¹⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 108.

объединивший писателей: «У нас совсем не бывает порядочных книг, направленных к одной цели и составляемых в сотрудничестве, совокупными трудами нескольких лиц, — что так часто бывает во французской литературе. Это тоже факт — и с этой стороны упреки публики опять справедливы. Она сетует на литераторов за их дух парциальности, не допускающий их действовать дружно и совокупными силами. В этом есть своя доля истины; но что же делать, если причины этой парциальности заключаются гораздо более в различии образования, направлений, понятий, нежели в корыстных расчетах, как привыкли у нас думать? Корысть так же хорошо связывает, как и разделяет людей, и потому она не может быть непреодолимою помехою для дружной совокупной деятельности»¹⁷.

Другая важная задача вступления — экспликация фундаментального принципа настоящей литературной иерархии, основанной на разграничении талантов великих, необыкновенных и обыкновенных: «Явление великих талантов не зависит от воли и желания людей. Но выбор предметов, которым посвящают перо свое обыкновенные (и потому самому более многочисленные) таланты, может подвергаться упреку или неодобрению»¹⁸ — пишет Белинский, объясняя читателю поставленную в сборнике задачу — исследовать петербургскую жизнь. Последние очень полезны, кажется, иногда даже полезнее гениальных. Их функция: быть «посредниками между ими («гениальными писателями». — М. М.) и публикой, усвоив себе их идеи и идя по проложенной ими дороге»¹⁹.

Именно такими «обыкновенными» талантами предстают участники сборника. Это самоопределение — не самоуничужение, а своего рода программа: «Как бы то ни было, но, в ожидании вожденной деятельности талантов, пока, за неимением лучшего, благосклонному вниманию публики предлагается в этой книге опыт характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей. Предмет занимателен и важен, требует большого таланта, наблюдательности и большого умения писать, словом, требует гораздо больше, нежели сколько, может быть, в состоянии выполнить трудившиеся над составлением этой книги. Но что нужны?»²⁰

Итак, в сборнике все литераторы равны, уравнивает их то, что они обладатели талантов обыкновенных, несравнимых с гоголевским или лермон-

¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 7. С. 131–132.

¹⁸ Там же. С. 127–128.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 135.

товским гением. И это их важное достоинство, потому что именно вследствие своей «обыкновенности» эти писатели более «рациональны» и потому могут быть мобилизованы на решение насущной задачи, от которой гений может отвернуться. Главное в сборнике — тема и правильный угол зрения на нее, то есть верное «направление»: «Сочинения Гоголя в особенности чужды всякой исключительной цели: знакомя читателя с петербургским жителем, они в то же время знакомят его и с человеком вообще и с русским человеком в особенности: цель, возможная только для великого художника, — цель, к которой могут стремиться другие более или менее богатые даром творчества писатели, но в которой едва ли кто у нас может соперничать! Что касается лично до составителей этой книги — они совершенно чужды всяких притязаний на поэтический или художественный талант; цель их была самая скромная — составить книгу вроде тех, которые так часто появляются во французской литературе <...> то же касается до нескольких статей, помещенных в нашей книге и подписанных известными в нашей литературе именами, — эти имена сами отвечают за их достоинства, и мы предоставляем судить о них публике»²¹. Таким образом, если писатели и имели имена в литературе, то эти имена не являются чем-то определяющим для оценки работ, помещенных в альманахе, они не признаются в качестве основной причины для обретения их произведениями благосклонности публики. Не громкие имена участников, но наличие темы, важной для общества, прогрессивного «направления» должно заставить читателя оценить и «оплатить» общий труд всех литераторов.

Эта декларация Белинского не прошла незамеченной, будучи действительно необычной в сложившихся условиях литературного рынка. Рискованность уравнивания всех участников сборника как обыкновенных талантов, послужила удобным поводом для насмешек критики, основывающейся на традиционных принципах литературных иерархий. Так К. С. Аксаков в рецензии на первую часть некрасовского альманаха в № 5–6 журнала «Москвитянин» за 1845 год пишет: «Физиология Петербурга» вполне согласна с требованием ее издателей — она вполне посредственна. Критика может поблагодарить за такое облегчение, не знаем, поблагодарят ли только писатели, сотрудники «Физиологии Петербурга» и читатели, которых хотят угощать посредственностью»²². Утверждение важности и достаточности обладания обыкновенным талантом для права писателя на признание вы-

²¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 135.

²² Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 163.

зывает удивление и порицание у П. А. Плетнева: «Если и чисто ученый труд без художественного в литературном отношении таланта редко чего-нибудь стоит, что же без него стоит труд чисто литературный?»²³ Не остался без внимания и ехидной критики представителей старой традиционной литературной экономики, основанной на популярности писательского имени, отказ, выраженный Белинским от лица всей группы литераторов, считается известностью у читателей. Прежде всего, Ф. В. Булгарин, демонстрируя сомнение в реальности желаний писателей «натуральной школы» не спекулировать на предполагаемой известности некоторых авторов альманаха, видя в этом отказе от таких претензий, скорее, кокетство и приманку для публики, иронизирует в фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «Мы бы даже не упомянули о выходе в свет “Физиологии Петербурга”, если б эта книга не объявила таких огромных претензий в своем *введении* и если б *неизвестный автор* его не провозгласил так громко известности сочинителей статей»²⁴. Мемуары П. В. Анненкова суммируют впечатление удивления и недовольства, которые вызвала проявившаяся, в том числе и во вступлении к «Физиологии Петербурга», «литературная политика» Белинского. Он интерпретирует заявление великого критика таким образом: «Белинский склонялся все более к признанию важного значения так называемой беллетристики, которая существует во всех странах Европы, образуя в них такой же существенный элемент общественного развития, как и художественные произведения, и часто служа пособием для их понимания. Со стороны Белинского этот ввод нового деятеля в область искусства и это снабжение его патентом на право гражданства в ней не было изменой старым положениям критика 1840–1845 годов, а только дополнением их <...> Какую скромную роль ни отводил еще Белинский беллетристике вообще в литературе, но ходатайство за нее и предъявление ею прав на внимание показалось еще многим ересью. Ново и дико было то, что критик признавал учителями общества уже не одни гениальные или очень крупные таланты, как прежде, а и всю безымянную массу литераторов и деятелей, разрабатывающих вопросы общественной жизни»²⁵.

Среди критиков, ругавших «Физиология Петербурга», К. Аксаков наиболее пронизательно устанавливает связь между коммерческим характером издания и сделанной во вступлении декларацией об «обыкновенности» та-

²³ Современник. 1845. № 5. С. 251.

²⁴ Северная пчела. 1845. № 79. 7 апреля.

²⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 256–257.

лантов его участников: «Почему же автор “Вступления” так сильно заботится о таких писателях? <...> И так, посредственные писатели нужны только для того, чтобы могли быть предпринимаемы и поддерживаемы литературные спекуляции»²⁶. Специфически коммерческий характер некрасовского предприятия делает его, по утверждению критика-славянофила, типичным для новой петербургской литературы: «Одни за другими появились литературные предприятия, сосредоточивали вокруг себя толпы писателей <...> началась сильная фабрикация литературных произведений, и полновесные книги журналов и других повременных изданий разошлись по всем концам России. Для подобных предприятий нужны были и особого рода писатели, такие, для которых литература составляла бы своего рода службу, деятельные, способные для всяких работ, по возможности лишенные особенностей, которых произведения не противоречили бы никакому убеждению, никакому из направлений подобного рода изданий»²⁷. Аксакову видится в этом альманахе воплощение какой-то гибридной буржуазно-бюрократической экономики, превращающей литературу в коммерческое предприятие и для этого вербующей массы поденщиков, посредственных писателей, работающих за гроши и обогащающих литературного предпринимателя.

Как нам представляется, замысел Некрасова и Белинского заключался в другом. Ими не предполагалось реальное равенство всех писателей в сборнике как равенство посредственности. Показательно, что тот же Белинский, в качестве одного из участников альманаха утверждавший среди них равенство и отсутствие претензий на больший или меньший талант, выступая в роли критика, рецензента первой части «Физиологии Петербурга» в № 5 «Отечественных записок» 1845 года, рассуждает о сравнительном качестве включенных в него трудов. Он, в частности, называет лучшие тексты, вошедшие в книгу, каковыми являются, по его мнению, «Петербургский дворник» Даля и «Петербургские углы» Некрасова²⁸. И Некрасов, рецензируя «Физиологию Петербурга», выделяет как самую лучшую часть альманаха статью Белинского: «Хотя все статьи этой части написаны так, что не раз сорвут улыбку с уст самого серьезного читателя, не раз заставят грустно задуматься самого веселого человека, мы скажем, что статья г. Белинского, по глубине мысли, по верному воззрению, по прекрасному изложению и по цели своей, занимает первое и почетнейшее место между ними» (11, 1, 188).

²⁶ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. С. 162.

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 558.

Как кажется, издатель и идейный вдохновитель альманаха не отрицают неодинаковое качество текстов и степень талантливости авторов, но, скорее, хотят лишить литературное имя его спекулятивного характера, характера капитала, придающего ценность любому тексту, им подписанному. Поэтому они и предпринимают стратегию на исключение «гениев» из альманаха. Количество гениев, писателей, все вышедшее из-под пера которых заведомо имеет ценность, должно быть сведено к предельному минимуму. Во всех остальных случаях не имя должно иметь ценность, а продукт — его качество. В конечном счете это означает, что деньги должны перестать претендовать на то, чтобы быть средством оценки таланта, регулятором литературных иерархий. Публика же, платящая деньги, должна быть (до того, как путем просвещения поднимется до уровня экспертов) от эстетических оценок отстранена. Так и устроен сборник — как коммерческий проект: публика платит деньги не за имя, а за тему, за разработку интересующего ее вопроса (показ ей разных сторон петербургской жизни), судить о степени талантливости авторов она предоставляет экспертам. Остается только разрешить вопрос о том, как распределить деньги, выданные публикой за альманах, между участниками сборника. Формулируя по-другому, как оплачивать вклад каждого из авторов в коллективный труд? Решить этот вопрос и означает построить литературную экономику.

Мы имеем мало данных о том, как оплачивались статьи в «Физиологии Петербурга». Существует свидетельство одного из наиболее тогда безызвестных участников альманаха, Д. В. Григоровича, возможно, проливающее свет на то, как доход был распределен между участников сборника:

За «Шарманщиками», которые похвалил Белинский, я написал для второй книжки «Физиологии Петербурга» рассказ «Лотерейный бал». Я принес его для прочтения Некрасову и застал у него А. Станкевича, брата того Станкевича, который был товарищем по Московскому университету Герцена, Огарева, Боткина и других. А. Станкевич, написавший впоследствии несколько недурных повестей, остановился на несколько дней у Некрасова.

— Станкевич! — воскликнул Некрасов, когда окончил чтение рассказа, — мы с вами потом сосчитаемся, дайте Григоровичу сто рублей, он на этот раз отличился!

Эти сто рублей (ассигнациями, конечно) были первый гонорар, полученный мною за мой литературный труд²⁹.

²⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 86.

Эти сто рублей, данные начинающему писателю не за имя (которого у него нет), но за то, что он «отличился», характеризуют новые экономические принципы: публика платит за альманах, а эксперты распределяют прибыль между участниками по степени качества труда.

В «Петербургском сборнике» была предпринята попытка пойти еще дальше. Идеологически в этом альманахе продолжалась линия на признание авторов «обыкновенными» талантами. В статье Белинского «Мысли и заметки о русской литературе», заключающей «Петербургский сборник», в частности, говорится: «Раз где-то была высказана мысль, что у нас больше художественных, нежели беллетристических произведений, больше гениев, нежели талантов. Как всякая самобытная и оригинальная мысль, она возбудила толки. И действительно, с первого взгляда эта мысль может показаться странным парадоксом; но, тем не менее, она справедлива в основании»³⁰. Принципы же оплаты писательского труда стали объектом еще более радикального эксперимента. А. Я. Панаева в своих воспоминаниях, безусловно, далеко не во всем достоверных³¹, сообщает такой эпизод из истории создания сборника:

Некрасов задумал издать «Петербургский сборник». Им уже были куплены статьи у некоторых литераторов. Белинский принял горячее участие в этом издании, упросил Панаева написать что-нибудь для сборника, и Панаев написал «Парижские увеселения».

Белинский находил, что тем литераторам, которые имеют средства, не следует брать денег с Некрасова. Он проповедовал, что обязанность каждого писателя помочь нуждающемуся собрату выкарабкаться из затруднительного положения, дать ему средства свободно вздохнуть и работать — что ему по душе. Он написал в Москву Герцену и просил его прислать что-нибудь в «Петербургский сборник». Герцен, Панаев, Одоевский и даже Соллогуб отдали свои статьи без денег. Кронеберг и другие литераторы сами нуждались, им Некрасов заплатил. Тургенев тоже отдал даром своего «Помещика» в стихах, но Некрасову обошлось это гораздо дороже, потому что Тургенев, по обыкновению истратив деньги, присланные ему из дому, сидел без гроша и поминутно занимал у Некрасова деньги³².

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 52.

³¹ О проблеме достоверности воспоминаний Панаевой см.: Чуковский К. И. Жена поэта // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 95–98.

³² Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 142.

Деньги, лишенные роли средства эстетической оценки, основы литературной иерархии, становятся просто средством к существованию, которых у одних литераторов больше, у других меньше. Такие деньги уже можно использовать не для оценки, а для поддержки литераторов, осуществляя новые, справедливые экономические принципы. Отсюда и предложение Белинского заплатить не самым талантливым или популярным, а наиболее нуждающимся участникам сборника (деньги получают не Герцен и В. Ф. Одоевский, а А. И. Кронеберг, в ком, конечно же, альманах нуждался намного меньше, чем, например, в В. А. Соллогубе, тогда едва ли не втором по популярности писателе после Гоголя).

Таким образом, путь реформирования литературной экономики, по которому идут создатели альманахов натуральной школы, — не буржуазный, капиталистический, как полагал К. Аксаков, а, говоря условно, социалистический. На такой именно характер реформы указывает, в частности, то, что «благотворительная» сторона замысла не была декларирована, то есть должна была восприниматься как новая норма финансовых взаимоотношений внутри новой литературной школы. Это подчеркивается и игнорированием Белинским и другими участниками сборника вполне возможного иного способа осуществления той же задачи — привлечь только писателей с именами, пусть и заплатив им побольше, но тем самым получить еще большую прибыль и отдать ее Некрасову. Другой вариант — просто всем предоставить свои труды бесплатно. Однако в этом случае предприятие принимало бы характер обычной благотворительности в рамках капиталистической экономической модели. Намерения Белинского были, вероятно, иными. Зарабатывать литературой должны те, кто реально нуждается в деньгах от нее, при условии, что их продукция реально нужна, отвечает требованиям «века», соответствует запросам эпохи. Эстетическая оценка не противоречит оценке материальной, но перестает совпадать с нею и в результате получает возможность ее определять. Однако эксперт отказывается от своей возможности распределить прибыль по своим критериям в пользу более талантливых писателей.

Причины такого решения Белинского одновременно идеологические и личные. Идея революционного преобразования экономических отношений, конечно, была следствием и увлечения как раз в это время идеями социалистов, Прудона (о нем будет говориться подробно в следующей главе), и жизненных обстоятельств. Экономический принцип, положенный в основу сборника, принятое его участниками решение отказаться от дряг и неудовольствия по поводу разных сумм гонорара, выплачиваемых раз-

ным авторам в зависимости от разной степени их известности, от степени капитализации их «имен», соответствует содержанию этих сборников, пронизывающему их духу гуманности, сочувствия к ближнему, к простому человеку³³. В личном плане это решение было следствием положения критика на литературном рынке. По мнению Анненкова, Белинский как никто должен был стремиться к преобразованию существующего порядка вещей: «Может быть, никто из наших писателей не находился в положении более схожем с положением тогдашнего работника и пролетария в Европе. Подобно им, он никого лично не мог обвинять в устройстве гнетущих обстоятельств своей жизни — все исполняли по отношению к нему добросовестно свои обязательства, никаких притеснений он не испытывал, никаких чрезмерных требований не предъявлялось и никто не делал попыток вернуться от условий, принятых по взаимному соглашению, — все обстояло, таким образом, чинно, благопристойно, респектабельно, по английскому выражению, вокруг него. Но труд его все-таки приобретал свою ценность только тогда, когда уходил из его рук, приносил всю пользу, какой от него ожидать можно было, изданию, а не тому, кто его произвел. Не было и возможности поправить дело, не изменяя обычных экономических условий, утвержденных раз навсегда»³⁴.

Однако консенсус литераторов “натуральной школы” вокруг равенства перед лицом Гоголя и отказа учитывать степень популярности имени при оплате писательского труда, предложенный Белинским, и, очевидно, судя по мемуарам Панаевой, ими принятый, был быстро омрачен вызовом, брошенным со стороны самого неизвестного, еще не имевшего никакого литературного имени писателя. Разделение талантов обыкновенных (писателей “натуральной школы”) и необыкновенных (гениального Гоголя) Белинский проводит во всех своих поздних работах, вплоть до статьи «Русская литература за 1846 год», которая стала объектом интересующей нас некрасовской правки. Очевидно, что на этом фоне похвалы Белинского, несколько раз в первой своей рецензии на Достоевского назвавшего его «необыкновенным талантом» (например: «Как талант необыкновенный, автор нисколько не повторяется во втором своем произведении»³⁵), высказанные также и устно,

³³ См. об этом: *Скафтымов А. П.* Белинский и драматургия А. Н. Островского // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.

³⁴ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 270–271.

³⁵ *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 8. С. 140.

вызванные склонностью критика увлекаться, значат очень много. В принципе, такое выделение «гения» внутри группы писателей, борющейся за влияние на литературном рынке (при наличии, конечно, между ними консенсуса по поводу конкретной персоны), не является разрушительным для установленных Белинским отношений, при условии, что «гений» в своем творчестве воплощает эстетические принципы группы. Аналогом может служить, например, группа футуристов, постоянно выдвигавшая из своих рядов «гения», что не мешало ни сплоченности, ни экономической удовлетворенности всех ее участников³⁶. В данном же случае провозглашение именно Достоевского гением нельзя не признать серьезной тактической ошибкой.

Прежде всего, ошибка была связана с теми эстетическими импликациями, которые заключались для Белинского в словах «новый Гоголь» и «необыкновенный талант». Гений, «необыкновенный талант» отличается от талантов обыкновенных в том числе тем, что ему позволено больше, чем им, он сам распоряжается своим талантом, своим вдохновением. Ему невозможно посоветовать, заказать сочинение на выбранную не им тему, что можно сделать с талантом «обыкновенным»: «К сожалению, этих последних («обыкновенных талантов». — *М. М.*) еще менее, чем сильных и блестящих талантов. А между тем, в них-то больше всего и нуждается наша литература, и оттого, что их у нас так мало, литературные предприятия так дурно поддерживаются и публике теперь стало совершенно нечего читать. Высокий талант, особенно гений, действует по вдохновению и прихотливо идет своею дорогою; его нельзя пригласить в сотрудничество по изданию книги, ему нельзя сказать: “Напишите нам статью, которой содержание касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, нейдет к ней, и нам этого не надо”. Притом же слишком много нужно было бы гениев и великих талантов, чтоб публика никогда не нуждалась в литературных произведениях, удовлетворяющих насущную потребность ее ежедневных досугов <...> Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы»³⁷. Это нужно понимать так, что обладание необыкновенным, гениальным даром дает писателю универсальную индульгенцию, освящает все то, что он делает. Поэтому, называя Достоевского необыкновенным талантом, Белинский как бы утвердил его право на любую эволюцию.

³⁶ Интересные, хотя и субъективные, размышления о борьбе за «первого поэта» внутри и вовне литературных групп начала XX века содержатся в кн. *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 327–328.

³⁷ *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 7. С. 131.

Судя по всему, Достоевский сознательно был не готов следовать постоянно в направлении, указанном Белинским. Рецензии и устные отзывы Белинского послужили для него важнейшим стимулом для самых разных литературных и идеологических экспериментов. Он понял эти похвалы совершенно правильно, как благословение делать, что хочется, идти тем путем, который он изберет³⁸. Он сам пишет о том, как Белинский санкционировал любые его эксперименты: «Белинский сказал, что он теперь уверен во мне совершенно, ибо я могу братья за совершенно различные элементы» (из письма М. М. Достоевскому 16 ноября 1845 года)³⁹. Анненков хорошо увидел также нежелание Достоевского следовать литературным рекомендациям Белинского: «Достоевский выслушивал наставления критика благосклонно и равнодушно»⁴⁰. Молодой писатель принял высказанную Белинским оценку, но не собирался становиться его учеником, примыкать к возглавляемой критиком «школе». Эволюция его творчества принимала все более и более чуждое “натуральной школе” направление: от фантастики «Двойника» (1846) к совсем уж «романтическим» и «мистическим», с точки зрения Белинского, «Господину Прохарчину» (1846) и «Хозяйке» (1847)⁴¹. Постепенно обнаруживалась ошибка: индальгенцию и благословение на поведение гения, делающего, что хочет, гения, перед которым остальным смертным остается только преклониться, приходилось отнимать⁴².

³⁸ Мы рискнем даже сказать, что это разделение на обыкновенных и необыкновенных писателей, которым все позволено, — предвестие знаменитого раскольниковского разделения уже всего человечества на «разряды».

³⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 116.

⁴⁰ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 283.

⁴¹ Ср. знаменитые слова из письма П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 года: «Достоевский написал повесть “Хозяйка” — ерунда страшная! В ней он хотел помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши немножко Гоголя <...> Надулись же мы с Достоевским — гением!» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 9. С. 713).

⁴² Стоит заметить, что и с самим Гоголем, образцовым гением, у Белинского возникли проблемы в тот момент, когда выяснилось, что принятое писателем направление оказалось совершенно идеологически и эстетически неприемлемым. Нет смысла напоминать здесь письмо Белинского Гоголю из Зальцбурга и прямые утверждения критика о конце Гоголя как писателя в рецензии на второе издание «Мертвых душ» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 8. С. 511).

Не хотел Достоевский включаться и в экономическую систему социалистического типа, систему равенства. Литературное имя и, прежде всего, естественно, его собственное, было для него значимым фактором, определяющим его экономическое поведение в литературном поле. Трудно было выбрать в гении писателя, более чем он приверженного «традиционной» литературной экономике. Сразу после успеха у критики Достоевский осознал свое имя (громкое, как ему представлялось) как источник доходов. Он не желал встраиваться в общий ряд «неоголей» и признавать себя «равным» другим писателям. Менее многих других пристрастный Анненков, на наш взгляд, точнее всех мемуаристов описывал позицию Достоевского: «Внезапный успех, полученный его повестью, сразу оплодотворил в нем те семена и зародыши высокого уважения к самому себе и высокого понятия о самом себе, какие жили в его душе. Успех этот более чем освободил его от сомнений и колебаний, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторов: он еще принял его за вещий сон, пророчивший венцы и капитолии. Так, решаясь отдать роман свой в готовящийся альманах, автор его совершенно спокойно, и как условие, следующее ему по праву, потребовал, чтоб его роман был отличен от всех других статей книги особенным типографским знаком, например — каймой»⁴³. Известно успешное опровержение Достоевским этого свидетельства Анненкова⁴⁴, однако нельзя не признать, что стремление Достоевского в ранний период творчества не затеряться в толпе, в «безвестной массе литераторов», выделиться из общего ряда, очевидно. Более того, достаточно недавно были введены в научный оборот свидетельства о том, что вопрос о том, чтобы выделить Достоевского из общей массы, все-таки стоял перед издателем «Петербургского сборника». В воспоминаниях художника П. П. Соколова, которого Некрасов привлек к работе над книгой, так переданы наставления, которые ему делал издатель: «...К моим стихотворениям я вас прошу нарисовать две или три виньетки. Но главную вещь этого «Альманаха» и самую выдающейся будет повесть Достоевского «Бедные люди»: уж вы, пожалуйста, постарайтесь передать эти бесподобные типы»⁴⁵.

⁴³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 283.

⁴⁴ Об этом см.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 589.

⁴⁵ Впервые опубликовано в журнале; Исторический вестник. 1910. № 9. Цит. по: Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 193. Вообще стоит заметить, что картинки, иллюстрации как способ выделения в сборнике того или иного текста были распространены в альманахах этого времени.

Постепенно у круга Белинского возникает серьезное охлаждение к Достоевскому. Причиной было не само желание писателя получить деньги за труд (таковое предусматривалось Белинским в самых радикальных проектах), но претензии Достоевского на превосходство над другими литераторами и его стратегии, напоминавшие о «старой» литературной экономике, в конечном счете, о «толкучем рынке». Письма Достоевского показывают, что расчет на литературную славу как на источник благосостояния у него был с самого начала его творческого пути. Несмотря на то, что его самонадеянные размышления в письмах середины 40-х годов к брату выглядят достаточно наивно, а ожидания напоминают о «без вести пропавшем пиите» Иване Грибовникове, тем не менее молодой писатель (еще не опубликовавший, собственно, первого произведения) очень серьезно относится к славе и возлагает на нее серьезные финансовые ожидания. Так в письме 24 марта 1845 брату он пишет: «А теперь насчет еды! Ты знаешь, брат, что я в этом отношении предоставлен собственным силам. Но как бы то ни было, а я дал клятву, что копь и до зарезу будет доходить, — крепиться и не писать на заказ. Заказ задавит, загубит всё. Я хочу, чтобы каждое произведение мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода»⁴⁶. Слава и деньги, как мы видим, связаны здесь так же, как и у молодого Некрасова. Приведем еще выдержку из письма Ф. М. Достоевского М. М. Достоевскому (4 мая 1845 года): «Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман за бесценок — разумеется, в “Отечеств<енные> записки”. Дело в том, что “Отечеств<енные> записки” расходятся в 2500 экземплярах, следовательно, читают их по крайней мере 100 000 человек. Напечатай я там — моя будущность литературная, жизнь — всё обеспечено. Я вышел в люди. Мне в “Отечеств<енные> записки” всегда доступ, я всегда с деньгами, а вдобавок пусть выйдет мой роман, положим, в августовском номере или в сентябре, я в октябре перепечатаваю его на свой счет, уже в твердой уверенности, что роман раскупят те, которые покупают романы. К тому же объявления мне не будут стоить ни гроша. Вот дело какое!»⁴⁷

После похвалы Белинского Достоевский чувствует себя не просто на вершине славы, но и на правильном пути к процветанию. Его имя начало

⁴⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 107.

⁴⁷ Там же. С. 109.

ему приносить деньги и он радуется успеху: «Объявление мое напечатано уже в "Отечественных" записках" в Разных известиях. За него взял я 20 руб. серебром». И так, на днях, не имея денег, зашел я к Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея романа в 9 письмах. Придя домой, я написал этот роман в одну ночь; величина его 1/2 печатного листа. Утром отнес к Некрасову и получил за него 125 руб. ассигнациями, то есть мой лист в «Зубоскале» ценится в 250 руб. ассигнациями» (письмо М. М. Достоевскому 16 ноября 1845 года)⁴⁸.

Стратегия на капитализацию имени, на извлечение прибыли из похвалы критика увенчивалась успехом. Некрасов, во многом под воздействием умеренных похвал Белинского, тоже выделял Достоевского и в принципе был готов высоко оплачивать его имя: «В начале этого месяца явился Некрасов, отдал мне часть долга, а другую получаю на днях. Нужно тебе знать, что Белинский недели две тому назад прочел мне полное наставление, каким образом можно ужиться в нашем литературном мире, и в заключение объявил мне, что я непременно должен, ради спасения души своей, требовать за мой печатный лист не менее 200 р. ассигнациями». Таким образом мой Голышкин пойдет по крайней мере в 1500 рублях ассигнациями». Терзаемый угрызениями совести, Некрасов забежал вперед зайцем и к 15 генварю обещал мне 100 руб. серебром за купленный им у меня роман «Бедные люди». Ибо сам чистосердечно сознался, что 150 р. серебром плата не христианская. И посему 100 р. серебром набавляет мне сверх из раскаяния. Всё это покамест хорошо» (М. М. Достоевскому, 8 октября 1845 года)⁴⁹.

Однако уже очень скоро материальные требования Достоевского оказались на пределе финансовых возможностей Некрасова. Прежде всего, потому что Краевский был готов платить амбициозному гению больше и на некоторое время взять на себя содержание подающего огромные надежды писателя: «На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнейше взять у него 500 руб. взаймы. Я думаю, что я ему продам лист за 200 руб. ассигнациями» (М. М. Достоевскому, 16 ноября 1845 года)⁵⁰. Наконец финансовые требования превышают критическую отметку, это гений отмечает в очередном письме М. М. Достоевскому (7 октября 1846 го-

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 116.

⁴⁹ Там же. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 116. Напомним, что Достоевский даже не напечатал еще своего романа, а «вложения» в его имя уже растут неимоверно.

да): «Прошлый раз писал я тебе, что собираюсь за границу. Книгопродавцы дают мне четыре тысячи ассигнац<иями> за всё. Некрасов давал было 1500 р. серебр<ом>. Но, кажется, у него денег на это не будет и он отступится. Если цена моя покажется низкою (судя по моим расходам), то я не возьму и сам издам свой томик, может быть даже к 15-му ноября. Оно же и лучше, ибо на глазах дело будет, не изуродуют издания, например, и, одним словом, будут свои выгоды. Потом к 1-му январю продам все экземпляры гуртом книгопродавцам. Может быть, выручу 4000...»⁵¹

Так литературная эстетика опять совпала с литературной экономикой. Белинский как критик оказался не в состоянии поддерживать Достоевского как гения, имеющего право на любую эволюцию: неосторожно вырвавшаяся характеристика «необыкновенный талант» в данном случае освящала и придавала законность тому, что стал воплощать для него Достоевский и что было чуждо новым принципам литературы. Некрасов же как издатель оказался не в состоянии оплачивать, содержать нового Гоголя. Иметь в своих рядах Достоевского стоило слишком дорого. Поэтому было необходимо дезавуировать характеристики Достоевского, данные ему в начале его творческого пути. Отсюда и не просто отрицательная или очень прохладная оценка следующих за «Бедными людьми» вещей, но и тщательное уточнение тех формулировок, которые были сделаны при оценке первого произведения Достоевского: уже не «необыкновенный», а всего лишь «сильный», а потом и просто «талант». Необыкновенному таланту позволено все, для оценки таланта обыкновенного нужно знать, в правильном ли направлении он идет. Отсюда именно в том месте статьи, где оттачивается формулировка, определяющая степень таланта Достоевского, издатель и критик оказались единодушны, и Белинский легко принимает некрасовскую редакторскую правку, возвращающую выскочку в предназначенный ему ряд «обыкновенных» талантов.

P. S. Попытки создания новой литературной экономики в подобном виде Некрасовым не возобновлялись. Мир литературы по-прежнему будет оставаться основанным на иерархии имен, известности у публики и только в некоторой степени оплата писательского труда будет зависеть от уровня таланта. Как нам кажется, один важный урок Некрасов из истории с Достоевским извлек. Слова «необыкновенный талант» он использовал впослед-

⁵¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 127.

ствии чрезвычайно осторожно. Насколько нам известно, Некрасов как критик удостоил таким определением только одного писателя, находившегося в самом начале своей литературной карьеры, писателя, которого Некрасов первый напечатал в своем журнале. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (практически тогда, когда написан загадочный уничижительный отрывок о Достоевском «В тот же день часов в одиннадцать утра...», в котором высмеивались претензии автора «Бедных людей» на величие, сравнимое с гоголевским) Некрасов пишет: «По характеру нашего беглого очерка здесь не место входить в анализ таланта графа Толстого (Л. Н. Т.); но нам приятно заметить, что теперь уже нет ни одного русского читателя, интересующегося успехами родной литературы, которому было бы чуждо недавно обнародованное имя автора повестей “Детство” <...> и, наконец, напечатанной в нынешнем году повести «Севастополь в августе 1855 года». Эта последняя повесть как своими достоинствами, так и недостатками окончательно убеждает, что автор наделен талантом необыкновенным» (11, 2, 222).

Глава 5

Экономика и «направление» некрасовского «Современника»

1

Вопрос о том, какой была концепция некрасовского «Современника» в первый период его издания (до прихода Чернышевского), остается не решенным. Каким Некрасов представлял себе новый журнал, начиная издание? Очевидно, что рассчитывать на умирающего Белинского он не мог, способность же самого Некрасова придать журналу целостное и передовое «направление» вызвала сомнение у его современников. Григорович, например, писал: «Главный недостаток редакции состоял в том, что не было у нее настоящего главы, настоящего руководителя. Некрасов был, бесспорно, умнее всех нас в практическом отношении, но этого было еще недостаточно; ему недоставало образования настолько, чтобы вести как следует такое предприятие. Он не знал ни одного иностранного языка и не был вовсе знаком с иностранною литературою...»¹ Как известно, еще враждебно настроенные критики «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника» выражали сомнение в способности и праве Некрасова отбирать и редактировать художественные произведения².

Кажется, что эти сомнения подтверждаются объективными фактами. «Современник» второй половины 40-х — начала 50-х годов производит впечатление достаточно разношерстного и эклектичного журнала и в эстетическом, и в идейном плане. В последней по времени работе, посвященной этой проблеме, мы видим попытку именно в такой «эклектике», названной «особенной широтой литературно-общественной позиции», увидеть концепцию издателя и редактора «Современника»: «Основой замысла некрасовского “Современника” стало утверждение особенной широты литературно-общественной позиции. Литературная обстановка требовала, чтобы это был журнал свободный — и от торговой стороны литературы <...> и от узости идейно-политической ориентации <...> и от партийно-литературной ограниченности»³. По сути дела, это означает все-таки отсутствие у Некрасова не

¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С.110.

² Например, см.: Я. Я. Я. (Л. В. Брант) «Физиология Петербурга» (часть вторая) // Северная пчела. 1845. № 235.

³ Кошелев В. А. Из истории полемики вокруг первых статей некрасовского «Современника» // Некрасовский сборник. Х. Л., 1988. С. 13.

только «направления», но и каких-либо критериев отбора материала. Между тем такие критерии, с помощью которых поддерживалось «направление» «Современника», у Некрасова существовали. Но в отличие от В. Кошелева, в поисках направления журнала обращающегося к анализу материалов, опубликованных в журнале в первые годы его существования, мы обратимся к тем обстоятельствам, которые сопутствовали его изданию.

В глазах современников Некрасов не мог сформировать направление журнала прежде всего потому, что он являлся только предпринимателем, озабоченным выгодой и способным руководить только «материальной частью» журнала. В своих мемуарах П. В. Анненков особенно выделяет коммерческую сторону интересов Некрасова и Панаева: «Последние уже давно искали самостоятельной издательской деятельности и пробовали ее не раз — выпуском альманахов и сборников, но тут представлялся случай к основанию уже большого предприятия — нового периодического издания. Материал Белинского мог бы служить ему на первых порах готовой поддержкой. Тогда и возникла мысль о приобретении старого, пушкинского “Современника”»⁴. В. П. Боткин так описывает обязанности редакторов начинающегося журнала: «Фонд “Современника” состоит из 35 тысяч Панаева и 35 тысяч Толстого. Редакторы — Никитенко, Панаев и Некрасов. Первый — для ограждения от цензурных хлопот, последний заведывает всею материальною частью, а второй будет писать повести да раскладывать на своем столе иностранные журналы и тем придавать себе немалую важность»⁵.

Очевидно, что экономическая конъюнктура играла немаловажную роль в решении Некрасова издавать «толстый» журнал. Нельзя не признать и то, что, действительно (и об этом свидетельствуют его письма начального периода издания «Современника»), первое время в поле его зрения почти исключительно находятся материальные аспекты издания. В этом, однако, нет противоречия с концепцией, «направлением». Наоборот, сама экономическая логика неизбежно приводит Некрасова к некоторой «концепции», экономическая стратегия порождает стратегию идейную и даже эстетическую, перерастает в них.

То, что цель издания «Современника» была преимущественно коммерческая, не только не смущало, но вызывало одобрение многих литераторов круга Белинского–Герцена. Наиболее последовательно его выражал В. П. Боткин, вообще ставший тогда прямо-таки на экстремистски прагма-

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 272.

⁵ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 256.

тические позиции. С его точки зрения, появление некрасовского журнала именно тем и значимо, что превращает литературу в материально выгодное занятие. В уже цитировавшемся нами письме П. В. Анненкову 20 ноября 1846 года будущий эстетический критик пишет: «Краевский оставлен всеми и желтеет от злости. Конкуренция явилась страшная. Краевский дает большие деньги за малейшую статью с литературным именем. Недавно за пол-листа печатных стихотворений Майкова заплатил он 200 руб. сер. Это все надделало появление “Современника”. Видите, законы промышленности вошли уже в русскую литературу, а ведь это сделалось на наших глазах; за десять лет об этом слуха не было. Значит, литература уже есть сила. Теперь даже с небольшим дарованием да с охотою к труду можно жить литературными трудами, то есть можно выработать себе до 3 или 4 тысяч в год. И это факт непреходящий. Явившись раз, он уже останется навсегда. Теперь “Библиотека для чтения” и “Отечественные записки” имеют, каждый, до 4 тысяч подписчиков; этого за пять лет не было; да еще «Современник» является на сцену»⁶. Сделанное им предсказание, конечно, оказалось ошибочным: «Два первые журнала выиграли особенно тем, что печатали у себя томы романов. «Современник» пойдет по другой дороге; а так как он не столько будет относиться к *gros public*, сколько к избранной публике, то ему долго нельзя будет надеяться на обеспеченное существование. Да и редакция не думает наживать деньги, а лишь бы окупилась расходи, а 1200 подписчиков только что окупают их»⁷.

Нежелание многих участников «Отечественных записок» окончательно порвать с ними и перейти полностью в новый журнал объясняется тем, что они видели, подобно Боткину, смысл появления «Современника» в стимулировании журнальной конкуренции, полезной для литературы, а не в уничтожении Краевского⁸. Кроме того, само появление его в глазах очень многих оправдывалось вовсе не необходимостью нового прогрессивного издания, но возможностью дать Белинскому улучшить материальное положение, обрести «свой» журнал⁹. Все это говорит о том,

⁶ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 256.

⁷ Там же. С. 257.

⁸ См. об этом, например: Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 221.

⁹ Разговоры о необходимости создать журнал для Белинского, где он мог бы получать те же 6 тысяч, что и у Краевского, но «прямо», велись еще в начале 1845 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 170).

что именно экономические условия возникновения некрасовского «Современника» и его существования в первые годы должны стать предметом рассмотрения в поиске некрасовской «концепции». Иначе говоря, для решения нашей задачи необходимо понять, что представлял собой «Современник» и как коммерческое учреждение (экономические отношения между издателями и авторами) и как товар (отношения между журналом и покупателями-читателями)¹⁰.

2

Важнейшее отличие журнала от прежних издательских проектов Некрасова (альманахов и книг) заключается в долгосрочности этого предприятия, предполагающего временной разрыв между уплатой покупателем денег и получением им товара. За это время деньги не должны ни сильно подешеветь (что невыгодно издателю), ни резко подорожать (что невыгодно подписчику, который должен в таком случае быть склонен не тратить, а хранить деньги). Иначе говоря, необходима стабильность и отсутствие инфляции. Другое условие для успеха журнала — наличие механизмов не только распространения товара, изготовляющегося в одном месте и доставляемого во многие другие (что необходимо издателю), но и гарантий его доставки или возврата денег в случае недоставки (что необходимо подписчику)¹¹. Типологически издание журнала подобно деятельности комиссионерской конторы, занимающейся рассылкой товаров заказчикам. Поэтому закономерно то, что новый «Современник» возник одновременно с новой комиссионерской конторой, открытой знакомыми Некрасова и Белинского М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым («Языков и Тютчев открыли контору комиссионерства, для этого Языков внес 15 тысяч

¹⁰ Эта важнейшая сторона «Современника» практически не освещена. Единственная известная нам работа, посвященная данной проблеме: *Мельгунов Б. В.* Журналы Некрасова как коммерческое предприятие // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. Но она представляет собой только краткие замечания к теме вместе с указанием на связь «Современника» с конторой Языкова и Тютчева.

¹¹ Все экономические утверждения, делаемые в этой работе, находятся в рамках неоклассической парадигмы (теории «спроса и предложения», «маржиналистской» и т. д.). При этом они настолько просты, что являются прописными истинами этой парадигмы. Потому проверить их можно по классическому учебнику: *Samuelson P. A., Nordhaus W. D.* Economics. Irwin, 2004.

руб. сер. обеспечения и записался в купцы первой гильдии. Контора открыта с октября, и со временем будут они иметь успех. Разумеется, для этого нужно время и приобретение доверенности. А мы на Руси все хотим наживать капиталы в неделю»¹² — из письма В. П. Боткина П. В. Анненкову 20-го ноября 1846 года).

Возможно, замысел Некрасова издавать журнал находился в прямой связи с решением Тютчева и Языкова открыть комиссионерскую контору. Она стала конторой журнала — через нее осуществлялись подписка на «Современник» и рассылка его подписчикам. Поэтому в журнале вместе с объявлениями об издании «Современника» печатались извещения о деятельности и услугах комиссионерской конторы. В объявлении «Современника» «<От редакции>» (напечатано в первом же номере некрасовского «Современника») говорится: «Всякое полезное учреждение имеет полное право воспользоваться средствами дарованной отечественным журналам публичности, и потому мы считаем долгом сказать несколько слов о конторе агентства и комиссионерства, при которой открыта контора нашего журнала. Занятия конторы и условия, на которых она принимает выполнение возлагаемых на нее поручений, подробно изложены в первоначальном объявлении конторы; не следя за ним слово в слово, мы, с своей стороны, познакомим читателей только вкратце с его содержанием» (13, 1, 50). Сам Некрасов в журнале рекламировал деятельность конторы (в частности, в фельетоне 1847 года «Выбранные места из приятельских писем» (12, 1, 279–288)).

Названные выше условия, необходимые для того, чтобы журнал мог стать коммерческой реальностью, сводятся, по сути, к одному. Успех и комиссионерской конторы и «Современника» зависит от состояния кредита как экономического и правового института. Именно на развитие кредита как на один из тех полезных результатов, который принесет стране контора Языкова и Тютчева, указывается в редакционном объявлении в «Современнике»: «Каждое учреждение, способствующее к введению частного кредита в делах и вместе с тем к оживлению коммерческих сношений, достойно полного внимания и одобрения со стороны публики, а учрежденная г. Языковым контора носит на себе, как видят читатели, по преимуществу такой характер» (13, 1, 51). В журналистском языке того времени слово «кредит» часто заменяет собой понятие репутации. Так, Белинский пишет в письме Боткину 22 апреля 1847 года: «Кредит Краевского падает со дня на день;

¹² Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 258.

недаром он поседел, как лунь. Его раскусили»¹³ (12, 359). При этом под кредитом понимали и репутацию, но и в буквальном смысле финансовую состоятельность того или иного издания. Экономическое положение журналов становилось периодически предметом публичного обсуждения. Так было в произошедшей в 1846 году перепалке Краевского с Булгариным, стремившимся бросить тень на «Отечественные записки». В статье А. А. Краевского «Объяснение по нелитературному делу» по поводу инсинуаций Булгарина говорилось: «Мы решились теперь уже в последний раз объяснить перед всею читающею русскою публикой, потому что последняя ложь г. Булгарина устремляется не на литературное достоинство “Отечественных записок”, а касается прямо личных и собственных дел издателя этого журнала и направлена к уничтожению в публике доверия к его честности и (говоря коммерческим словом) состоятельности»¹⁴. Обвинения Булгарина, на которые отвечает Краевский, были очень серьезными с экономической точки зрения: «Журнал этот (т. е. «Отечественные записки». — М. М.) продается во всех городах России, где и через сто лет не будет книжных лавок, и каждый продавший десять экземпляров получает одиннадцатый экземпляр даром с уступкою притом процента за десять проданных. Ловко и смышлено, нечего сказать»¹⁵. По словам Краевского, Булгарин стремится любыми путями подорвать доверие публики к «Отечественным запискам» не столько как к литературному институту, сколько как к экономическому предприятию: «Всем известно, что г. Булгарин *ежегодно перед началом подписки* умолял публику не подписываться на ненавистный журнал; когда же не действовала просьба, грозил, что читатели раскаются, подписавшись на него; когда же и угроза не брала, начинал выклеивать все промахи, все опечатки, неизбежные в таком большом издании, не щадил никого — ни редактора, ни сотрудников, ни корректора, ни даже типографских наборщиков; начинал доказывать, что этого журнала никто не читает, справлялся (как сам же говорил) в Газетной экспедиции о числе подписчиков на “Отечественные записки”, уверял, что и за бумагу-то, и за печатание-то “Отечественные записки” должны бумажному фабриканту и типографии, — словом, входил во все домашние дела редакции...»¹⁶

¹³ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 640.

¹⁴ Некрасовский сборник. X. С. 189–190.

¹⁵ Северная пчела. 1846. № 224.

¹⁶ Некрасовский сборник. X. С. 189.

Таким образом, перед некрасовским «Современником» в первые годы его существования стояла двойственная задача: обрести и устойчивую репутацию, и финансовую состоятельность, то есть кредит во всей полноте этого слова. От кредита зависело издание «Современника» и в другом отношении. Некрасов, как известно, не имел состояния и не вложил в журнал денег. Этим он отличался, например, от Краевского или, тем более, Смирдина¹⁷. Изначально он сам зависит от такого финансового института, как кредит. Наиболее подробно о тех условиях, в которых Некрасов начинает издание журнала, сообщает А. Я. Панаева. Как мы уже говорили, ее мемуары, безусловно, часто недостоверны, но именно сообщая о планах и замыслах самого Некрасова, она достаточно точна. Некрасовские способность и готовность добывать кредит, его зависимость от займов Панаевой упоминаются не раз: «Белинский и Панаев сильно уверовали в литературную предприимчивость Некрасова после издания им “Петербургского сборника”, который быстро раскупался. Оба они знали, какими ничтожными деньгами он предпринял это издание и как сумел извернуться и добыть кредит»¹⁸. Принципиально важную роль играет кредит и для решения издавать «Современник», принятого в имени Григория Толстого в июне 1846 года:

— Ну теперь рассчитывать на даровой материал не следует, — сказал Некрасов. — Да не в этом дело, а в том, что без денег нельзя начинать издания.

— А много ли нужно для начала? — спросил Т-олстой>.

Некрасов стал считать, во что должна приблизительно обойтись каждая книжка журнала.

— За печать и бумагу, — прибавил он, — можно уплачивать половину каждый месяц, а остальную часть перевести на следующий год.

— А если подписка на журнал на следующий год будет плохая, чем же уплачивать долг? — заметил Панаев.

— Почему же не рассчитывать на успех журнала, если добросовестно издавать его и если все литературные друзья Белинского приложат свои старания? Риск — дело благородное, потребность к чтению сильно развилась за последние годы»¹⁹.

¹⁷ Впрочем, Д. В. Григорович говорит в своих воспоминаниях о заимствованиях, к которым также был вынужден прибегать Краевский для издания «Отечественных записок» в начале 40-х годов (*Григорович Д. В. Литературные воспоминания*. С. 112–113).

¹⁸ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 153.

¹⁹ Там же.

В мемуарах Панаевой сообщается, что решение принимается, в конечном счете, именно из-за готовности рассчитывать на кредиты: «—Разве хватит таких денег? — обратился Панаев с вопросом к Некрасову.

— Хватит, хватит! — ответил тот. — Кредитоваться будем»²⁰.

Таким образом, издание изначально предпринималось в кредит, в долг, в надежде «будущих благ», как выражались Некрасов и Белинский. Например, Белинский характеризует финансовое положение «Современника» в письме Боткину 4–8 ноября 1847 года как определявшееся долговыми обязательствами Некрасова: «Теперь время подписки. Первый год не окупился, и если не прибавится целой тысячи подписчиков новых (предполагая, что 2000 старых останутся), беда еще будет не в том только, что Панаев ничего не получит и на другой год, а Некрасов еще год будет существовать в долг, в надежде будущих благ, но и в том еще, что надо будет съежиться, ибо на прежнем широком основании издавать уже не будет никакой возможности. Надо будет думать не о будущем успехе, а об уравнении расходов с приходом, для этого надо будет убавить число листов и установить новую плату сотрудникам (за исключением немногих), например хоть сравнять с платою “Отечественных записок”. А это убьет всякую возможность подняться в 1849 году, ибо основательно принято будет за упадок журнала»²¹ (12, 413). О том, что такая зависимость от кредитов сохранялась, как минимум, до середины 50-х годов, свидетельствуют воспоминания Чернышевского. Он описывает первый разговор с Некрасовым, в котором редактор изложил финансовое положение журнала: «Существенные черты тогдашнего положения “Современника” были: он обременен большими долгами за прежние годы издания <...> Расходы по изданию едва покрываются с году на год подпискою; да и то лишь при помощи кредита: те из расходов, которые имеют коммерческий характер, производятся в долг, с уплатою из подписки следующего года»²².

Эти обстоятельства тесно связывают возможность реализации некрасовского замысла с общеэкономической ситуацией в стране, сложившейся в этот период. Как известно, проблема кредита — одна из важнейших и болезненных проблем российской экономики в 30–40-е годы, которую пытался решить министр финансов Е. Ф. Канкрин²³. Предпринятая им денежная

²⁰ Панаева А. Я. Воспоминания. С. 154.

²¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 664.

²² Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 132.

²³ О канкринской реформе см., например: Семенкова Т. Г., Семенов А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. СПб., 1992. С. 55–67.

реформа, в результате которой бумажные деньги (ассигнации) были сначала девальвированы, а затем заменены государственными кредитными билетами по курсу 360 билетов за 1 серебряный рубль, завершилась в 1843 году и на некоторое время вернула доверие к бумажным деньгам как долгосрочному средству расчетов и платежей. Само название новых бумажных денег говорит о том, что именно развитие кредита было для министра финансов важнейшей целью реформы²⁴. Эти достижения, безусловно, стали важной экономической предпосылкой и для издания журнала, и для создания «союзной» ему комиссионерской конторы²⁵.

Однако полностью цели реформы достигнуты не были. Канкрин, как известно, ничего не сделал для развития частного кредита, наоборот, был его последовательным противником²⁶. Не поощрялось и не возникло частных кредитных учреждений, в государственном же банке взять кредит было практически невозможно (во всяком случае, для Некрасова), долговое законодательство было очень неясным. Не было создано четких механизмов возвращения денег (точнее, в значительной степени они оставались архаическими и основанными на конкретных, единичных договоренностях). Отсутствие же кредитных институтов (коммерческих частных банков) и устойчивых механизмов возвращения долгов (кредитного законодательства) приводило, во-первых, к сложности получения кредита, во-вторых, к его дороговизне²⁷. Тем не менее получить кредит было возможно. Несколько упрощая, опишем существовавшие в то время формы и институты кредита.

В отсутствие частных коммерческих банков и практической невозможности получить заем в государственном банке иначе как под залог крепостных или земли, кредит преимущественно носил «личный» характер. Существовало два возможных вида такого кредита, при которых по-разному решались проблемы, связанные с гарантией его возвращения. Первый —

²⁴ Об этом см.: Мельникова А. С., Уздеников В. В., Шиканова И. С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000; Белоусов В. Д., Чеченов А. А., Мерзляков И. П. Деньги России: исторические и теоретические аспекты. Нальчик, 1998.

²⁵ Вообще описание связи между канкринской денежной реформой 1839–1843 гг. и развитием журналистики в России, возникновением и укреплением роли журнала в русской культуре — перспективная задача.

²⁶ Семенкова Т. Г., Семенков А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. С. 55–67.

²⁷ Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

«формальный», основанный на долговом обязательстве, то есть векселе. В этом случае обеспечением возврата служит заверенная нотариально бумага. Эта бумага дает возможность в судебном порядке требовать возвращения долга и наказания несостоятельного должника. При этом и сам вексель является подобием денег, поскольку может быть учтен, то есть обменен на деньги другому лицу (не самому должнику), однако, обычно с дисконтом (на меньшую сумму, чем в нем указано). Второй вид кредита — ростовщический, основанный на закладе и связанный с чрезвычайно высокими процентами. В этом случае обеспечением возврата денег становится находящийся у кредитора предмет, который может быть продан в уплату долга.

С точки зрения надежности, по тому, что кредитор получает в качестве обеспечения и временного эквивалента одолженных денег, эти институты различаются существенно. Ростовщик твердо уверен в том, что деньги его не пропали, поскольку получает за них твердую вещь, предмет, чаще всего стоящий дороже выданной суммы. Такой кредит часто изображается в произведениях Некрасова, например, во фрагменте «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1856): «Деньги ссужала она (*Художественная натура*. — М. М.) с большим трудом, малыми суммами и притом не иначе как под верные залоги, взимая изрядные проценты» (8, 424). Вексель же в условиях отсутствия ясных и строгих законов о банкротстве и выплате, урегулировании долговых обязательств представляет собой бумагу эфемерную, можно сказать, еще более эфемерную и неустойчивую, чем бумажные деньги в период инфляции. Как будет существенно позже (16–17 марта 1862 года) писать Некрасов И. А. Пиотровскому: «Вас, как и многих, ввели в заблуждение слухи о моих выигрышах. Да, я выиграл очень много — *вексельной бумаги*, а наличных денег у меня нет — какие и были, я по слабодушию роздал...» (14, 2, 171–172). Векселя было учесть чрезвычайно трудно, и дисконт был очень высоким. Судебная процедура заканчивалась описью и продажей имущества должника и его тюремным заключением (но практически никогда — возвращением полной суммы долга). Ср., например, в романе «Три страны света» (1848–1849): «А теперь он может еще все поправить, согласив кредиторов переписать векселя и назначить более продолжительный срок платежа по ним, на что кредиторы, конечно, волею или неволею, согласятся, зная последствия несостоятельности, всегда невыгодные для кредиторов» (9, 2, 32). С точки зрения стоимости оба эти вида кредита крайне неудобны: ростовщический кредит слишком дорог для должника, вексельный — слишком дешев для кредитора.

Очевидно, что обе эти формы займа были непригодны в случае Некрасова. Ростовщический относился к самым низшим, унижительным формам его, касался небольших сумм (как в «Преступлении и наказании») и был совершенно невозможен для издателя солидного журнала. Вексель на долгий срок («в ожидании будущих благ») было получить крайне трудно особенно в такой ситуации, в какой находился Некрасов, человек без начального капитала и имущества, которое можно было бы описать и распродать²⁸. Можно сказать, что и тот, и другой тип кредита неудовлетворительны и в моральном, психологическом плане. Они создают сложные проблематичные отношения между должником и кредитором, ставят должника в ситуацию личной зависимости от кредитора, создают атмосферу недоверия между тем и другим. Такая ситуация превращала кредитора или в благодетеля, или в кровопийцу, практически не оставляя моральной альтернативы.

Таким образом, и экономическая ситуация в стране, и положение самого Некрасова требовали поиска альтернативных путей получения и обеспечения кредита. Подобным поиском занимались и владельцы комиссионерской конторы Языков и Тютчев. В цитированном объявлении в «Современнике» говорилось следующее: «В заключении обращаем внимание читателя на следующие два обстоятельства. Первое, что процент в пользу конторы за исполнение поручений назначен г. Языковым менее, чем в прежде существовавших конторах <...> Второе, что г. Языков при учреждении конторы внес 15 000 рублей сер. залога. Прежние конторы действовали без всякого залога, и корреспондент должен был вверять свои деньги комиссионеру, лицу вовсе ему не знакомому и в благонадежности которого он не имел никакого вещественного ручательства. Теперь корреспонденту дела нет до личности комиссионера. Высылая деньги по почте, корреспондент знает, что его собственность и выгоды совершенно ограждены и что сохранность и исправное употребление сообразно с его собственным указанием высылаемых им денег вполне обеспечено залогом комиссионера».

²⁸ Мы не хотим сказать, что Некрасов не брал кредиты под векселя у частных лиц. Свидетельства этому есть в его письмах. В частности, в письме И. С. Тургеневу 9 января 1850 года он пишет: «Ранее сегодняшнего дня я их (денег. — М. М.) выслать не мог, ибо какие были, теми уплатил по векселям...» (14, 1, 129). Однако очевидно, в том числе из приведенной цитаты, что векселя эти срочные и на суммы, недостаточные для издания журнала.

(13, 1, 50). Залог, внесенный комиссионером в государственный банк, становится гарантией либо получения клиентом заказанного товара, либо возврата денег.

Для Некрасова такой альтернативой существующим формам кредита становится долг, который можно было бы назвать дружеским, основанным на связях внутри круга Белинского-Герцена. Кредит, предоставляемый Некрасову, чаще всего имел характер приятельского займа. Такой заем был ему предоставлен на издание «Петербургского сборника» тем же Языковым. Некрасов писал в письме А. А. и Г. С. Буткевичам 19 октября 1845 года: «Затеял предприятие (имеется в виду «Петербургский сборник». — М. М.) в 10 тысяч, имея только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужден отдавать на бумагу, на печать, на картинки и на всякие другие принадлежности. Все это изготовится только к генварю, и тогда только начнутся деньги, то есть законное вознаграждение за труд и за риск. Впрочем, дело идет успешно, потому что я принял к себе в долю по этому предприятию г. Языкова, своего короткого знакомого, имеющего капитал, и чего недостает денег, беру у него, разумеется, в ожидании будущих благ, которые, впрочем, очень верны» (14, 1, 53–54). Очевидно, что такие отношения продолжались и в начальный период издания «Современника».

«Дружеский» характер имели займы, обещанные Григорием Толстым, 15 тысяч внесенные на издание «Современника» Панаевым, 4000 рублей, предоставленные А. И. Герценом²⁹, заем в 5000 рублей, предоставленный Натальей Захарьиной-Герцен³⁰, 2000 рублей, позднее ссуженные В. П. Боткиным. К. Т. Солдатенков, предприниматель, близкий к московским кругам, связанным с традициями Белинского и Герцена, в 1855 году предоставил Некрасову заем в 3000 рублей по рекомендации и при посредничестве Грановского³¹. Очевидно, что именно такие кредиты помогали Некрасову поддерживать журнал на плаву. Мы можем сказать, что кредит в «Современнике» осуществлялся и путем отсрочки уплаты гонорара до того момента, когда положение журнала станет более твердым, когда будет получена прибыль от продажи очередного номера или от подписки. Просьбы повременить с выплатой гонорара изобилуют в письмах Некрасова практически ко всем сотрудникам. Приведем несколько примеров таких просьб и извинений за вынужденную отсрочку. Письмо А. В. Никитенко (3 октября 1848 года):

²⁹ Об этом см. в письме Некрасова к В. П. Боткину от 11 апреля 1847 года (14, 1, 69–70).

³⁰ В октябре 1846 года. Об этом см.: Русская мысль. 1904. № 10. С. 42.

«Я обещал Вам уплатить 300 рубл<ей> сер<ебром>... <...> Если Вы можете подождать до этого срока, то чрезвычайно меня обяжете» (14, 1, 112–113). Даже Тургеневу, очень важному для журнала автору, Некрасов задерживает выплаты гонораров. В письме 27 марта 1849 года он пишет: «По тону Вашего письма видно, что Вы сердитесь — за что? неизвестно! Думаю, за то, что деньги Вам высланы 10-ью или 15-ью днями позже, чем Вы ожидали. На это должен я Вам сказать, что 1) у нас запасных денег нет, 2) что мы имеем долги, 3) что если Вы позволяли себе быть иногда должным мне, то почему же я не мог позволить себе в нужде и в крайности отсрочить высылку Вам денег двумя неделями?» (14, 1, 117) В письме А. Н. Афанасьеву (ноябрь 1849 года) очень откровенно описана эта система кредита: «Вы ко мне не пишете и статей не шлете — вероятно, сердитесь, что я Вам не шлю денег, вопреки своему обещанию. Поверьте, я об этом думал, да никак не собрался с силами. Такова уж моя участь, что куда к концу года приходится надувать сверх всякого желания. Деньги Ваши будут мною Вам заплачены при первой возможности...» (14, 1, 125). Еще одно откровение о внутриредакционных долгах сотрудникам встречаем в письме Некрасова М. С. Куторге 16 мая 1850 года: «Я принужден просить Вас всепокорнейше подождать следующие Вам за статью “История папск<ой> власти” деньги до 15-го числа июня. Мне прискорбно, что я не могу быть в отношении к Вам столь же аккуратен, как вы ко мне, но делать нечего...» (14, 1, 137). Такие специфические кредитные отношения пришли на смену тому социалистическому решению финансовых проблем, которое было принято при издании «Петербургского сборника»³² («Теперь рассчитывать на даровой материал не следует», — говорит Некрасов в «Воспоминаниях» Панаевой).

В сравнении с формальным и ростовщическим типами кредита дружеский долг, на первый взгляд, абсолютно эфемерен, поскольку у кредитора нет ни экономических, ни юридических рычагов для его возвращения или хотя бы для мести должнику. Давая твердые деньги, кредитор не получает взамен ни твердой вещи, ни даже эфемерной бумаги и, кроме того, не получает денег за свой товар — кредит. В результате в доверительном кредите ставка делается на нечто иное, выходящее за пределы современной экономической и юридической системы, трансцендентное ей. Это приобретает особое значение в ситуации экономической системы, понимаемой как не-

³¹ См. об этом: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1987. С. 306.

³² См. об этом в предыдущей главе.

справедливая и неэффективная. И то, что редактор и издатель журнала оказывается в доверительном долгу у людей, так сказать, составляющих круг журнала³³, формирует специфическую ситуацию эксперимента по созданию кредитных отношений иного типа.

Дело в том, что проблемы кредита занимали группу литераторов круга, близкого к «Современнику», не только практически, но и в теоретическом плане. Возможность иного взгляда на институт кредита открывала книга П. Ж. Прудона «Экономические противоречия, или Философия нищеты» (1846), ставшая чрезвычайно важным источником размышлений и идеологических построений для круга Белинского–Герцена в середине 40-х годов. Герцен в книге «Былое и думы» по значимости для духовного развития этих людей ставит Прудона и его книгу в один ряд с «Феноменологией духа» Гегеля: «Я думаю даже, что человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля и «Противуречий общественной экономии» Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, не полон, не современен»³⁴. Идеи Прудона, по воспоминаниям Анненкова, вероятно, обсуждались в Соколове и в 1845, и в 1846 году³⁵. В «Современнике» была в 1847 году в №№ 8 и 9 опубликована статья Владимира Милютина «Мальтус и его противники», в которой пропагандировалась в том числе и прудоновская идея бесплатного кредита. В письме Некрасову 22 августа 1847 года В. Боткин оценивает эту работу не без иронии, хотя сам выбор Прудона для подражания он приветствует: «Статью о Мальтусе я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она недурно составлена: большая часть ее переведена из книги Прудона: «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*», и выписки сделаны удачно»³⁶. Некрасов принял эту статью к печати под воздействием Белинского, видевшего в экономических взглядах Милютина большую близость к собственным. В частности, Белинский дает молодому экономисту высокую оценку в письме Боткину в начале ноября 1847 года: «Теперь есть еще в Петер-

³³ И эта ситуация, как минимум, внешне, радикально отличается от традиционной практики «закабаления» редактором сотрудников и «своих» литераторов путем предоставления им кредитов, практики, которую на себе очень отчетливо испытал Достоевский в отношениях с Краевским, например. Уточняя, скажем, что, вероятно, такая практика будет свойственна и Некрасову в отношениях с Тургеневым, позднее с Толстым, но «идеологически» оформлялась она всегда иначе.

³⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 9. М., 1956. С. 23.

³⁵ См.: Анненков П. В. Воспоминания. С. 239.

³⁶ Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 177.

бурге молодой человек Милютин. Он занимается *con amore* и специально политической экономией. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснотушия. Правда, он пишет скоро, а потому многословно, часто повторяется, любит книжные, иностранные словца — принципы, аргументы и тому подобные мерзости; но это от молодости: он еще выпишется, и даже очень скоро, и даже очень скоро, ибо соглашается вполне насчет своих недостатков. Он начал у Краевского, перешел к нам, и есть надежда, что вовсе от него откажется. Я подал Некрасову мысль, так как на будущий год мы значительно раздвинем пределы библиографии, поручить ему в полную редакцию разбор книг по его части»³⁷.

Теория Прудона предлагала своеобразное решение стоявших перед Некрасовым проблем. Уже в «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*» Прудон, начиная с защиты ростовщичества («*Une autre question, non moins controversée que la précédente, est celle de l'usure*» ou du prêt à intérêt. L'usure, ou comme qui dirait le prix de l'usage, est l'émolument, de quelque nature qu'il soit, que le propriétaire retire de la prestation de sa chose. Quidquid Sorti Accrescit Usura Est, disent les théologiens. L'usure, fondement du crédit, apparaît au premier rang parmi les ressorts que la spontanéité sociale met en jeu dans son œuvre d'organisation, et dont l'analyse décèle les lois profondes de la civilisation. Les anciens philosophes et les pères de l'église, qu'il faut regarder ici comme les représentants du socialisme aux premiers siècles de l'ère chrétienne, par une inconséquence singulière, mais qui provenait de la pauvreté des notions économiques de leur temps, admettaient le fermage et condamnaient l'intérêt de l'argent, parce que, selon eux, l'argent était improductif. Ils distinguaient en conséquence le prêt des choses qui se consomment par l'usage, au nombre desquelles ils mettaient l'argent, et le prêt des choses qui, sans se consommer, profitent à l'usager par leur produit. Les économistes n'eurent pas de peine à montrer, en généralisant la notion du loyer, que dans l'économie de la société l'action du capital ou sa productivité était la même, soit qu'il se consommât en salaires, soit qu'il conservât le rôle d'instrument ; qu'en conséquence il fallait ou proscrire le fermage de la terre, ou admettre l'intérêt de l'argent, puisque l'un et l'autre étaient au même titre la récompense du privilège, l'indemnité du prêt. Il fallut plus de quinze siècles pour faire passer cette idée, et rassurer les consciences qu'effrayaient les anathèmes du catholicisme contre l'usure. Mais enfin l'évidence et le vœu général étaient pour les usuriers; ils gagnèrent la bataille contre le socialisme, et des avantages immenses, incontestables, résultèrent pour la société de

³⁷ *Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 659.*

cette espèce de légitimation de l'usure»³⁸ / “Другой вопрос, вызывающий не меньше дискуссий, чем предыдущий, это «ростовщичество” или ссуда под проценты. Ростовщический процент или, как можно сказать, цена за пользование, это выгода какой бы то ни было природы, которую владелец извлекает, отдавая займы принадлежащую ему вещь. Quidquid Sorti Accrescit Usura Est, как говорят теологи. Ростовщический процент, лежащий в основе кредита, является одной из главных движущих сил, которые общество пускает в ход в целях организации, и при рассмотрении которого обнаруживаются глубинные законы цивилизации. Древние философы и Отцы Церкви, которых здесь следует считать представителями социализма в первые века христианской эпохи, вследствие исключительной непоследовательности, которая однако происходила от скудности экономических понятий того времени, допускали аренду, но осуждали денежный процент, ибо, по их мнению, деньги не могут приносить доход (досл. являюя непроизводительными). Следовательно, они различали аренду (сдачу внаем) вещей, которые изнашиваются от употребления, среди которых они рассматривали деньги, и аренду вещей, которые, не изнашиваясь, приносят доход владельцу. Экономистам не составило труда, обобщая понятие аренды (платы за наем), показать, что в экономике общества действие капитала или его производительность — это одно и то же, будь он израсходован на зарплату или сохраняя он роль инструмента; что, следовательно, надо или запретить аренду земли, или разрешить денежный процент, поскольку и то и другое являются в равной степени вознаграждением за исключительное право, компенсацией за наем. Потребовалось более пятнадцати столетий для того, чтобы эта мысль распространилась и совесть, напуганная католической анафемой ростовщичеству, успокоилась. В конце концов очевидность и всеобщая воля встали на сторону ростовщиков; они победили в битве против социализма, и результатом такой легитимации ростовщичества для общества стали огромные, неоспоримые преимущества»), в традиционной для него парадоксальной манере переходит к обвинению всякой прибыли, не основанной на труде: «C'est que toute valeur naît du travail, et se compose essentiellement de salaires; en d'autres termes, qu'aucune richesse ne procède originaires du privilège, n'a de valeur que par la façon, et qu'en conséquence le travail seul, entre les hommes, est la source du revenu. Comment donc concilier la théorie du fermage ou de la productivité du capital, théorie confirmée par la pratique universelle, et que l'économie politique, en

³⁸ Proudhon P. J. *Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*. Paris. 1872. P. 312–133.

sa qualité de routinière, est forcée de subir, mais sans pouvoir la justifier, avec cette autre théorie qui nous montre la valeur se composant normalement de salaires, et qui aboutit fatalement, comme nous le démontrerons, à l'égalité dans la société du produit net et du produit brut?»³⁹ — «Дело в том, что каждая стоимость рождается из труда и состоит преимущественно из заработной платы; в других терминах, никакое богатство не происходит из преимущественного права, имеет стоимость только таким образом, и, следовательно, только труд в человеческом обществе является источником дохода. Как же объединить теорию аренды или производительности капитала, теорию, подтвержденную всеобщей практикой, которую политэкономия в своем рутинном качестве принуждена принять, не имея возможности ее оправдать, с другой теорией, которая нам демонстрирует стоимость, которая складывается обычно из заработной платы и которая неизбежно приводит, как мы это покажем, к равноправию в обществе чистой прибыли и валовой прибыли?». В последующих трудах Прудон начинает уделять кредиту преимущественное внимание. Основа учения французского философа заключается в том, что необходимо исключить возможность функционирования денег как товара и как предмета накопления. Взимание процента по кредиту в качестве платы только за то, что деньги временно передаются другому лицу, представлялось Прудону главным злом, лежащим в основе экономических несправедливостей современного капиталистического общества (по «техническим причинам» мы знакомился с этой работой в английском переводе): «On the one hand, it is very true, as you have unquestionably established, that a loan is a service. And as every service has a value, and, in consequence, is entitled by its nature to a reward, it follows that a loan ought to have its price, or, to use the technical phrase, ought to bear interest.

But it is also true, and this truth is consistent with the preceding one, that he who lends, under the ordinary conditions of the professional lender, does not deprive himself, as you phrase it, of the capital which he lends. He lends it, on the contrary, precisely because the loan is not a deprivation to him; he lends it because he has no use for it himself, being sufficiently provided with capital without it; he lends it, finally, because he neither intends nor is able to make it valuable to him personally,—because, if he should keep it in his own hands, this capital, sterile by nature, would remain sterile, whereas, by its loan and the resulting interest, it yields a profit which enables the capitalist

³⁹ Proudhon P. J. *Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*. P. 170.

to live without working. Now, to live without working is, in political as well as moral economy, a contradictory proposition, an impossible thing»⁴⁰ — «С одной стороны, это абсолютно верно, что, как вы неоспоримо показали, заем — это услуга. Поскольку же любая услуга имеет цену и, следовательно, по своей природе предназначена к тому, чтобы быть вознагражденной, постольку кредит должен иметь свою цену или, если использовать специальную терминологию, должен приносить прибыль.

Но верно также и то, и это не противоречит тому, что было сказано выше, что тот, кто дает в долг (при обычных условиях), не лишает себя того капитала, который он ссужает. Он дает займы, напротив, в точности потому, что ссуда не является для него лишением себя капитала, он ссужает его потому, что он не нуждается в этом капитале, оставаясь полностью обеспеченным и без того капитала, который он ссудил; он дает в долг, наконец, потому, что не собирается или не способен самостоятельно сделать его приносящим пользу, потому что если он будет держать его у себя, то этот капитал, бесплодный по природе, будет и оставаться бесплодным, в то время как с помощью его ссуживания и получения прибыли от него, капитал образует доход, который позволяет капиталисту жить, не работая. Между тем жить не работая в политической, так же как и в моральной, экономии означает внутреннее противоречие, такого не может существовать».

В качестве альтернативы Прудон предлагал установление беспроцентного кредита, даваемого прямо для приобретения конкретного товара. У денег, таким образом, оставалась бы только их способность быть посредником в обмене товарами и отнималась возможность быть товаром. Вексель, долговая бумага стала бы не предметом торговли и перепродажи, но как бы непосредственным выражением того полезного человеку товара, который он может с ее помощью приобрести. В результате чего деньги должны были превратиться исключительно в средство измерения сравнительной стоимости товаров. Постепенно отмена процента должна привести и к отмиранию самих денег, и к отмиранию необходимых юридических институтов, обеспечивающих выплаты по пустым ростовщическим бумажкам. Практическое применение идеи Прудона нашли в создании им с треском провалившегося Народного банка (был учрежден в январе 1849 года), но и этот провал не убедил русских поклонников Прудона в неверности экономических идей французского философа. Тот же Герцен напишет су-

⁴⁰ Proudhon P. J. *Intérêt et principal*. Paris, Garnier frères, 1850. Первое издание. Цит. по: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/proudhon/interestletter1.html

щественно позднее: «Сам Прудон попробовал было раз свою патологию и срезался на *Народном банке* несмотря на то, что, сама по себе взятая, идея его верна»⁴¹.

Таким образом, по Прудону, гарантией кредита становится не бумага, обеспеченная только судебными санкциями, и не вещь, отбираемая у должника и превосходящая сам кредит по стоимости, но вещь, приобретаемая берущим кредит. Кредит, не служит обогащению ни одной из сторон, но позволяет берущей стороне развиваться, реализовывать свои планы, удовлетворять свои потребности, при этом не обедняя кредитующую сторону, дающую деньги, которые у нее самой сейчас в избытке. Так и кредит Некрасову со стороны его друзей осмысливается не как акт благотворительности, но как предоставляемая из избыточных средств возможность осуществления важного и полезного предприятия. Так обоснованный кредит во многом преодолевает проблематичность отношений между кредитором и должником. Концепция Прудона представляла собой и решение этической проблемы в отношениях кредитора и должника⁴². Отрицая справедливость взимаемой за кредит платы, французский мыслитель упразднял и какое-либо нравственное превосходство кредитора над должником, какое-либо чувство обязанности, нравственного долга должника перед кредитором. По мнению Прудона, кредитор, временно ссужая другое лицо, сохраняет свои деньги, фактически оставаясь их владельцем. Он ничем не жертвует, значит, не совершает никакого благодеяния тому, кому одолжил деньги.

Такое осмысление кредита позволяло Некрасову одновременно быть должником большого количества людей, участвовавших в журнале, и быть их другом и равным им все время. Даже наоборот. Создавалось ощущение, что эти долги и кредиты только укрепляют ощущение доверия, которое царит в редакции, в журнале. Кредитно-денежные связи одновременно и трансформировали эти отношения, придавая им новое важное качество, противоположное прекраснодушию и «идеальничанию» — тому, на что так резко нападал Белинский в последние годы жизни (и за отсутствие чего он поощряет «направление» Владимира Милютина). Взаимоотношения, оставаясь дружескими, становятся практическими, деловыми, так сказать земными, а не оторванными от земли и витающими в небесах. (Более того, слово «кредит» становится обозначением нравственных качеств человека, обретает значение, синонимично

⁴¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 10. С. 186.

⁴² Напомним знаменитый афоризм Прудона, в котором кредитные отношения становятся заменой религии: *Combien me devez-vous? combien vous dois-je? voilà ma religion et mon Dieu.*

доверию.) В языке Некрасова часто встречаем такие выражения, например, во фрагменте «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1855–1856): «Поэт в душе был богат — и вся компания раз в неделю у него ужинала с шампанским и трюфелями. Кроме того, в важных случаях он давал деньги взаймы, чем литераторы с кредитом нравственным, но не существенным, не упускали пользоваться» (8, 423–424). Другой окололитературный персонаж этого отрывка характеризуется тоже через кредит финансовый и кредит нравственный: «Практическая голова, принимавшая участие в одной акционерной компании, разошедшейся “вследствие неблагоприятного оборота дел” и приславшей своим акционерам вместо дивиденда счет, по которому приходилось приплатить порядочную сумму, — Практическая голова брала тем, что помогала литераторам, как людям трудящимся и способным приобретать, в крайних случаях извертываясь их же собственными средствами и доставать денег, когда уже другим путем достать их не было возможности. Она зналась с книгопродавцами, хорошо знала моральный кредит каждого литератора и, действительно, между ними была самая практическая голова» (8, 424–425).

Понятия кредита оказываются в самом центре нравственной проблематики, например в стихотворении «Нравственный человек» написанном в феврале 1847 года и опубликованном в № 3 «Современника». Среди мерзостей, совершенных главным героем, есть и такой поступок:

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла (1, 58).

Использование юридической процедуры, основанной на вексельном праве, оказывается в данном случае нарушением человеческой морали, надругательством над святым чувством дружбы. В основе осуждения поступка «нравственного человека» неочевидная, с точки зрения здравого смысла, презумпция правоты должника, а не кредитора.

Именно в такой модальности строились отношения между редактором

«Современника» и его ближайшими сотрудниками и авторами вплоть до середины 50-х годов. Начало разрыва между Некрасовым и Тургеневым было озаменовано попыткой последнего выяснить, какова была реальная ситуация в финансовой сфере, говоря проще, определить, кто из них кому должен. Так об этом говорит Анненков, чьи мемуары, очевидно, близко передают взгляды именно Тургенева на ситуацию: «Через несколько дней он (Тургенев. — М. М.) присоединил к отказу новое огорчение, потребовав в конторе «Современника» полного расчета за все старое время. Надо заметить, что с года основания журнала (с 1847 года), и даже прежде, существовали между ними счета дружеского характера, которые потом возросли и запутались до того, что Тургенев уже и не знал, под бременем какого долга он состоит у Некрасова или у журнала. В течение 12–13 лет он брал у них деньги, выплачивая то своими произведениями, то наличными суммами и не справляясь о равновесии уплат с займами. Можно думать, что это неведение коммерческой стороны дела ему под конец надоело. Другая сторона не торопилась исполнить его просьбу, может быть, и потому, что понимала выгоду, какую имеет всякий кредитор держать в некоторого рода зависимости своего должника. Но это уже был не старый Тургенев, которого все знали и который мог легко поддаться на всякую ловушку, а другой, гораздо более настойчивый и твердый. Так как он, видимо, не хотел более возвратиться к домашнему, безотчетному ведению своего литературного бюджета, то счет был предоставлен. Безропотное, покорное очищение его сделалось именно сигналом полного разрыва между старыми друзьями — Тургеневым и Некрасовым»⁴³. Ситуация долга Некрасова сотруднику переосмыслиется как ситуация долга сотрудника Некрасову. К разрыву ведет именно переопределение Некрасова-редактора как кредитора, а не должника. Формализация кредитных отношений оказывается смертельной для дружбы и сотрудничества⁴⁴.

Неформальное отношение между кредитором и должником квалифи-

⁴³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 408.

⁴⁴ Конец дружески-кредитным отношениям обозначило и приглашение И. А. Панаева заведовать конторой «Современника». С 1856 года он начинает вести конторские книги журнала и финансовые отношения в журнале формализуются (конечно, это не мешало и существованию «неформальных» отношений, но важно, что изменилась сама модальность этих отношений). См. об этом в статье: *Рейсер С.* Гонорарные ведомости «Современника» // Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949. С. 230–233.

цировалось как *дельное*, *дельность* означала, прежде всего, способность дать, предложить что-то реально значимое, реально полезное. Дельность становилась заменой и векселю, и ценной вещи в качестве обеспечения кредита. Можно сказать, что дельность противопоставлялась прекрасо-душию и неосновательности, прожектерству как нечто твердое и солидное эфемерному векселю. Так, Некрасов пишет Григорию Толстому в письме 1847 года: «Вы, казалось, так хорошо понимали важность в этом деле своевременного получения денег на журнал, Вы так ручались за себя, и Ваши уверения казались мне так дельными и несомненными, что я скорее боялся не получить денег от Панаева, чем от Вас» (14, 1, 66). (Вместо обещанных 25 тысяч серебром Толстой прислал вексель на половинную сумму). И далее: «При основании журнала мне <...> настоятельно нужны были деньги, а не вексель...» (14, 1, 66). Не пустую бумагу, вексель, а твердых денег ожидал Некрасов от Толстого, и поэтому его поведение сначала казалось ему дельным. В письме А. В. Дружинину 6 августа 1855 года, характеризуя Боткина (который как раз в это время помог Некрасову, дав взаймы на издание «Современника» 2000 рублей), Некрасов дает ему показательные характеристики: «Боткин — любезнейший для сожительства человек. К этому я должен прибавить, что он истинно хороший и истинно дельный человек. Это я ныне испытал на своей шкуре. Он принял кровное участие в неблестящем положении наших дел в нынешнем году — и помог нам и словом и делом» (14, 1, 209–210).

Эта дельность редакции и самого журнала в значении твердого обеспечения должна была стать и для подписчиков «Современника» своего рода залогом, заменяющим традиционные способы обеспечения кредита, укрепления доверия к журналу. Читатель должен быть уверен, что за свои деньги он получит нечто реально полезное, а не вексель, пустую бумажку. Журнал становится как раз такой полезной, важной для жизни вещью. И в том числе в этом контексте (а не просто элементарной конкурентной борьбы с Краевским и «Библиотекой для чтения») нужно рассматривать стремление Некрасова издавать журнал на хорошей бумаге, с политипажамми, сделать его как можно толще, насыщенной материалами. Это должно было стать гарантией того, что читатель дает свои деньги на солидное, серьезное предприятие, как бы кредитует дельных людей.

Понятие дельности становится ключевым и для содержания, характера материалов, ожидаемых публикой. Так говорит Подписчик в некрасовском стихотворении 1851 года «Деловой разговор»:

Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:

Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших.
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды, —
Вы развиваете охоту к просвещенью,
Вы примиряете нас с собственной ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! (1, 92)

Дельность подхода, современность, постановка современных, актуальных практических вопросов становится тем, что получает читатель за свои деньги. И этим «Современник» отличается от журналов, собирающих деньги за ничто, за бумагу, подобную вексельной. Образ такого журналиста дан в более позднем стихотворении «Журналист-рутинер» из цикла «Песни о свободном слове» (1865):

Условия прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом,
Провидя смелые затеи,
Читатель упивался всласть,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
(2, 228).

Наступившие либеральные времена здесь уподобляются пришедшему сроку расплаты по кредиту, предоставлявшемуся публикой «в ожидании будущих благ»:

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда:

Я больше не глубокомыслен,
Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением цензуры
Мгновенно рухнул мой кредит.
(2, 229–230).

В этих стихах слово «кредит», конечно, употребляется и в переносном, и в прямом смысле, так же как и сама форма финансовых жалоб имеет двойственный — и шуточный, и серьезный — характер.

Можно сказать, что дельность становится для Некрасова на первых порах едва ли не единственным критерием оценки произведения, заменяющим и эстетические и идеологические мерки, то есть критерием пригодности вещи для журнала. При этом, будучи достаточно неопределенным (как, впрочем, и любое качественное или оценочное понятие), это слово должно было быть для Некрасова наделено интуитивно понятным значением. Дело в том, что в рецензии на «Петербургский сборник» в № 3 «Отечественных записок» за 1846 год Белинский назвал именно «дельность» (вместе с современностью) важнейшим достоинством некрасовской поэзии. В данном случае сама краткость суждения очень значима. Не имея возможности подробно обсуждать стихи издателя сборника, в котором он сам напечатался, Белинский тем тщательнее и точнее выбирает слова для их характеристики и оценки: «Мелких стихотворений в «Петербургском сборнике» немного. Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслью; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, дельного и современного. Вот лучшее из них — «В дороге»⁴⁵. Учитывая хорошо известное влияние на него Белинского, невозможно преуменьшить значение этого суждения для самоопределения Некрасова как поэта (именно с этих стихов и с этой рецензии для него настало второе рождение как поэта), и как издателя журнала (именно тогда он всерьез начинает задумываться об этом предприятии). Можно с уверенностью сказать, что дельность — это то качество, которое отличало для него настоящую ли-

⁴⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 149.

тературу от неподлинной⁴⁶ и фальшивой⁴⁷.

В высказываниях Некрасова о качестве произведений, отбираемых для

⁴⁶ То, что это противопоставление пустого и дельного твердо ассоциируется у Некрасова с Белинским, показывают, в частности, следующие строки из поэмы «В. Г. Белинский» (1855):

Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я (4, 6).

⁴⁷ Интересно, что это слово появится в неопубликованной рецензии Дружинина на книгу «Стихотворения Н. Некрасова» (1856): «Даже многие из его преднамеренно-наставительных стихотворений нам нравятся, ибо они созданы без усилий и притянутой мысли, — мы очень хорошо знаем, что срок их славы недолог, но и за временное их влияние остаемся вполне благодарными. Этими стихотворениями он привил несколько дельных мыслей в обществе, ими развивает он массы людей малоразвитых и непривычных к пониманию поэзии. В них он был прям и искренен, ими достигнул он всего, что только можно было достигнуть с таким слабым орудием. Но не в дидактике значение Некрасова как поэта настоящего, поэта прочного. Это значение приобрел он энергией своего таланта, рядом картин, достойных кисти мрачного Рембрандта, сотнею строк, исполненных жизни и крови, запечатленных всегда свежим, всегда славным творчеством». И далее: «Для людей с прозаическим складом ума, но все-таки порывающихся в область поэзии, половина трудов Некрасова есть перл, чудо красоты, великое открытие, истинная находка! Над этими трудами они в первый раз могли сказать сами себе безо всякой неискренности: «Вот где поэзия, вот где мы все видим и понимаем!» Такой результат во многом полезен, ибо он не только навел целый клан незорких людей на дельные мысли, но вдобавок еще и подготовил их к некоторому, хотя крайне узкому, пониманию поэта. Для читателя он весьма утешителен, повторяем мы, но утешителен ли он для самого труженика, для высших проявлений его души?» — (Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 272, 274).

журнала, слово «дельный» в это время, вне всякого сомнения, является одним из наиболее часто используемых для положительной оценки. В письме от 5 августа 1847 года И. К. Бабсту, экономисту, много, кстати, писавшему о кредите, Некрасов просит: «Пишите библиографии московских книг — ваши разборы дельны и лучше не нужно» (14, 1, 76). В письме А. В. Никитенко 19 ноября 1847 года Некрасов замечает: «Пускай бы М<ихаил> С<еменович> написал другую статью, которая хоть была бы и не очень горазда, да похожа на дело — мы бы, дескать, таковую с удовольствием...» (14, 1, 88). Есть примеры употребления этого слова для оценки книг и в художественной прозе Некрасова того времени, например, в романе «Три страны света»: «Книжные издания тоже более или менее сопряжены с риском, и успех той или другой книги не может быть рассчитан на верное, при всем знании современных интересов читающей публики; бывает, что дельная и, по-видимому, нужная для всех классов книга остается не проданною в убыток издателю, а книга пустая расходуется в продаже быстро» (9, 2, 32).

Дельность остается центральным оценочным понятием вплоть до начала 50-х годов, когда сама идейная ориентация людей, вышедших из круга Белинского (и пришедших в журнал позднее, как Дружинин), начинает меняться от практического к эстетическому (особенно разительно эта перемена видна в эволюции взглядов Боткина, как раз в середине 50-х годов связанного с Некрасовым в том числе и «дельными» финансово-кредитными отношениями). В это время в словаре Некрасова-редактора и критика появляются и понятия из «эстетического» словаря, но и тогда дельность остается если не необходимым, то достаточным критерием достоинства текста и его пригодности для журнала. Так, например, в письме В. П. Гаевскому 19 апреля 1850 года есть такие слова: «В V № «Современника» набрано пропасть дельных, но сухих библиографических статей, а это единственная книга, о которой можно написать что-нибудь поживее» (14, 1, 135). Нечто подобное видим в его письме И. С. Тургеневу от 17 ноября 1853 года: «Посылаю тебе “Филантропа” — скажи мне о нем свое мнение. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дельною — может быть, в деревенском единообразии чтение ее доставит тебе некоторое удовольствие хоть тем, что напомнит старое, — по крайней мере, я теперь вдруг вспомнил наши давние литературные толки, ту охоту, с которою я прочитывал тебе каждое мое новое стихотворение, и то внимание, с которым ты меня слушал» (14, 1, 183). В письме ему же от 9 октября 1854 года Некрасов говорит следующее: «Я стою на том, что книга хороша («Песни разных народов», из-

данные Базуновым и переведенные Бергом. — *М. М.*) и может занять даже и не в дороге. Вместе с этим письмом я пошлю записку к московскому Базунову, чтоб он тебе ее выслал. Из нее ты узнаешь — впрочем, мне некогда много писать, но ты сам увидишь, что, кроме дельности, книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии» (14, 1, 192). Л. Н. Толстому Некрасов пишет 17 января 1855 года: «Кстати, в 1 № “Современника” напечатал я статью Анненкова “По поводу последних произведений Тургенева и Л. Н. Т.”; в ней вы найдете несколько дельных замечаний о себе — она высказывает несколько мыслей, на которые наводят Ваши произведения» (14, 1, 198–199). В письме И. С. Тургеневу 30 июня — 1 июля 1855 года понятие дельности переносится уже на всю русскую литературу, становится критерием, по которому она оценивается в целом: «Я вообще азартно предаюсь чтению и обуреваем с некоторого времени жаждой узнать и того, и другого, да на русском ничего нет, особенно поэтов; а если и есть, то 20–30-х годов. В этом отношении литература русская 20 лет назад была дельнее». (14, 1, 205)

Так экономические условия (специфика журнала как экономического института, предприятия, основанного на кредите, необходимости прибегать к займу у людей, близких к журналу, в сочетании с неразвитостью частного кредита, юридических и экономических институтов, его обеспечивающих) преобразуются в концепцию «Современника», становятся основой для его «направления». Эта концепция принадлежит и самому Некрасову, и одновременно является плодом коллективного «экономического» и идеологического творчества литераторов, критиков и ученых, близких Белинскому и благословленному им журналу. Это «направление» основано на провозглашенных Белинским принципах «дельности» и «гуманности», но без «идеальничания». И эта концепция определяет и внутренние экономические и человеческие отношения внутри редакции «Современника», и отношения между редакцией и литераторами, и между журналом и подписчиками. Дельность, принятая в качестве критерия оценки качества текстов и выбора произведений для публикации, позволяла Некрасову и интуитивно, и одновременно вполне осознанно вести журнал в одном направлении, создавая ему лицо, быстро и надолго признанное читателями как уникальное. Стремление отбирать дельное и отбрасывать пустое в конечном счете позволяло Некрасову творить свой журнал по тем же законам, что и свое собственное творчество.

Глава 6

Против журнала. Поэт как герой. «Стихотворения Н. Некрасова»

1

В письме Л. Н. Толстому от 31 марта — 1 апреля 1857 года Некрасов писал:

Делать я пока что ничего не делаю, кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве. Ах, любезный друг! Не мальчишество на этом свете только лежание на пуховике, набитом ассигнациями, накраденными собственной или отцовской рукой. Как бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать или как бы что написать: позлее, полиберальнее? — мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие. Да и такие вещи написал я не все — в моих бумагах можно найти целую серию недоконченных пьес. Все это говорю к тому, что изменить характера своего писания я не могу, так же, как Вы не можете разделять убеждений гг. Гончарова и Дружинина, хотя меня в том и уверяли как в несомненном, — а потому не ждите от меня ничего по части стихов, что бы пришлось по вашему вкусу (14, 2, 67–68).

Заключительные утверждения этого фрагмента о свободе некрасовского творчества не раз становились предметом обсуждения исследователей, видевших в нем и отражение усиливавшегося в это время влияния на Некрасова Чернышевского¹, и ценную автохарактеристику самого поэта². Однако повод, по которому сделаны «программные» заявления, остается, как ни странно, неясным. Комментарий к этому фрагменту в Полном собрании сочинений Некрасова неверен: «Речь идет о перепечатке в “Современнике” (1856, № 11) ряда произведений Некрасова из его “Стихотворений” (1856), вызвавшей цензурные гонения» (14, 2, 216). Очевидно, речь в этом пассаже не может идти о перепечатке, поскольку она была сделана не Не-

¹ Лебедев Ю. В. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов // Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988.

² Например, см.: Краснов Г. В. Диалектика творческих связей (Некрасов и Лев Толстой) // Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 329.

красовым, а Чернышевским, что, конечно, Толстому было известно (хотя бы от Тургенева или Дружинина³). Некрасов, вне всякого сомнения, говорит об издании самого сборника (поскольку в тексте некрасовского письма говорится о «деле о моей книге», а вовсе не о «перепечатке»), которое и характеризуется как «мальчишество». И именно поэтому данный фрагмент нуждается в более точном и внимательном комментарии.

Дело в том, что если в отношении Чернышевского и его поступка некрасовские слова выглядели бы вполне естественно, то, примененные к самому поэту, они выглядят странно. Во-первых, если перепечатка стихотворений, действительно, выглядела легкомысленной дерзостью, и в этом смысле «мальчишеством», то публикация самого сборника, разрешенного цензурой, под такое определение вроде бы не подходит. При этом, поскольку нет свидетельств того, что «литературные друзья» действительно обвиняли Некрасова в чем-то подобном, видимо, мы в данном случае имеем дело с автохарактеристикой. В каком смысле надо понимать тогда это определение, почему Некрасов называет издание своих стихов отдельной книгой, «мальчишеством»? Во-вторых, на фоне коммерческого и читательского успеха сборника⁴ требует объяснения и декларация собственного бескорыстия, противопоставление издания сборника «лежанию на пуховике, набитом асигнациями, украденными собственной или отцовской рукой». В этой главе мы ответим на вопрос о том, что имел в виду Некрасов, характеризуя свой зрелый и успешный издательский проект как мальчишеский, бескорыстный поступок.

2

Всякое коммерческое предприятие для успеха нуждается в благоприятных условиях, конъюнктуре. Что, с точки зрения Некрасова, являлось благоприятной конъюнктурой для такого проекта, как издание поэтического сборника? Чтобы понять это, необходимо проанализировать литературные взгляды Некрасова конца 40-х — первой половины 50-х годов (до и после выхода в свет «Стихотворений Н. Некрасова»). Как ни парадоксально, в основе этих взглядов — признание того, что поэзия имеет принципиально «неком-

³ О позиции Толстого в кругу писателей, близких к «Современнику», см.: *Эйхенбаум Б. М.* Толстой в «Современнике» // *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974.

⁴ Сводка сведений об успехе сборника в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 217–218.

мерческий» характер. Размышляя о том, почему в современной литературе практически отсутствуют поэтические произведения в статье «Русские второстепенные поэты» (1849), Некрасов видит причину этого в практицизме современной эпохи, определяющем ее культурные запросы: «Теперь эпоха положительная. Каждый литератор естественно хочет извлечь наибольшую выгоду из своего таланта, а при всеобщем равнодушии к стихам <...> конечно, проза представляет более удобств в этом отношении <...> И сознавая, что в наше время только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу и Деньги, он предпочитает распорядиться иначе: поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей; он пишет повести, рецензии, фельетоны и, получая за них с журналистов хорошие деньги, без сожаления видит, как поэтическая способность его с каждым годом уменьшается...» (11, 2, 33–34). Именно благодаря своим экономическим преимуществам, проза берет верх над стихами в творчестве современных литераторов, вместе с веком утративших высокие идеалы бескорыстного служения искусству.

Тем не менее поэзия, по Некрасову, сохраняет свое значение в литературе. Она отвечает универсальной внутренней потребности человека именно благодаря своей идеалистической непрактичности. Так, в той же статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов пишет: «Как ни толкуют о положительности нашего времени, мы уверены, что хороший поэт был бы совсем не лишней в настоящей русской литературе <...> Итак, потребность стихов в читателях существует несомненная» (11, 2, 34–35). Такие взгляды были свойственны Некрасову на протяжении всего периода, предшествующего изданию его собственного сборника стихотворений. В рецензии на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии» (1854) Некрасов высказывает ту же мысль: «Поэзия — лучшее украшение всякой литературы, поэзия — венец возможного человеку творчества, поэзия — источник самых высоких, прекрасных и чистых наслаждений, какие когда-либо испытывал и будет испытывать человек» (11, 2, 108). Это означает, что причина отсутствия поэзии заключается в публике, которая не понимает своих собственных потребностей. В той же рецензии на «Дамский альбом» приводится письмо от неназванного читателя, которое сочинил, конечно, сам Некрасов. Это «письмо», вне всякого сомнения, отражает его собственные взгляды: «Новейшее время не только не произвело ни одного великого поэта, но даже гонит тех, которые у него есть <...> оно стремится во что бы то ни стало, наперекор человеческой природе, стать во враждебные отношения к поэзии» (11, 2, 100–101). Для того, чтобы поэзия снова

заполнила прилавки книжных магазинов, нужна новая публика, которая ощутит потребность в стихах. Чтобы расцвел «идеалистический» вид литературы, нужна новая «идеалистическая» публика, для которой «самые высокие, прекрасные и чистые наслаждения» снова станут реальной повседневной потребностью.

Причина отсутствия интереса к стихам заключается и в самой поэзии. По Некрасову, поэту сейчас трудно добиться признания не только из-за прагматического характера века, но и из-за редкости среди современных поэтов обладателей подлинной индивидуальности. Поэзия стала теперь слишком легким делом. Писать стихи могут теперь многие, многие обладают способностями, многие достигают того уровня, на котором стихи становятся вполне грамотными и профессиональными. Но теперь этого мало для того, чтобы даже просто быть напечатанными. Так, в уже не раз упоминавшейся статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов утешает авторов несостоявшихся поэтических публикаций: «В редакцию “Современника”, как и во все редакции журналов, присылаются нередко стихотворения; если авторы, не видя своих произведений напечатанными, думают, что мы считаем их всех без исключения людьми без таланта, то мы спешим успокоить их: в некоторых из присланных к нам стихотворений заметны признаки таланта несомненного; не печатаем же мы их, во-первых, потому, что таких стихотворений мало, а во-вторых, и главное, потому, что, обнаруживая талант, почти ни одно из этих стихотворений не обнаруживает самобытности. Это не мешает автору писать их: совершенствуя свой талант, он может достигнуть самобытности, — но мешает дельному журналу печатать их» (11, 2, 35). Наличие самобытности таланта становится важнейшим требованием, предъявляемым к стихам в «Современнике». В резолюции на рукописи стихотворений Н. А. Арбузова (1851) Некрасов пишет: «Стихи эти недурны и обличают в авторе некоторый талант, но содержание слишком старо и незначительно, а главное — не заметно признаков чего-нибудь самобытного. Извините за откровенность» (13, 2, 126).

Проблема поэтической индивидуальности в сознании Некрасова при этом не сводится к индивидуальности манеры, стиля. Как показывает следующий фрагмент из рецензии на «Стихотворения Я. П. Полонского» (1855), для Некрасова нет строгой границы между человеческой индивидуальностью и своеобразием поэтического стиля: «В наше время писателю, чтоб достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит». (11, 2, 137). Причиной внимания к личности поэта является тот самый присущий поэзии «идеализм». Она

требует бескорыстия от самого поэта — качества, редко встречающегося в «положительную эпоху». В целом особенно в середине 50-х годов яркая личность становится едва ли не наиболее достойным предметом литературы. Так, Некрасов высоко оценивает задачу, поставленную перед собой создателем книги «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» (1855): «Нельзя в заключение не поблагодарить г. Савельева за его брошюру. Он сделал ею хорошее дело — совершенно бескорыстно, потому что она немного найдет покупателей. Но подобные случаи и не должны служить предметом спекуляции; тут дело не в покупателях, а в сохранении в литературе следа замечательной личности» (11, 2, 140). Здесь яркость изображаемой личности соответствует бескорыстию писателя, издавшего ее биографию.

Чтобы привлечь внимание современного читателя, поэт должен обладать яркой поэтической и человеческой индивидуальностью. Такое требование сочетается с тенденцией, появляющейся в некрасовской публицистике первой половины 50-х годов. Мы говорим о критике им журнала как литературного института, из-за своей специфики требующего больше материала, чем может предоставить современная литература. В статье «Заметки о журналах за февраль 1856 года» можно встретить такие своего рода лирические признания издателя: «Не совсем печально быть журналистом... Кто испытал муку, и стыд, и тоску недовольства, печатая вещи, недостойные печати, кто по сту раз читал и перечитывал и бросал под стол иную рукопись, а кончал-таки тем, что со скрежетом зубов посылал ее в типографию...» (11, 2, 233). Из такого признания не полной адекватности журнала состоянию современной литературы вытекала и критика его как коллективной формы, препятствующей выявлению поэтической индивидуальности и установлению правильных иерархий и взглядов на современную литературу. Некрасов осознает, что журнал, в частности «Современник», превратился в нечто вроде самостоятельной величины, со своей репутацией, «кредитом», со своей читательской капитализацией имени⁵. Если раньше репутация «Современника» и его имя создавались именами писателей, которые в нем участвовали, то теперь журнал может создавать репутацию тем, кто в нем напечатается, независимо от степени их таланта и оригинальности. Единственный выход, с точки зрения Некрасова, — не только не печатать средних стихов, но и строго подписывать каждую публикацию, не перекладывая ответственность за ее

⁵ Журнал как некая сверхиндивидуальная, самостоятельная литературная форма представлен в недавней работе: *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830–1870-х гг. М., 2005.

качество на журнал. Четче всего это выражено в рецензии на три книги «Антон Иваныч Пошехнин», «Череп Святослава, дума» и «Святки» (1855): «Но зачем печатать дурное стихотворение? Если цель журналов состоит в том, чтоб распространять в большинстве настоящие понятия об искусстве и очищать вкус (а в чем же она у нас и может еще состоять?..), то с этой точки зрения всякое плохое стихотворение, появляющееся в журнале, которого мнение имеет кредит, противоречит его цели. Давая место в вашем журнале слабому стихотворению и таким образом поддерживая его кредитом вашего мнения, вы вводите в недоумение и можете сбить с толку тех из ваших читателей, у которых вкус недостаточно развит, кто не доверяет собственному суду или вовсе лишен самостоятельного взгляда. Иное дело проза: там многое извиняет необходимость; но какая необходимость печатать плохое стихотворение в несколько строк, не наполняющее и страницы? Да, я решительно такого мнения, что журнал должен печатать только хорошие стихотворения; исключение допускается в одном случае: если стихотворение принадлежит автору, которого имя известно; в таком случае это имя само отвечает за достоинство стихотворения, а журнал не лишен права впоследствии высказывать о нем свое мнение» (11, 2, 114–115). В статье «Заметки о журналах за ноябрь 1855 года» встречается очень показательное признание устарелости самой журнальной формы круговой поруки, коллектива анонимных авторов: «Неужели после честного и откровенного сознания в негодности системы снова возвратиться к ней? бранить чужих, хвалить своих, снова пустить в ход фигуры умолчания, уклончивости, задавая читателю шарады там, где он требует дела, и постепенно дойти опять до перечисления опечаток, переборки старых фельетонов и доброжелательных намеков, что у такого-то журнала не хватает денег на расплату с сотрудниками, тогда как у другого сундуки ломаются от золота? <...> Это средство — выставить имя под журнальными обзорами и всякими критическими и полемическими статьями» (11, 2, 209). Естественный вывод в этой статье: «Вот почему важна подпись имен. Она важна и в другом отношении. Публика наша никогда не отдавала своей симпатии журналу без того, чтоб эта симпатия не выразилась определенно в сочувствии к тому или другому лицу, действующему в журнале» (11, 2, 210). В статье «Заметки о журналах за март 1856 года» Некрасову приходится делать уточнение: «Недостатки произведения нимало не относятся к журналу — это уже вина самого автора» (11, 2, 248).

Индивидуальный поэтический сборник, по мнению Некрасова, выгодно отличается от журнала во многих отношениях. Здесь полностью все зависит от самого автора. В своем собственном сборнике поэт не может поза-

имствовать ничью репутацию, воспользоваться чужим кредитом. Он сам вступает в борьбу за имя, славу и деньги. Об этом говорится в некрасовской рецензии 1855 года на «Антоня Иваныча Пошехнина», «Череп Святослава, дума» и «Святки» (1855): «Иное дело отдельные книги стихов — за них никто не отвечает перед публикой, кроме авторов...» (11, 2, 115). Отсюда и робость поэтов перед изданием собственных сборников, на которую указывает Некрасов в рецензии на «Дамский альбом...»: «У нас издание книги посредственных стихов — дело убыточное и даже бросающее на автора какую-то нелестную тень... И с некоторых пор подобные книги вовсе вывелись <...> Этого не могла сделать одна критика. Критика преследует же дюжину французские романы, но они все-таки выходят. Причины этого лежат в самой публике...» (11, 2, 105).

Журнал, однако, плох, с точки зрения Некрасова, и в другом, прямо противоположном смысле. Он мешает авторам с именем, авторам, безусловно, оригинальным, самобытным в полной мере показать читателю свое лицо, поскольку стихи его оказываются рассеяны по разным книжкам журнала. Поэтому издавать стихи отдельными сборниками полезно и поэтам известным, утверждает Некрасов в рецензии на «Стихотворения Я.П. Полонского» (1855): «Составилась довольно объемистая книга (в 200 с лишком страниц), — книга, изданная изящно, как и следует издавать стихи — этот изящнейший род произведений словесности. Мы смело рекомендуем эту прекрасную и по наружности, и по содержанию книгу вниманию наших читателей, которые давно знают г. Полонского как поэта даровитого. Для тех же, кому в деле литературы необходим авторитет, напомним, что талант г. Полонского как поэта был признан уже давно, при самом начале его поприща, тем замечательным русским критиком, который редко ошибался в своих литературных приговорах...» (11, 2, 136–137). То же самое полезно и А. А. Фету. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» Некрасов пишет о готовящемся сборнике его стихотворений: «В заключение сообщим литературную новость. В конце февраля или начале марта появится роскошное — в полном смысле слова — издание “Стихотворений” А. А. Фета. В состав его войдут только лучшие пьесы, окончательно и строго пересмотренные. Только по выходе издания, таким образом отделанного, публика увидит, какого поэта в г. Фете имеет современная русская литература» (11, 2, 233).

Подобной логикой, примененной вполне закономерно и к прозаикам, мотивировалось и составленное Некрасовым «Обязательное соглашение»⁶ с наиболее важными для журнала авторами, превращавшее «Современник» в подобие клуба для наиболее талантливых и популярных у публи-

ки писателей. Позволим себе большую цитату из объявления «Об издании «Современника» в 1857 году», в котором об этом соглашении сообщалось подписчикам:

...Оставаясь неизменным по своему направлению, сохраняя прежнюю редакцию и прежних сотрудников, «Современник» вошел с некоторыми из известнейших наших писателей в обязательное соглашение, которое дает ему возможность занять в литературе новое положение, заслуживающее внимания читателей.

Увеличивающееся число литературных журналов заставило некоторых писателей наших подумать о том, что, раздробляя свою деятельность на участие в нескольких периодических изданиях, литератор подвергает себя неудобствам, которые сильно чувствуются и публикою, если его произведения интересуют ее. Неудобства эти очевидны. Назовем одно из них, быть может, самое важное. Тому, кто не имеет времени или средств постоянно читать многих журналов, трудно бывает следить за произведениями любимого им автора, когда они рассеяны в разных изданиях; еще затруднительнее в таком случае читателю пересмотреть для возобновления прежних впечатлений или для проверки своего мнения все произведения известного писателя. Но если это неудобство тяжело для читателя, то еще ощутительнее невыгодные его следствия для писателя: он чувствует потребность знать мнение публики о своей литературной деятельности, а образование этого общественного мнения затрудняется обстоятельством, на которое указано выше. Редакция «Современника», всегда сознававшая, что успех журнала и сопряженное с ним увеличение его материальных средств принадлежит не столько ей, сколько писателям, полезное и неизменное содействие которых приобретает журналу внимание и сочувствие публики, изъявила с своей стороны полную готовность сделать все от нее зависящее для устранения означенных неудобств» (13, 1, 142–143).

Подобная же «нежурнальная» мотивация приводится Некрасовым в объявлении об издании сборников «Для легкого чтения» (1856): «Произведения (далее перечислены практически те же авторы, что и в объявлении «Об издании «Современника» в 1857 году». — М. М.), будучи однажды на-

⁶ Об истории «Обязательного соглашения» см.: Макашин С. Ликвидация «Обязательного соглашения». Из истории «Современника» конца 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949.

печатаны, без сомнения, не теряют еще своей цены для публики, но доступ к этим произведениям, рассеянным в журналах и сборниках многих годов, делается для нас затруднителен, дорог, а иногда и вовсе невозможен. Цель издания «Для легкого чтения» — устранить это затруднение» (13, 1, 140).

Требования оригинальности поэтической манеры и индивидуальной формы ее предъявления, публикации поэтической продукции, в середине 50-х годов имели под собой не только «теоретическую» подоплеку. Это время, как хорошо известно, характеризуется серьезным кризисом внутри «Современника», когда установившаяся конструкция, описанная нами в предыдущей главе, основанная на кредите, доверии, взаимных дружески-финансовых обязательствах, начала распадаться, заменяясь разногласиями, взаимным недоверием. Соглашение, предложенное Некрасовым, было попыткой установить новый принцип взаимоотношений издателя с авторами, учитывающий и необходимость журнала для писателей, и необходимость писателей для журнала. Это время и финансового кризиса, в 1854 году поставившего «Современник» на грань краха в результате заранее безнадежно проигранной конкуренции с газетами. Об этом кризисе Некрасов точно и откровенно говорит в письме М. В. Белинской от 26 апреля 1854 года: «Ныне для нас самый тяжелый год — у нас ubyло до 600 подписчиков вследствие усиленного расхода политических газет» (14, 1, 187). Этим кризисом вызвано прошение управляющему III Отделением о разрешении обзора политических событий в «Современнике» (11 марта 1854): «В настоящее время все внимание читающей публики в России поглощено политическими событиями. Журнал, наполняемый исключительно статьями литературного содержания, утратил почти весь свой интерес, и мы полагаем неуместным теперь наполнение журнала переводными повестями и романами» (13, 2, 144). То же содержится в прошении министру народного просвещения о разрешении отдела «Военных и политических известий» в «Современнике» (24 марта 1854): «Постепенное расширение круга значения этих событий, естественно, ведет более и более публику к совершенному равнодушию к произведениям чисто литературным» (13, 2, 145). Появление политических событий, интересующих публику, требующих оперативного отклика, тоже ставит под сомнение журнала как формы, адекватной запросам времени.

Таким образом, по Некрасову, необходимость эмансипироваться от журнала, как от формы, неадекватной современной литературе и запросам публики, и представлять свои стихотворения именно в виде сборника назрела. Однако для того чтобы книга стихов имела успех, необходимы, по Некрасову, во-первых, «идеалистическая» публика, не погруженная

в мир прагматических интересов, во-вторых, оригинальность манеры, поэтическая индивидуальность, в-третьих, яркость личности поэта. Наличие такой конъюнктуры должно было послужить причиной для издания его собственного сборника.

3

Прежде всего, в середине 50-х годов Некрасову кажется, что новый идеалистический читатель, способный воспринимать и ценить идеалистическую литературу — поэзию — появился. Таковой выглядит молодежь, с которой Некрасов связывает надежды на будущее русской литературы и на улучшение ее современного состояния. Современной эпохой ей приписываются идеализм, бесстрашие, бескорыстная любовь к истине. В статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов размышляет: «Что могут дать все эти повести, рецензии, фельетоны молодым и горячим юношам, только что начинающим жить и читать, юношам, которые видят в книге, в журнале совсем не то, что видим теперь мы; которые, подобно нам, читают все эти повести и фельетоны, но не так скоро забывают их, как забываем мы? Вспомните, какое впечатление производили на вас книги в лета отрочества и юности и скольким вы сами обязаны книгам, — и вы, может быть, разделите с нами боязнь, что теперешней литературе готовится в будущем тяжкий и справедливый упрек. Кто не знает и не повторяет, что русская литература с давних времен шла всегда впереди общества, отличалась постоянно, так сказать, характером воспитательным? <...> Но мы желали бы спросить: что представляет собой литература настоящей минуты с точки зрения, как мы выразились, воспитательной? Не совсем приятно отвечать на этот вопрос. Известно, что русское общество в своих наиболее развитых представителях начало с некоторого времени усваивать себе характер так называемой положительности в отличие тому романтическому настроению, которым отличалось оно еще в не весьма давние времена. <...> Кто не встречал теперь в обществе людей молодых, умных, образованных, в высшей степени приличных, для которых <...> по-видимому, решены уже все вопросы жизни, которые говорят всегда умно, и никогда глупо, касаясь до всего слегка, не возмущаются никаким злом, сознавая <...> что оно неизбежно и неисправимо...» (11, 2, 142–143). Эта «положительность» устарела, необходимо обновление литературы за счет обращения к молодежи. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» Некрасов хвалит «Севастополь в августе 1855 года» Л. Н. Толстого в том числе и за тему молодости, введенную в него начинающим писателем: «В самой

мысли провести ощущения последних дней Севастополя и показать их читателю сквозь призму молодой, благородной, младенчески прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни, видим мы тот поэтический такт, который дается только художникам» (11, 2, 223).

В уже не раз цитировавшейся нами статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» из всего лишь компиляции под названием «Об опеке и попечительстве» Некрасов необычайно сочувственно цитирует фрагмент, содержащий, в том числе, и такие утверждения: «Скучно то, что пусто, что мелочно, в чем нет ни смысла, ни человеческого значения: скучно ничего не делать по утрам, играть в карты по вечерам, ездить в гости к соседу, с которым у нас нет ничего общего, кроме разговора о погоде, скучно не иметь в жизни человеческого интереса, скучно растратить свою жизнь на мелочи, на пустяки, на вздор; но прочесть книгу, в которой изложены наши обязанности в отношении к обществу, не должно быть и не может быть скучно для благородного человека» (11, 2, 144–145). Комментарий Некрасова таков: «Вот голос, какого мы давно не слыхали в наших рецензиях и фельетонах и который желали бы слышать в них как можно чаще!» (11, 2, 145). Рецензент продолжает: «Даже защищая идеальные стороны человеческой природы против так называемых фактов, против фактического воспитания, стремящегося к подавлению их, Диккенс счел нужным привести положительную, материальную причину, почему сохранение нежных стремлений сердца необходимо для человечества <...> Словом, во всем и везде — практичность, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это в своем роде прекрасно и дельно, но есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, к неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремлении, которым проникнут названный нами роман французской писательницы!» (11, 2, 147–148). Об этом же Некрасов говорит в обзоре «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»: «Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных и сомнительных явлениях. Во что бы ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала, — идеала добра, света и истины» (11, 2, 178).

Для того чтобы увидеть и понять нового молодого и идеалистического читателя, Некрасову, очевидно, не нужно было ходить далеко. В книге «Некрасов» (1905) А. Н. Пыпин так пишет о решении Некрасова предпочесть Чернышевского и Добролюбова прежним сотрудникам «Современника»: «Но то, что было чуждо или нелюбопытно старым друзьям, было Некрасову

вполне понятно, — и нетрудно было человеку, несколько восприимчивому к общественным вопросам, понять, в годы кризиса Крымской войны, общественное возбуждение; понять, что оно должно было быть тем сильнее в поколении молодых, всегда наклонных к идеализму и еще не успевших зачерстветь в рутине себялюбия и самодовольстве. Некрасов сумел понять идеалистическое настроение, представителями которого были два новых сотрудника журнала»⁷. В Чернышевском Некрасов действительно выделяет именно молодость, делающую его ближе и понятнее новому читателю. В письме Толстому от 22 июля 1856 года Некрасов возражает писателю на его не дошедшие до нас нелестные замечания в адрес Чернышевского: «Особенно мне досадно, что Вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтоб все люди созданы на нашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным. Не надо также забывать, что он очень молод, моложе всех нас, кроме Вас разве» (14, 2, 24). Чернышевский и Добролюбов для Некрасова воплотили молодость и идеализм, проявившиеся в том числе в их любви к его поэзии без «направления»⁸. Отсюда упорное игнорирование в некрасовских стихах, посвященных его радикальным сотрудникам, всего их «разумного эгоизма»⁹. Разглядеть же в них идеализм, точнее, именно идеализм вывести в них на первый план позволило Некрасову его специфическое поэтико-экономическое чутье, ориентация на читателя, умение видеть, так сказать, сущность его запроса. Однако здесь нельзя говорить только и просто о холодном расчете со стороны поэта. Для Некрасова молодая радикально настроенная аудитория оказалась близкой именно потому, что оправдание идеализма для него означало оправдание поэзии как таковой, давало ей право на существование.

⁷ Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 122.

⁸ Ср. знаменитые признания Чернышевского в письме 5 ноября 1856 года: «На меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею.

Когда из мрака заблужденья...

Давно — отвергнутый тобою...

Я посетил твоё кладбище...

Ах ты, страсть роковая, бесплодная...

И т. п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция» (Переписка Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 306).

⁹ Например, в «Памяти Добролюбова» (1864) или «Пророке» (1874).

Такая аудитория снижала требования к одаренности поэта, узнаваемости и оригинальности его таланта. В статье «Заметки о журналах за февраль 1856 года» есть размышления такого рода: «Нет сомнения, когда явится это желанное солнце, этот будущий великий русский поэт, подобный тем, которые делают эпохи в литературе и истории развития своего народа, — нет сомнения, тогда многое из производимого теперь потускнеет или представится в другом свете; но от того не умалятся заслуги теперешних русских писателей, — тех писателей, которые твердо держали светоч Знания, Истины и Добра среди сумерек, не освещенных лучезарным сиянием гения... Итак, читатель, не требуя от русской литературы того, чего она дать не может, оцените в ней два неоспоримые ее качества: *Даровитость*, часто блестящую, и *Честность* стремлений, изумительную, если о ней пристально подумать — и полюбите ее...» (11, 2, 235). Честность же стремлений подтверждается присущим поэзии бескорыстием: «Много доброго, много прекрасного сделает русская литература, много уже сделавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль в развитии нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цели, чуждой материального результата...» (11, 2, 234).

Новый читатель создал запрос на поэзию, позволивший преодолеть многим поэтам страх перед изданием поэтических сборников, как утверждает в рецензии Некрасова 1855 года на «Антоня Иваныча Пошехнина», «Череп Святослава», «Святки»: «Авторы, ободренные возникшей модой на стихи, может быть, столько же, как и уверенностию в своих дарованиях, сделались опять довольно смелы, и мы чаще и чаще видим появление отдельных книжек стихотворений с неизвестными, начинающими именами» (11, 2, 115).

Однако эта новая аудитория не просто готова заинтересоваться поэзией. Ее идеализм — это идеализм определенного типа, подразумевающий не только бескорыстие, но и готовность к подвигу, к самоотвержению. И от поэзии она требует дидактики, воспевания такого подвига¹⁰. Есть ли в поэзии самого Некрасова то, что требует новая публика, молодой читатель, то есть идеализм, высокие поучения? Очевидно, что этого практически нет. Даже

¹⁰ Ср., например, любовь Добролюбова к одному из самых дидактических некрасовских стихотворений «Песня Еремущке», выраженную им в письме И. И. Бордюгову 20 сентября 1859 года: «Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.; Л., 1964. С. 385).

в последние годы жизни Некрасов будет характеризовать свою раннюю поэзию, как отрицающую, скептическую. Так он утверждает в автобиографическом фрагменте 1872 года «Я родился в 1822 году»: «Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 44 года стихотворение “Родина”, написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (13, 2, 48). Еще в конце 40-х годов Некрасов в духе позднего Белинского выражал презрение к «идеальным» юношам в рецензии на три поэтически книжки «Москва, поэма в лицах и действии, в 5-ти частях, Н. В. Сушкова», «Слава о вещем Олеге, соч. Д. Минаева» и «Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий» (1847): «Еще не очень давно в русском государстве, богатом всякими дивами, на каждом шагу попадались юноши, которых в наше время зовут вообще романтиками, — идеальные юноши» (11, 2, 8). Далее вполне в духе Тихона Тростникова он иронизирует над высокими идеалами. Достаточно вспомнить требование дельности и гуманизма, но без «идеальничанья», выдвигавшееся Белинским и принятое Некрасовым-издателем и Некрасовым-поэтом, чтобы понять, насколько некрасовская лирика не соответствовала такому читательскому запросу¹¹.

Не менее сложно было и с человеческой индивидуальностью, судьбой самого поэта. И к ней тоже предъявлялись новой публикой требования уже не просто оригинальности, но жертвенности, настоящего героизма¹². Для поэта такой запрос публики тоже оказался крайне внятным. Об озабоченности Некрасова этой проблемой говорит неожиданно возникшее у него желание писать автобиографию. В письме Тургеневу 30 июня–1 июля 1855 года (через короткое время после передачи прав на издание сборника К. Т. Солдатенкову) он неожиданно заявляет: «Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою биографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере.

¹¹ Стихотворений, которые могли бы быть охарактеризованы как «идеалистические» в этом смысле, в сборнике 56 года крайне мало. Можно таковыми назвать, пожалуй, только «Блажен незлобивый поэт...» (1852), «Когда из мрака заблужденья...» (1845) и, естественно, «Поэт и гражданин» (1856).

¹² Это время совпало с возвращением с каторги и ссылки героев и мучеников — декабристов, петрашевцев. См. об этом: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 177–178.

— Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво? Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно...» (14, 1, 204). Этот замысел не был осуществлен, но само возникновение его во время подготовки к печати собственной книги стихов очень показательно. Для Некрасова выступление со сборником неизбежно должно было быть связано с утверждением значительности собственной биографии и личности. Однако автобиография не понадобилась. Эти проблемы поэт сумел разрешить, не прибегая к опубликованию фактов личной жизни.

Замысел издать сборник возникает, вероятно, в начале 1855 года¹³. В частности, какие-то предварительные разговоры о нем отразились в письме Тургенева Некрасову 29 апреля 1855 года: «Комната твоя здесь тебе готова, и, если бы ты вздумал приехать сюда, пока охота еще не началась, очень бы ты меня обрадовал <...> Ты бы здесь приготовил собрание твоих стихотворений к печати, которое непременно надо издать зимой».¹⁴ Оформился проект несколько позже, в конце мая 1855 года, в то время, когда Некрасов жил на даче В. П. Боткина¹⁵. Именно общение с этим критиком, судя по всему, укрепило Некрасова в мысли издать сборник стихотворений и сняло его возможные сомнения в наличии у него качеств, необходимых для успеха у молодого идеалистического читателя. Дело, по нашему мнению, не столько в том, что Боткин поощрял Некрасова на это предприятие (а позднее выражал желание самому стать издателем книги¹⁶). Дело в том, что именно в это время критик занимается переводом трактата Томаса Карлейля «О героях и героическом в истории» (1841) (несколько глав из этого труда в боткинском переводе было напечатано в конце 1855 года, в № 10 «Современника» и в № 1, 2 в 1856 году). При степени близости, существовавшей в это время между поэтом и критиком¹⁷, невозможно предположить, что так или иначе эта работа не обсуждалась ими. Именно знакомство

¹³ Известная фактическая сторона подготовки и реализации этого проекта изложена подробно в: Подольская И. И. Первая книга // Н.А. Некрасов. Стихотворения. М., 1988. С. 337–352.

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 23.

¹⁵ Договор Некрасова с Солдатенковым на его издание был заключен 11 июня 1855 года.

¹⁶ Эта история подробно прослеживается в работе Подольской Н. И.

(в пересказе Боткина) с трактатом Карлейля позволило Некрасову решить стоящие перед ним проблемы.

На воздействие Карлейля на Некрасова указывалось в научной литературе, прежде всего, Ю. В. Лебедевым, в частности, писавшим: «На этой же почве (вере в царя-освободителя. — М. М.) в сущности, выросал в поэзии Некрасова культ героической личности... Некрасов высоко ценил, например, переведенную на русский язык В. П. Боткиным работу английского философа Т. Карлейля “Герои и героическое в истории” <...> очевидно, Некрасову в какой-то мере импонировала “новая религия” Карлейля, основанная на культе героев»¹⁸. Однако сказанного, конечно, крайне мало, поскольку влияние Карлейля на Некрасова представляется существенно более значительным и глубоким. О большой заинтересованности Некрасова работой Боткина и высокой оценке переводимой им книги свидетельствует положительный отзыв на нее, данный Некрасовым в «Современнике» в статье «Заметки о журналах за октябрь 1855 года». В книге Карлейля он видит «...прозу, приближающуюся к поэзии более, чем множество стихотворных произведений. Сила и глубина мысли при лирической стремительности, картинности выражения — вот достоинства Карлейля в подлиннике; они перешли и в перевод» (11, 2, 203). Здесь важно, конечно, что Некрасов увидел в Карлейле поэта, но не в том смысле, что английский мыслитель оказал формальное влияние на его стихи. Скорее, дело в том, что Некрасов отнесся к его труду как к труду собрата по поэтическому цеху, а не философа. Что должно было привлечь внимание русского поэта к работе английского мыслителя?

Прежде всего, Карлейль провозглашает решающую роль в истории яркой, сильной личности: «Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть»¹⁹. Важно для Некрасова то, что Карлейль включает в ряды героев и писателей²⁰. Писатель тоже может быть героем, если, конечно, он делает то, к чему его призывает профессиональный долг. Глав-

¹⁷ Эта близость проявилась в том числе в совместной работе над обзорами текущих журналов в «Современнике» в 1855–1856 годах.

¹⁸ Лебедев Ю. В. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов // Лебедев Ю. В. В середине века. М. 1988. С. 156.

¹⁹ Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.

ная задача писателя, равняющая его с героем, совершающим мужественные поступки, по определению Карлейля, следующая: «Писатель-герой высказывает, как умеет, свою вдохновенную душу, что может вообще делать всякий человек, при каких угодно обстоятельствах. Я говорю вдохновенную, ибо то, что мы называем “оригинальностью”, гением, одним словом, дарованием героя, для которого мы не имеем надлежащего названия, означает именно вдохновенность»²¹. Эта «оригинальность», как свойство одновременно гениального и героического, была вполне созвучна собственным некрасовским мыслям, о которых говорилось выше.

Писатель-герой, специфическая фигура, появляется, по мнению Карлейля, в XVIII веке, веке скептицизма: «Скептицизм означает не только умственное сомнение, но и нравственное; он означает всякого рода неверие, неискренность духовный паралич»²². Этот мир утрачивает веру в истину и искренность. Способность быть искренним в ту эпоху, когда в нее никто не верит и никто на нее не способен, порождают этого нового героя — писателя, в терминологии английского мыслителя. Среди таких новых героев шотландский поэт Роберт Бернс: «Еще раз среди этих второстепенных фигурантов XVIII века, гаеров в большинстве случаев, появляется исполинский оригинальный человек, один из тех, кто проникает в вечные глубины, кто занимает место в ряду героических людей»²³.

Именно книгой Карлейля, как кажется, спровоцирован неожиданный интерес Некрасова к поэзии Бернса, возникший в 1855 году. Он пишет Тургеневу (30 июня — 1 июля 1855 года): «И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) — я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз» (14, 1, 204–205). Затем в письме Дружинину (6 августа 1855 года) снова появляется имя британского поэта: «Тургенев,

²⁰ Глава о писателе как герое переведена и опубликована не была, однако представляется крайне вероятным знакомство Некрасова и с этой главой трактата Карлейля из разговоров с Боткиным.

²¹ *Карлейль Т.* Теперь и прежде. С. 127.

²² Там же. С. 138.

²³ Там же. С. 153.

спасибо ему, взялся мне переводить из Бернса» (14, 1, 210). Эта вспышка интереса к Бернсу (быстро, кстати, исчезнувшего и не приведшего ни к каким результатам) остается необъясненной в некрасоведении. Ю. Д. Левин связывает интерес к Бернсу с проявленным Некрасовым в письме И. С. Тургеневу 30 июня–1 июля 1855 года общим интересом к зарубежной поэзии: «У Некрасова возникла мысль самому перевести стихи двух английских поэтов — Бернса и Крабба. Нет сомнения, что его привлекла демократическая направленность творчества обоих поэтов, их ярко выраженный реализм»²⁴. Реализм, вероятно, можно было найти у разных поэтов. На самом деле, Некрасову, очевидно, импонировал и, видимо, переносился отчасти на себя образ Бернса, созданный Карлейлем, образ поэта-героя, который «переносил изо дня в день массу тяжелых страданий, вел борьбу, как незримый герой...»²⁵ И суть героизма Бернса также могла переноситься Некрасовым на свою собственную поэзию: «Отличительную особенность Бернса как великого человека, повторяем еще раз, составляет его искренность, искренность как в поэзии, так и в жизни. В песне, которую он поет, нет фантастических вымыслов; она касается всеми осязаемых, реальных предметов; главное достоинство этой песни, как и всех его произведений, как и его жизни вообще — истина. Жизнь Бернса мы можем охарактеризовать как воплощение великой трагической искренности»²⁶.

Искренность как своего рода героизм поэта, вероятно, выдвигалась на первый план и переводчиком Карлейля. В письме И. С. Тургеневу (июль 1855 года), в котором он рассказывает в том числе и о совместной с Некрасовым жизни на даче, Боткин пишет: «Ты словно кокетничаешь с своим талантом и боишься быть самим собой. От этого в произведениях твоих — так мало чувствуется личности автора. Подумай: ведь ты не высказал и сотой доли того, что проходит в душе твоей! И неистощимое богатство твоей натуры — увы! — услаждает только одних близких к тебе. Не бойся раскрыть свою душу и стать перед читателем лицом к лицу. Брось все теоретические личности, которыми ты любишь прикрывать себя: следуй движениям своего сердца без робости и осмотрительности. *Wage Du zu irren und zu Traumen!*»²⁷ Существенно позднее, но очень последовательно, Боткин хвалит тургеневского «Фауста» именно за искренность (в письме Тургеневу от

²⁴ Левин Ю. Д. Некрасов и английский поэт Крабб // Некрасовский сборник. II. М.; Л., 1956. С. 475.

²⁵ Карлейль Т. Теперь и прежде. С. 153.

²⁶ Там же. С. 156.

10 ноября 1856 года): «Весь успех (повести «Фауст». — М. М.) на стороне природы твоей, на симпатичности рассказа, на общем созерцании, на поэзии чувства, на искренности <...> Вот тебе лучшее доказательство, какое великое дело искренность в искусстве. Люди охотно простят все недостатки и ошибки за возбужденную в них симпатию»²⁸. В конце этого письма Боткин высоко оценивает недавно вышедшую статью А. Григорьева: «Ап. Григорьев напечатал в 3 книжке “Русской беседы” длиннейшую статью “об искренности в искусстве”, которую поймут едва ли 10 человек, а в ней есть много дельного и хорошего. А много и пустого»²⁹.

Карлейль позволяет представить стихи, построенные на отрицании, как специфическое проявление идеализма и одновременно приравнивает создание и публикацию таких стихов в эпоху отсутствия идеалов, цинизма и презрения к истине к героическому гражданскому поступку. Поступком, по Карлейлю, является сама поэзия, становящаяся настоящей героической биографией поэта. И это обуславливает, на наш взгляд, решение Некрасова заменить настоящую автобиографию ее поэтическим эквивалентом, поэтическим манифестом. Вместо автобиографии он пишет стихотворение «Поэт и гражданин» и им предваряет сборник³⁰. Это стихотворение в полном смысле слова является введением в сборник. Оно описывает буквально все современные требования к поэту, представляет все связанные с из-

²⁷ Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 355.

²⁸ Там же. С. 370.

²⁹ Там же. С. 372. Стоит обратить внимание на перспективность вопроса о воздействии книги Карлейля на Ап. Григорьева. Эта искренность, о которой он много говорит, выглядит как заимствованная именно у английского философа. Вероятно, Григорьев воспринял Карлейля как бы «через Шеллинга». В одной из последних статей («Парадоксы органической критики»(1864)) Григорьев называет его «светозарным отражением лучей Шеллингова гения на английской почве» (*Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 162*).

³⁰ Замысел стихотворения и первые его наброски появляются у Некрасова как раз в мае 1855 года, во время пребывания в гостях у Боткина. Однако письмо Тургеневу, в котором Некрасов говорит о желании создать автобиографию, написано в самом конце июня того же года. Очевидно, эти два замысла существовали вместе, и поэт некоторое время колебался в выборе между двумя способами ввести свою личность в сборник.

данием сборника проблемы и их разрешает.

В «Поэте и гражданине» есть и размышление о невысокой степени поэтического таланта, компенсируемой благородностью задачи, которую ставил перед собой поэт:

...Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах! (2, 7)

Есть и запрос на «идеалистическую» литературу, предъявляемый Гражданином, как это ни странно, оказывающимся любителем поэзии:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи (2, 9).

Представлено и отрицание корысти, стяжательства, ложной мудрости:

Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:

Их назначенье — разговоры (2, 8).

Есть и требование «идеализма» в жизни, бескорыстия, гражданственности и жертвенности:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь... (2, 9)

Однако и Поэт (такой, каким он был раньше, пока его не покинула Муза) здесь фактически приравнивается к гражданину. Его героическим поступком была сама его поэзия, которая не поучала, но отрицала, показывала язвы. Особенно характерны следующие строчки:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил (2, 11).

Здесь в духе некрасовской предметности³¹ метафоры «шел» и «входил» приобретают почти буквальное значение: поэт как будто не «переносился воображением», не «изображал», а прямо шел в тюрьму, в больницу и на эшафот. Поэзия становится подвигом, подобным подвигу гражданина. И, совершенно как у карлейлевского Бернса, суть героизма поэта, превращавшая его стихи в поступки, вызывавшие ненависть врагов, заключалась в его искренности:

³¹ Об этом см.: *Чуковский К. И.* Кнутом иссеченная муза // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990; *Макеев М. С.* Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998.

Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой... (2, 11–12)

Стихотворение «Поэт и гражданин», открывавшее сборник как своего рода замена биографии автора, таким образом, переопределяло входящие в него стихотворения в духе карлейлевского героизма. Оно же и позволяло саму публикацию сборника, содержащего такие стихи, представить как сильный поступок, своего рода героизм, чреватый не коммерческим успехом, а опасными последствиями. Эта аура вокруг книги поддерживалась Некрасовым сознательно. Стоит, например, обратить внимание на демонстративно выражаемое поэтом недоверие к слухам о невероятном коммерческом успехе сборника в письме И. С. Тургеневу 25 ноября 1856 года из Рима: «Говорят, вышли мои стихи, и мне пишут, будто 500 экз<емпляров>, присланные в Петербург с первым транспортом, разошлись в два дня — это похоже на пуф» (14, 2, 39). Подобное сомнение звучит в письме тому же адресату 6 декабря 1856 года из Рима. Здесь Некрасов выражает свои чувства по поводу доходящих до него известий в таком духе: «О книге моей пишут чудеса, — голова могла бы закружиться» (14, 2, 41). Скорее издание сборника представляется им как что-то решительное и даже опасное, как дерзкий поступок, совершенный вопреки пошлому здравому смыслу и экономическому расчету. Отсюда тоже несколько преувеличенные опасения едва ли не ареста по возвращении в Россию, высказанные Некрасовым в письме И. С. Тургеневу 6 декабря: «Панаев неисправим, я это знал. Гроза могла миновать “Современник”, будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю “Современник” и себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить «Поэта и гражд<анина>» в “Современнике”? Так нет! надо было похрабриться» (14, 2, 41).

Именно это стоит за словом «мальчишество», гордо употребленным по отношению к самому себе Некрасовым в письме Толстому, ставшем предметом для нашего комментария. Мальчишество Некрасова уподобляло «литературных друзей», «мудрецам» из «Поэта и гражданина». Его же самого оно сближало с другой категорией читателей, для которой это определение должно было звучать как похвала. Говоря об издании сборника как о мальчи-

шестве, Некрасов тем самым подчеркивает то новое качество, которое стремится теперь обрести его поэзия — быть молодой, понятной и близкой молодым. И эта молодость действительно была увидена и пришлась по душе этим новым читателям. В письме Некрасову от 5 ноября 1856 года Н. Г. Чернышевский затрагивает и эту тему, говоря о Некрасове как о человеке: «Все-таки очень мало юношей, которые сохранили бы такое чистое сердце, какое сохранилось у Вас, человека, испытавшего все излишества»³². С точки зрения Чернышевского, Некрасов еще молод, в некотором смысле, он поэт начинающий. Это утверждает критик в письме Некрасову от 24 сентября 1856 года: «Теперь о степени таланта. По моему мнению, Вы сделаете как гораздо больше, нежели до сих пор — Ваши силы еще только развиваются. Вы — как поэт — человек еще молодой. Что выйдет из Вас со временем, я не могу сказать, хотя имею основания предполагать разные приятные вещи»³³. И то же в письме от 5 ноября 1856 года: «Вы несомненно будете крепок и здоров, если сами будете хотеть того. Пожалуйста, постарайтесь укрепить свое здоровье, — оно нужно не для Вас одних. Вы теперь лучшая — можно сказать, единственная прекрасная — надежда нашей литературы»³⁴. Здесь, во всех этих признаниях, о которых Некрасов удивленно-презрительно написал Тургеневу в письме от 25 ноября 1856 года: «Что это, однако ж, за господин? Он очень умен, но пишет ко мне такие письма, из которых видно, что либо он сам глуп, либо почитает меня величайшим глупцом. Хотел бы я тебе показать, что он написал по поводу выхода моей книги» (14, 2, 40), его, судя по всему, должно было привлечь именно размышление о его собственной молодости, о своем будущем как поэта. Молодой читатель поверил в поэтическую и человеческую оригинальность и самобытность Некрасова. Заключительная часть анализируемого нами фрагмента письма Толстому, действительно, выглядит как цитата из письма Чернышевского Некрасову 24 сентября 1856 года: «Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки, вроде чернокнижия или Фета, а в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа»³⁵.

Однако неправильно было бы закончить главу на такой патетической ноте. Издание «Стихотворений Н. Некрасова» опрометчивым и бескорыст-

³² Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 308.

³³ Там же. С. 299–300.

³⁴ Там же. С. 308–309.

³⁵ Там же. С. 298.

ным поступком, конечно, не было. Само решение предварить сборник декларациями в духе Карлейля вызвано, скорее всего, и тем, какой прием встретили боткинские переводы у читающей публики. Этот прием показал, что коммерческий успех героизму, опрометчивости и искренности, скорее всего, был обеспечен. В письме Боткину 24 ноября 1855 года Некрасов пишет: «Тургенев тоже что-то говорил — эта вещь (имеется в виду боткинский перевод Карлейля. — *М. М.*) точно шумит, и это показывает, что русскую публику еще можно расшевелить. Главное — статья много говорит молодому, не успевшему съежиться сердцу, а молодежь — мастерица трубить. С неё все начинается!» (14, 1, 235)

Глава 7

Безденежье и долг перед народом. Сатира «Балет» и концепция «Современника» в годы перед закрытием

1

Последние годы существования «Современника» (1864–1866) исследователями обычно характеризуются как период расцвета сатирического творчества Некрасова. Так пишет, например, В. Е. Евгеньев-Максимов: «Вторая половина 1860-х годов ознаменовалась необычайным расцветом сатирической поэзии Некрасова. Неудивительно, что современники часто воспринимали Некрасова как сатирика»¹. Преобладание сатиры в творчестве поэта в это время, на наш взгляд, обусловлено новыми экономическими условиями, в которых находился тогда «Современник». В настоящей главе мы намерены продемонстрировать эту обусловленность на примере одного из наиболее значительных произведений этого периода — сатиры «Балет». Стихотворение было впервые опубликовано в № 2 «Современника» за 1866 год и написано, вероятнее всего, тогда же.

Эта сатира, по замыслу Некрасова, должна была входить в так и не завершённый цикл «номерных сатир», то есть была частью более широкого замысла (2, 422–424). Однако она, безусловно, заслуживает внимания как самостоятельное законченное произведение. На первый взгляд, в «Балете» мы встречаемся с вполне традиционным для высокой обличительной поэзии противопоставлением мира богатых и мира бедняков, дающим возможность обличить пороки первых и укорить их в пренебрежении милосердием, жадности, разврате (такую антитезу можно встретить, например, в «Размышлениях у парадного подъезда»). Так, современный исследователь пишет: «Изменение заглавия (первоначальный «Театр» на конечный «Балет». — М. М.) объясняется также стремлением подчеркнуть ведущую содержательную антитезу: балет как символ праздного времяпрепровождения, роскоши, фальши, паразитической жизни социальных верхов и горестная трудовая жизнь угнетенного крестьянства»². Эту же антитезу выделяет в «Балете» и К. И. Чу-

¹ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 3. М., 1952.

² *Федотов О. И.* Некоторые замечания к жанрово-композиционной структуре сатиры Н. А. Некрасова «Балет» // Вопросы художественной структуры произведений русской классики. Сборник научных трудов. Владимир, 1983. С. 85. В этой статье представлен анализ сатиры «Балет», прежде всего, с точки зрения метрической структуры.

ковский³. Однако очевидно, что таким простым противопоставлением богатства верхов и бедности низов содержание и композиция сатиры полностью не определяются. Балетная публика (кроме одной категории — жен банкиров-инородцев) тоже описывается как обнищавшая, запутавшаяся в долгах и думающая только о том, где бы раздобыть денег, и в этом парадоксальным образом оказывается чем-то схожей с народом.

Антитеза оказывается неполной, что заставляет предположить, что какой-то иной принцип соединяет (или разделяет) в одном тексте увеселение высшего общества и символизирующий тяготы крестьянской жизни рекрутский набор. Как кажется, понимание этого принципа позволит уточнить, почему именно балет выбран в качестве места такого столкновения разных миров. Сам этот принцип воплощен в образе некрасовской Музы, во время балетного представления задумывающейся о несчастье народа. Таким образом, понять логику, определяющую композицию «Балета», означает понять эту сатиру как поэтическую декларацию, авторефлексивный текст, подобный стихотворениям «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848) или «Муза» (1852).

По нашему мнению, принцип, лежащий в основе композиции сатиры, имеет своим истоком экономические теории и представления, пропагандированные в «Современнике» в это время и разделявшиеся самим Некрасовым. Эти же взгляды определяли концепцию «Современника» в последние годы его издания, после смерти Добролюбова и ухода в небытие каторги Чернышевского. Таким образом, «Балет» предстает не просто как сатира на высшее общество, но и как декларация Некрасова-поэта и Некрасова-издателя, а Муза — его главная героиня — покровительница не только высокой поэзии, но и высокой коммерции.

2

Центральная часть описания балетной публики в некрасовской сатире отсылает нас к экономической проблематике безденежья, разорения и долгов. Конец 50-х и начало 60-х годов XIX века в России отмечены серьезным финансовым кризисом. Кризис был связан с инфляцией, приведшей к упадку кредита, отсутствию доверия к долгосрочным вложениям, торговле в рассрочку и любым отложенным покупкам⁴. Кризис привел к банкрот-

³ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1962. С. 622.

⁴ Общую характеристику состояния финансов России в первой половине 60-х годов XIX века можно увидеть в классической работе: Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. Глава 24. «Финансы и народное хозяйство. 1855–1881». С. 547–595.

ству многих акционерных обществ, породил недоверие ко всяким ценным бумагам вообще, в том числе векселям и акциям. Так, кокоревский «миллиард в тумане»⁵, когда-то вызвавший одобрение самого Герцена, теперь становится понятием нарицательным для жульничества и прожектерства. Сам Кокорев, во второй половине 50-х годов бывший символом коммерческого успеха, в это время практически разоряется⁶. Кризис породил огромный дефицит государственного бюджета, побудивший власти искать выход в очередной денежной финансовой реформе. В 1862 году назначенный министром финансов М. Х. Рейтерн провел размен кредитных билетов на звонкую монету, но это привело лишь к значительным убыткам для казны⁷. Проблема с кредитом была столь значительной, что правительство наконец преодолело свое недоброжелательное отношение к частным кредитным учреждениям и в 1864 году был создан первый частный коммерческий банк, который, правда, тут же попросил у казны миллионы беспроцентной ссуды, до такой степени дело это казалось рискованным в России⁸.

Некрасов, всегда чуткий к экономическим тенденциям, также ощущает ненадежность ценных бумаг. Уже в начале 60-х годов он начинает избавляться от акций казавшихся прибыльными предприятий, что видно из сохранившихся писем Ипполиту Панаеву, заведовавшему конторой «Современника» и, очевидно, до некоторой степени выполнявшему обязанности распорядителя личных финансов издателя и поэта. Так, в письме 20 августа 1861 года Некрасов просит И. А. Панаева: «Насчет акций «Кавказ» и «Меркурий» поступи, как хочешь, я их *не считал своими*, а то бы давно продал, мое мнение было такое, как тебе известно. Бланк подписанный посылаю один. Зачем все 13-ть? — Ты на нем выставь 13 акций с № *такого-то до такого-то*, как это сделал я, принимая акции, и довольно» (14, 2, 161). Несколько позднее (не позже 12 сентября 1861 года) Некрасов обращается к нему же с аналогичной

⁵ Статья В. А. Кокорева «Миллиард в тумане» была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» 8 и 9 января 1859 года.

⁶ Об этом см., например: Баикина А. И., Додонова Л. А. Аристократы капитала: Очерки истории российского предпринимательства и благотворительности X–XX вв. Тюмень, 1994. С. 108–109.

⁷ Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

⁸ Об этом см.: Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России; Памфилов С. Ф. Акционерные коммерческие банки в России в прошлом и настоящем. Нижний Новгород, 1924.

просьбой: «У тебя есть мои акции Общ<ества> «Кавк<аз> и Мерк<урий>», взамен которых пришли мне сегодня две тысячи, а акции возьми или себе, или за “Современник”, или продай. Как хочешь» (14, 2, 163). О финансовом кризисе много писала пресса, откликались на него «Современник» и «Свисток» (подробный обзор публикаций на эту тему представлен в статье А. Я. Максимовича «Некрасов — участник „Свистка“»⁹).

Естественно, этот кризис имеет прямое отношение к судьбе журналов вообще и «Современника», в частности. О связи «Современника» как коммерческого предприятия с развитием кредита и состоянием государственных финансов достаточно подробно говорилось в 5-й главе нашей работы. Там же мы показали, как стремление найти альтернативу вексельному и ростовщическому типам кредита привело Некрасова к созданию оригинальной концепции литературного журнала. В первой половине 60-х годов журнал уже не мог вестись на прежних принципах. К этому времени произошел разрыв Некрасова с прежними обеспеченными сотрудниками и друзьями, способными дать в долг. Из «Современника» уходят многие писатели с известными («капитализированными», по нашей терминологии) именами, заменяясь новыми, бедными сотрудниками, подобными Н. Успенскому, Решетникову, Левитову. Все они не были ни помещиками, ни чиновниками, и потому были прямо и кровно заинтересованы в гонорах как единственном средстве пропитания¹⁰.

Продолжая оставаться зависимым от кредитов, Некрасов, очевидно, вынужден ограничиться кредитами, основанными на векселях¹¹. Став к этому времени достаточно богатым человеком, Некрасов имеет возможность покрывать долги и расходы по журналу из личных средств¹². Но в письмах этого и более позднего времени Некрасов часто жалуется на то, что его средства состоят из вексельных бумаг, очень малую часть состояния его составляют твердые деньги. Отсутствие у издателя наличных денег привело к хорошо известной драме с самоубийством И. А. Пиотровского¹³. Отказ дать ему

⁹ Литературное наследство. Т. 49–50. Н. А. Некрасов. I. М., 1946. С. 316.

¹⁰ Об этом подробнее будет говориться в главе 8 настоящей работы.

¹¹ Во всяком случае, о каких-либо дружеских заимствованиях, подобных тем, что поддерживали журнал в 40–50-е годы, никаких сведений не сохранилось.

¹² О многочисленных примерах такого поведения Некрасова см., например, мемуары И. А. Панаева. — Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 191–204.

¹³ Об этом см.: *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 296. Существенно более путаный и менее фактически достоверный рассказ о гибели Пиотровского представлен в мемуарах Панаевой (*Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 259–261).

денег взаймы Некрасов мотивирует таким образом: «Вас, как и многих, ввели в заблуждение слухи о моих выигрышах. Да, я выиграл очень много — *вексельной бумаги*, а наличных денег у меня нет — какие и были, я по слабодушию роздал» (И. А. Пиотровскому 16–17 марта 1862 года) (14, 2, 172). Отсутствие наличных, твердых денег и трудность самому вернуть и получить заем побуждают Некрасова однажды даже отказаться от очень ценного и выигрышного для журнала материала — очередной пьесы Островского. В письме, обращенном к драматургу (после 21 сентября — до 1 ноября 1865 года), Некрасов пишет: «В кассе “Современника” нет ни гроша, я этого и ожидал, но я надеялся занять денег или получить что-нибудь из следующих мне; к этому не оказалось возможности, ибо все без денег. Итак:

Или ждите денег до января, или возьмите Вашу пьесу назад.

В том и в другом случае не сердитесь. Это прямое объяснение, по-моему, лучше проволочек, какими Вас угощали другие»¹⁴ (15, 1, 31).

И позднее Некрасов настаивает на том, что наличные деньги — большая редкость в его персональном капитале, состоящем почти полностью в векселях, бумагах, по которым получение твердых денег давно уже проблематично. Например, в письме В. С. Курочкину (11 октября 1869) можно прочесть такие финансовые признания: «Многие литераторы составили себе довольно неверное понятие о моих богатствах, а я прямо скажу Вам, что никогда не имел много *наличных* денег, а теперь уже почти совсем их не имею. Дождаясь получения по некоторым документам, сам теперь перебиваюсь. Получение по бумагам моим вообще с каждым годом оказывается ненадежнее.

Таким образом, знайте, что если б я и желал принять участие в материальной стороне Вашего дела, то не мог бы по безденежью» (15, 1, 115–116).

Письмо Ю. Г. Жуковскому, написанное во второй половине 1866 года, уже после закрытия «Современника», показывает, что в некотором смысле вексельные обязательства, а не наличные твердые деньги, стали основой финансовых отношений внутри редакции: «*Вы знаете*, что мои личные средства в векселях, по которым получение медленно и не всегда верно, но при этом я имел до 70 тысяч ежегодно в руках оборотного капитала и потому мог распоряжаться довольно широко. Как я

¹⁴ Тем не менее, упоминаемая пьеса («На бойком месте») была в «Современнике» напечатана в 1865 году в № 9.

распожражался, это видно из книг “Современника” и расписок на каждый выданный рубль — эти документы меня оправдают, если б кто мог меня заподозрить в своекорыстии, в этом отношении я спокоен. Не предвидя уже прилива наличных денег, которые могли бы меня выручить в случае замедления получения по вексялям, я, естественно, должен стараться выигрывать время в выдаче *наличных* денег, и вот из чего вышло, что я побоялся обещать Вам эти деньги на днях и сказал: в декабре. <...> В самом деле, в декабре у меня будет только 15 тысяч, и я не знаю еще, во сколько обойдется мне ликвидация “Современника”» (15, 1, 53).

Сам Некрасов-издатель в этой системе отношений выступает в роли должника и в роли кредитора одновременно. Документы показывают, что долги Некрасова и Некрасову к середине 60-х годов, все увеличиваясь, достигают очень значительных размеров. В. Е. Евгенийев-Максимов приводит следующие цифры задолженности по «Современнику»: «К 1 января 1864 г. долги сотрудников журналу достигли в своей совокупности нескольких десятков тысяч рублей. Из них наибольшие суммы приходились на долю Н. Г. Чернышевского (13 302 р. 78 коп.), Добролюбова (5329 р. 25 коп.), Н. Успенского (2313 р. 55 коп.), Н.Г. Помяловского (1991р. 17коп.), Колбасина (644 р. 32 коп.), Григоровича (616 р. 50 коп.), Бекетова (601 р.), Слепцова (522 р. 22 коп.), Дрианского (450 р.), Пыпина (417 р. 8 коп.) и т. д. Так как часть писателей не имела возможности вернуть журналу деньги по обстоятельствам, от них не зависящим от них (ссылка, смерть), то в 1864 г. Некрасов распорядился списать долги с этих лиц. По счету Чернышевского было, таким образом, списано 14 354 р. 53 коп. (долг самого Николая Гавриловича 13 302 р. 78 коп. + 1051 р. 75 коп., забранные с января по июнь его женой, Ольгой Сократовной); по счету Добролюбова 6169 р. 25 коп. (долг Николая Александровича по январь 1864 г. 5329 р. 25 коп. + 840 р., выданные в течение 1864 г. учителю Юрьеву на воспитание братьев Добролюбова) и т. д. В этом же году было списано в убыток по счету умершего соредатора и соиздателя Некрасова Ив. Ив. Панаева 19361 р. 36 коп. (долг Ив. Ив. 17 388 р. 68 коп. + 1972 р. 68 коп. вспоможения, выданного его матери Марии Акимовне Панаевой); по счету его вдовы Авдотьи Яковлевны — 5280 р. Неудивительно при таких условиях, что баланс 1864 г. пришлось свести с дефицитом в 19 643 р. 37 коп.

Уменьшение числа подписчиков на 1310 (в 1864 г. их было свыше 5000, а в 1865 году осталось около 4000) при тех же расходах и продолжавшем-

ся, хотя и не в таком масштабе, как в 1864 г., списывании в убыток долгов сотрудников, помешало “Современнику” улучшить свое материальное положение в следующем году: баланс 1865 г. был сведен уже с дефицитом в 23 307 р. 43 коп.»¹⁵.

С нашей точки зрения, необходимо рассматривать не раз встречающиеся утверждения Некрасова, подобные тому, что он делает в письме М. П. Щербинину¹⁶, написанном в середине декабря 1865 года, как совершенно искренние, в значительной степени отражающие подлинный ход дела:

...Ликвидировать дело, длившееся 20 лет, — внезапно, в один месяц, при тех затратах, которые сделаны мною на следующий год, и при некоторых других обстоятельствах, о которых по краткости сей записки считаю неудобным говорить, слишком убыточно и тяжело.

На ликвидации мне необходим следующий год, который во всяком случае будет последним годом существования «Современника» под мою редакцию.

Итак, цель издания «Современника» в следующем году — единственно хозяйственная. Уже самая эта цель обязывает меня действовать со всевозможной осторожностью <...> Между тем, при всей моей готовности подчиняться требованиям правительства, продолжение журнала без предварительной цензуры сопряжено для меня с риском, угрожающим ухудшить мое положение, ибо я не владелец «Современника», а только арендатор его, обязанный в случае запрещения журнала заплатить владельцу его 8500 р.<ублей> с<еребром>.

В этих обстоятельствах прибегаю к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою дать мне некоторую гарантию, что изложенный мною план ликвидации журнала может быть доведен мною до конца... (15, 1, 34).

Некрасов утверждает, что продолжает «Современник» для того, чтобы не понести слишком большие убытки. Он издает его только из-за уже собранной подписки, из-за необходимости расплатиться с существующими долгами и не сделать новых. И это, конечно, не просто маневр, направленный на сохранение журнала, но свидетельство новой «модальности», в которой теперь существует «Современник». Другие свидетельства подтверждают серьезную готовность Некрасова расстаться с журналом из-за непо-

¹⁵ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов-журналист // Литературное наследство. Т. 49–50. Н. А. Некрасов. I. С. 116–117.

¹⁶ Тогдашнему начальнику Главного управления по делам печати.

сильных финансовых и политических условий¹⁷. Так, например, М. Антонович писал в своих воспоминаниях: «В один прекрасный день Некрасов объявил нам, что он больше не нуждается в наших услугах и содействии и должен расстаться с нами, что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь и без нас, а затем бросит его»¹⁸. В. Архипов опубликовал фрагменты из донесения агента 3-го отделения 18 ноября 1865 г., подтверждающие искренность веры Некрасова в то, что он действительно скоро не в силах будет издавать журнал: «Носятся слухи, будто бы г. Некрасов намерен отказаться от редакторства “Современника”. Но это не пугает сотрудников его, и они с гордостью утверждают, что более не нуждаются ни в средствах, которыми располагает г. Некрасов, ни в моральной его поддержке, ни в заступничестве его в известных сферах»¹⁹.

Важнейшим осложняющим обстоятельством, усугублявшим положение «Современника», была арендная плата (фактически рента), которую должен был выплачивать Некрасов Плетневу²⁰. Приведем большой фрагмент из мучительного для поэта письма Плетневу, написанного 19 декабря 1865 года, в котором он вынужденно просит последнего снизить арендную плату за журнал:

В нашем контракте есть пункт: если журнал будет запрещен вследствие явного нарушения нами постановлений цензуры, то мы платим Вам 30 т<ысяч> р<ублей> асс<игнациями>. Так как обстоятельства изменились, то я прошу Вас этот пункт уничтожить. Теперь, собственно, у нас цензуры нет, но запретить журнал могут всякий раз, как это вздумается министру внутренних дел.

¹⁷ Наличие у Некрасова уверенности в том, что журнал не имеет будущего, вот-вот закроется по цензурным или финансовым соображениям, не противоречат и его известные попытки отстоять, спасти журнал. Хотя, конечно, несколько теряет смысл печально знаменитая «муравьевская ода»: даже в случае почти невероятной снисходительности Муравьева «Современник» все равно не протянул бы более года или двух лет.

¹⁸ Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 206–207.

¹⁹ Архипов В. Поэзия труда и борьбы. М., 1973. С. 368.

²⁰ Подробнее об отношениях с Плетневым и после его смерти с его вдовой, А. В. Плетневой, к которой перешли права на «Современник», см. в кн.: Мельгунов Б. В. К истории некрасовского «Современника» (1865–1867) // Русская литература. 1984. № 3.

Я, собственно, полагаю, что в случае подобного намерения г. министра запретят не журнал, ибо он не моя собственность, а Ваша, а запретят *мне* издание и редакцию его; но все-таки не желаю находиться под сомнением, имея в перспективе, в случае дурного оборота дела, потерю еще 30 тысяч ассигнациями>. Поэтому прошу Вас об отмене этого пункта, к настоящему положению дел не идущего; если ж Вы на это не будете согласны, то прошу Вас назначить лиц для третейского суда по этому делу с своей стороны и списаться с ними, ибо этот суд, назначенный в нашем контракте в случае споров и недоразумений между нами, есть единственное средство уяснить дело и установить его на дальнейшее время.

Еще прошу Вас, Петр Александрович, оставить на дальнейшее время ту же ренту с «Современника», какую вы получали в последние годы, т. е. две тысячи, а не три в год; ибо с тех пор положение журнала не улучшилось, а ухудшилось; он имеет только 4000 подписчиков, расходы увеличились по взносу залога, на штрафы, риск издания сопряжен теперь с опасностью для личности редактора (15, 1, 35–36).

Крайне тяжелое положение журнала, постоянный риск его прекращения из-за финансовой несостоятельности издателей ставили под сомнение его кредитоспособность, способность предоставить читателям заранее оплаченный товар или вернуть потраченные деньги. Можно сказать, что это превращало журнал в подобие векселя, рискованной ценной бумаги, которому в условиях финансового кризиса, общего безденежья и защиты должников, а не кредиторов, покровительственной, протекционистской политике князя Суворова²¹ (о чем упоминается в сатире «Балет») трудно доверять. И «Современник» действительно, как видно в том числе и из письма Плетневу, цитированного выше, катастрофически теряет доверие публики, что отражается в падении подписки (оно вызвано, конечно, не только материальным кризисом, но и сыплющимися на журнал предупреждениями²²). Таким образом, Некрасов как предприниматель, издатель «Современника» находился в том же положении, что и значительная часть общества, в том числе та, что изборожена в сатире «Балет», — в почти неоплатном долгу перед публикой.

Однако именно отсутствие твердых, наличных денег и огромный долг заставляют Некрасова удерживать журнал на грани закрытия, стимулируют

²¹ О либерализме князя А. А. Суворова см.: *Князь В. П. Мещерский*. Воспоминания. М., 2003. С. 296–301.

²² *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 3. М., 1952. С. 271–307.

продолжение его издания в тяжелой ситуации безденежья. Такая драматическая финансовая ситуация становится основой новой концепции журнала, определяющей и отношения с авторами, и отношения с читателем, и декларируемую эстетику, и принципы отбора печатаемого материала (другими словами, «направление» журнала). Если прежние отношения дружеского взаимного кредита находили свою «идеализацию» на основе трудов Прудона, то новые, «вексельные», отношения, отношения практически неоплаченных долгов, с одной стороны, и невозвратимых — с другой, «идеализируются» на основе классической политэкономии, которую после устранения Чернышевского начинает популяризировать в «Современнике» Ю. Г. Жуковский (незаслуженно забытый или очень последовательно недооцениваемый «шестидесятник»). Именно его идеи оказали огромное влияние на Некрасова²³ и дали издателю «Современника» возможность еще раз трансформировать экономические условия издания, в которых издавался журнал, в его «направление». Эти же идеи, с нашей точки зрения, определяют и композицию, и содержание сатиры «Балет».

Исследователями уже обращалось внимание на связь некрасовского произведения со статьями Ю. Жуковского о финансовом кризисе²⁴. Однако, на наш взгляд, на содержание и композицию «Балета» больше повлияла другая работа популярного экономиста, а именно статья «Вопрос молодого поколения», которая печаталась в тех же номерах «Современника», в которых опубликованы «Песни о свободном слове» и «Балет» Некрасова: №№ 2 и 3 за 1866 год. В этой статье вопрос об экономическом кризисе ставится в связь с проблемой расточительства, присущего дворянству («барству») как сословию: «К чести или не к чести этого общества, я должен, однако сказать, что оно никогда не понимало настоящей причины, в силу которой оно училось гордиться этой властью над чужим трудом и возможностью расточительности. Оно не понимало, что, поддерживая в нем эту гордость, думали поддержать в нем вовсе не расточительность, а возбудить дух при-

²³ К сожалению, в связи с тем, что репутация Жуковского пострадала в результате конфликта с Некрасовым, а также из-за его последующей успешной карьеры финансиста, его взаимоотношения с Некрасовым и роль в «Современнике» 60-х годов практически не изучались.

²⁴ Комментаторы 2-го тома Полного собрания сочинений Некрасова в качестве одного из источников, использованных в «Балете», называют следующую статью: *Жуковский Ю. Г.* Где искать настоящего средства для поправления наших финансов? // Современник. 1866. № 1. отд. II.

обретения, который составлял действительный залог аристократизма, как сословной силы. Оно понимало свое барство грубо и материально, иначе оно не издерживалось бы и не проматывалось, между тем как теперь всю политическую силу оно полагало в мотовстве»²⁵. Жуковский видит в самой расточительности, в самой способности тратить деньги бессмысленно на бесполезную роскошь, зло, воспитанное барством. В этом духе он постоянно нападает на дворян как на класс, сословие, для которого именно такое поведение органично благодаря самому его воспитанию. Финансовый кризис и упадок кредита в России, по мнению Жуковского, обусловлен именно тем, что поощряется расточительный класс людей, не имеющих понятия о стоимости долга, об экономии.

Готовность брать без отдачи в долг как свойство именно дворянского сословия высмеивалась еще Чернышевским, важнейшим для Жуковского и Некрасова авторитетом. Чернышевский в воспоминаниях о Некрасове, намекая очень язвительно, как кажется, на тургеневские привычки, выражает презрение к отношениям «дружеских долгов»: «Но если предположить, что публика была права, находя в “Отцах и детях” не только намерение чернить Добролюбова косвенными намеками, но и дать его портрет в лице Базарова, то я должен сказать, что сходства нет никакого, хотя б и карикатурного. У Рудина есть хоть то общее с Бакуниным, что оба они ораторы и оба, занимая у приятеля деньги, забывают отдавать»²⁶. Интересно, что писатели враждебного некрасовскому лагеря обычно приписывали такую забывчивость именно разночинцам, мыслящим радикально в духе позднего «Современника» и некрасовских «Отечественных записок». Так, Гончаров в «Обрыве» (1869) наделяет Марка Волохова среди свойств, характеризующих его как нигилиста, и способностью брать деньги взаймы «без отдачи». Эта способность становится для Гончарова как бы внешним выражением отрицания права собственности. Показателен крайне резкий ответ Гончарову, данный Салтыковым-Щедриним в его знаменитой рецензии «Уличная философия» (1869), опровергающей в том числе и это обвинение: «Вот нам, например, ничего неизвестно о доктрине займа у приятеля без отдачи, а г. Гончаров, по-видимому, нечто знает о существовании ее. Очевидно, однако, что это не просто доктрина безвозвратных займов, а какая-нибудь особенная, и что безвозвратный заем денег есть только грубая и пошлая форма, к которой всякий встречный шалопай имеет возможность

²⁵ Современник. 1866, № 3. отд. II. С. 4.

²⁶ Некрасов в воспоминаниях современников. С. 160.

прибегнуть для прикрытия своего бездельничества <...> Помилуйте, скажет любой читатель, что же в ней особенного, в этой доктрине! Да у меня не дальше, как вчера, такой-то, Иван Иванович, занял побольше тех трехсот рублей, которые занял у Райского Волохов, и хоть я, и без его предупреждения, знаю, что он никогда мне их не отдаст, но у меня и в помышлении никогда не было и не будет называть, вследствие этого, Ивана Ивановича ни новатором, ни даже опасным человеком»²⁷.

Экономический вопрос оказывается в статье «Вопрос молодого поколения» тесно связан с моральным. Невозможно, утверждает Жуковский, развивать кредит в стране, где само понятие долга не воспитано в правящем сословии, запросам которого и подчиняется направление экономического роста. Таким образом, мы видим здесь переопределение отношений между должником и кредитором. Если в прудоновской теории кредита моральное превосходство кредитора над должником снималось, в некрасовской трактовке это понималось даже как то, что всегда прав должник (в «Нравственном человеке»²⁸), то в теории, развиваемой Жуковским и Чернышевским, моральное превосходство отдается кредитору, тому, у кого берут в долг. Можно сформулировать это в самом общем виде так: если в случае «дружеского займа» не прав всегда кредитор, тот, кто требует возвращения долга даже в случае заведомой несостоятельности должника, то теперь всегда не прав должник, не отдающий долга.

Почему это так? Потому что дело здесь не в нарушении дворянского понятия «долга чести» — денежного долга. За этим воспитываемым всей барской жизнью легкомысленным отношением к долгу в модной лавке («Сокрушаются Никольс и Плинке, / Без почину товар их лежит») лежит пренебрежение долгом существенно более важным. Дело в том, что склонность разоряться, погрязая в долгах, не является, если можно так выразиться, «внутренним делом» дворянского сословия. Удовлетворяя свои прихоти, высшие классы неизбежно обедняют, фактически обворовывают народ, трудовое крестьянство. Жуковский утверждает: «Народный труд продолжает направляться не на те предметы, которых требую народные нужды, а на те, пользование которыми допускают средства предпринимателя, — капиталы скопляются не в народе, а в руках лиц, работающих батраками. Народ остается по-прежнему беден

²⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 9. М., 1970. С. 73–74.

²⁸ См. об этом в главе 5 настоящей работы.

и нецивилизован, а составляются отдельные состояния, которые тратятся и употребляются тем же порядком, как и в крепостных условиях. Как бы ни были значительны эти отдельные капиталы, но они никогда не сравниваются с теми, которые образуются в том случае, когда состояния разливаются в массу. Часть единичных капиталов уходит всегда на роскошь, тратится убыточно и ежегодно вычитается из народного богатства. Промышленность устраивается в расчете на потребителей роскоши и потому направляется всегда ложно и устраивается не для всех, а для исключительных состояний»²⁹. То есть речь идет не просто о том, что народ платит за роскошь барства. Пристрастие дворянства к роскоши тормозит развитие народной экономики, создает перекося в экономике страны, развивая только те части производства и торговли, которые обеспечивают бессмысленные потребности небольшой и непродуктивной, безответственной группы людей, сосредоточивающей в своих руках основные капиталы. Из-за разорения эти капиталы уходят за границу (в форме оплаты заграничных предметов роскоши), не возвращаются и не обогащают государство и народ.

Таким образом, те должники, которые разоряются и бегают от кредиторов, прибегают к защите либерального генерал-губернатора Суворова, на самом деле имеют другой долг, подлинный долг перед народом³⁰. Эти два долга не противопоставляются: само барство и способность легкомысленно тратить деньги, по Жуковскому, являются продолжением и внешним выражением этого пренебрежения к настоящему Долгу, попросту говоря, это симптомы пренебрежения долгом вообще. Нужно поэтому не просто перераспределить капиталы, расплыть их среди массы, но и привести к господству те сословия, которые понимают Долг высоко. Финансовый кризис и разорение дворянства не сопоставляются с разорением крестьянства и не уравнивают дворян с народом. Скорее наоборот, расточительность дворян, приведшая их к разорению, есть и причина нищеты и разорения крестьянства.

На фоне предосудительного легкомыслия дворянства сама готовность принять простой финансовый долг перед типографией, почтой и, главное, подписчиком, проявляемая Некрасовым (и, конечно, естественная для человека, в общем, не собиравшегося порывать с литературой и литературной

²⁹ Современник. 1866, № 3. Отд. II. С. 8–9.

³⁰ О статье «Записки современника», где Жуковский прямо вводит это понятие, пойдет подробный разговор в следующей главе.

коммерцией и в случае ликвидации «Современника»), становится выражением фундаментального чувства долга, моральным императивом. Издание журнала в ситуации неоплатного долга и только ради исполнения долга перед кредиторами становится возможно осмыслить как внешнее выражение сознания высокого Долга перед народом. В том же письме Плетневу, говоря о скором закрытии им журнала, Некрасов так объясняет, почему он не сделал этого раньше:

Петр Александрович! Прошу Вас принять во внимание следующие обстоятельства. Панаев умер, оставив долгу на своей половине «Современника» до 17 т<ысяч> р<ублей> сер<ебром>. Два наши сотрудника — один смертью, другой ссылкой лишены были возможности возместить своею работою значительную сумму, которую редакция выдала им вперед; для погашения этих-то долгов издавал я «Современник» в последние годы <...> Чтоб выдавать Вам полную ренту, я должен сжимать этих бедных людей, долг тоже почти не убывает. Неужели вы будете меня теснить и мои вышеизложенные просьбы, вполне законные и умеренные, не получат ответа утвердительного? Уже более двенадцати лет книги «Современника» ведутся на строго коммерческом основании <...> я ничем лично тут не пользуюсь, а, напротив, теряю мое время и труд. Моя цель — избавить «Современник» от долга и поддержать, покуда возможно, бедных сирот, завещанных «Современнику» людьми, бывшими ему полезными. Не становитесь мне поперек дороги в этой цели. Это будет дело, недостойное Вас. Было время, «Современник» давал нам средства жить и давал Вам доход, который в сложности за пятнадцать лет составляет сумму, превосходящую 50 т<ысяч> р<ублей> сер<ебром>. — Теперь, по крайней мере при моем участии, дело это долго идти не будет. Чтоб покрыть долг, мне нужно два или три года, и тогда я оставлю это дело, т. е. передам «Современник» Вам или кому Вы назначите. Теперь же, повторяю, не тесните меня или не вынуждайте к крайним мерам (15, 1, 36–37).

Тяжесть долга только делает чувство обязанности более сильным. Главное возражение дворянства (во всяком случае, в понимании Некрасова) на требования, предъявленные ему публицистом «Современника», заключалось в том, что этот долг перед народом неоплатен и даже в некотором смысле фантастичен. Так, публика в «Песнях о свободном слове» жалуется на грандиозность суммы, которую потребовал заплатить народу Жуковский в статье «Записки современника»:

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось! (2, 220)

Для радикального публициста или поэта неоплатность, даже фантастичность долга не отменяет, а скорее усиливает необходимость признания себя должником. Так редакция «Современника» становится как бы постоянным должником, принимает на себя долг, осмысляя его как долг священный. В этом и основа направления «Современника», и принцип построения отношений в журнале. Отсюда и принципиальная скрупулезность в денежных расчетах между издателем и сотрудниками журнала³¹.

³¹ Образцом для такой скрупулезности, своего рода идеалом для них был, безусловно, Добролюбов, которого Некрасову приходилось уговаривать брать деньги заранее, в счет будущего труда. См., например, письмо Некрасова Добролюбову от 3 апреля 1861 года, где, кстати, поэт сравнивает добролюбовское отношение к долгам и свое собственное: «Что Вы так тревожитесь насчет денежных дел? В Ваши лета я был в долгу, как в шелку, — и не унывал. Что ж Вы-то? Была бы сила, а деньги у Вас будут. Временные же Ваши затруднения я с удовольствием беру на себя, да едва ли это будет и нужно. Во всяком случае я рассчитываю навалить на Вас работу по редакции и рад Вас закупить заблаговременно» (14, 2, 154).

Такая «идеализированная» экономика лежит в основе композиции (или, как хочется выразиться словом Ю. М. Лотмана, «идейной структуры») сатиры «Балет». Финансовый кризис, предстающий в размышлениях героев сатиры, — это не некий фатум, тяготеющий над ними, но их собственное порождение, сама их неспособность понять его причину комична:

С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена! (2, 234)

Причина кризиса не во всех этих туманных и выглядящих роковыми и абстрактными понятиях, но в расточительности высшего общества, бессовестности и забвении (вместе с простыми финансовыми обязательствами) подлинного долга:

Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой! (2, 233)

Эти люди вместо возвращения долга думают только о том, чтобы занять еще денег:

Нас безденежье всех уравнило —
И великих и малых людей —

И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»
Что, не так ли?..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвце (2, 232–233).

Поэтому и патриотизм, который проявляют зрители, видящие на сцене «русский танец», — патриотизм ложный, и его ложность имеет тоже экономическую причину. В уже не раз цитированной статье «Вопрос молодого поколения» Жуковский выдвигает мысль о том, что сосредоточение крупных средств в одних руках немногочисленной группы разоряющихся бар плохо не только потому, что ведет к перекосам в промышленности. Такой процесс приводит и к отставанию в экономическом соревновании: «Единственный путь, путь, ведущий ее (страну. — *М. М.*) к материальному могуществу, есть развитие средних достатков в массе <...> О разливе богатств и образовании средних достатков в массе, о перенесении центра тяжести культуры в массу заставляет нас хлопотать наш собственный политический интерес — а вовсе не о барстве.

Защита интересов барства играет поэтому, как видите, весьма жалкую роль в вопросе патриотизма. И я не знаю большей политической бестактности, которую могло бы сделать правительство, его поощряя, и точно так же не знаю, как назвать патриотизм, хвастающий своей расточительностью.

Европа, видите ли, будет идти к тому, чтобы богатеть на счет образования средних достатков; она будет хлопотать о корпоративном труде, о рабочих обществах; мы будем все это называть еще социализмом и занимать европейский капитал на условиях того, чтобы отдавать их на поощрение владельческих хозяйств, дающих нуль процентов, и бескорыстный патриотизм будет нами руководить при этом»³².

Поэтому и само «народное чувство» становится в сатире предметом обличения как выражение того же забвения подлинных интересов и задач русской нации, России:

Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,

³² Современник. 1866. № 3. Отд. II. С. 10–12.

Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя (2, 239).

Народ же появляется в сатире как тот подлинный кредитор, Долгом перед которым господа, сидящие в театре, пренебрегают, в том числе и потому, что пренебрегают долгами в модных лавках. Это те «мужики, / За которых на сцене столичной / Петипа пожинает венки» (2, 239). Ясно, что Петипа в этом фрагменте пожинает венки и за то, что представляет мужика, изображает его на сцене, и одновременно *вместо* мужика: получает деньги, которые должны бы получать мужики.

Финансовые условия, общая экономическая ситуация соединяют мужика и представителя высшего общества как кредитора и должника или как грабителя и ограбленного, расточителя и создателя национальных капиталов. Однако эту связь показать господам трудно, поскольку высшие классы отделены от народа, от мужиков своего рода стеной, тем более непроницаемой, что она включает в себя как бы ложные подобия мужика, такие, какие удобны для созерцания правящими классами, подобия, создаваемые артистами балета. Балет как тип зрелища становится поводом для эстетической декларации. Именно балет, поклонником и завсегдатаем которого был Некрасов (в воспоминаниях Н. К. Михайловского, в частности, есть такое утверждение: «В балет меня однажды Некрасов затащил-таки <...> Балет привлекал его теми же тремя сторонами: это красиво, это надо знать, это почва для сближения с нужными людьми»³³), использован в этих целях, на наш взгляд, под влиянием М. Е. Салтыкова-Щедрина, который, сотрудничая в «Современнике», не раз выступал с критическими высказываниями об этом виде искусства³⁴. Например, в статье «Петербургские театры» (1863),

³³ Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 290. Об интересе Некрасова к балету см. также: Вазем Е. О. Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. 1867–1884. Л.; М., 1937. С. 194.

³⁴ Тема «Некрасов и Салтыков-Щедрин» на удивление мало изучена. Из наиболее пространственных работ см.: Горячкина М. С. Сатира Щедрина и русская демократическая литература 60–80-х годов XIX века. М., 1977 (Глава третья. Щедрин и Некрасов. С. 109–156). Относительно подробно прослеживается история взаимоотношений писателей в статье: Прийма Ф. Я. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин // Некрасовский сборник. VII. Л., 1980. Также см.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. М., 1984. С. 9–32, 146–158, 334–358.

опубликованной в «Современнике», балет выступает не просто как символ нереалистического искусства, отклоняющегося от правды, но и как образец наглости: «Один балет благополучно избежал этого общего переворота (к правде. — М. М.)... Можно сказать утвердительно, что европейский балет находится в состоянии еще более младенческом, нежели, например, поэзия гг. Майкова, Фета и проч. В произведениях этих, доселе еще привилегированных русских поэтов все-таки заключается некоторое стремление выйти на реальную почву, некоторые попытки пройтись хоть по части “благоденствующего” русского мужичка, некоторый стыд, наконец... а в балете даже и стыда нет. И до сих пор он с непостижимым нахальством выступает вперед с своими “духами долин», с своими “наядами”, “метеорами” и прочею нечистою силой. Все это до такой степени противно и нестерпимо...»³⁵ Эта мысль далее развивается: «Замечательно, что зала театра всегда полна, замечательно, что ни один из присутствующих не отвернется с омерзением от всей этой галиматши...»

Стало быть, эта галиматши нужна, стало быть, она как раз в меру нашего роста. Конечно, мне могут сказать, что в деле привлечения зрителя к подобным зрелищам не последнюю роль играет поднимание ног, обнажение плеч и прочие более или менее возбуждающие балетные ингредиенты»³⁶.

Эстетическая специфика балета указывает на его политическую функцию, заключающуюся в том, чтобы отвлекать внимание от подлинно важных общественных вопросов. В уже цитированной статье «Петербургские театры» об этом говорится прозрачными намеками: «Знаю, что балет, как и спиритизм, как и философские упражнения г. Юркевича, как и бездонное словоизвержение “Московских ведомостей”, есть в некотором роде “средство”. Знаю я это, милостивые государи, знаю! Но если уже необходимо, в видах отвлечения, устремлять человеческое внимание на поднимание ног, то нельзя ли устроить это последнее по поводу несколько менее бессмысленному, ближе подходящему к нашим существенным интересам?»³⁷

Поэтому у Салтыкова-Щедрина балет становится нарицательным понятием, а «балетность» — синонимом не приукрашивания правды, а наглой лжи в политическом, а не эстетическом смысле, например в цикле «Наша общественная жизнь» (декабрь 1863): «И. С. (И. С. Аксаков. — М. М.) говорит, что в этом рассказе на него произвело неприятное впечатление

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 5. С. 201.

³⁶ Там же. С. 203.

³⁷ Там же.

«выступление русской простонародности на театр официальности, участие русских «мужичков» в общем спектакле в роли русского «простосердечья», русского «прямодушия», русского «спасибо». Слова хорошие, но тем не менее едва ли справедливые, ибо заключают в себе намек на искажение истины там, где этого искажения совершенно не имеется. По-видимому, И. С. хочет дать понять, что кашинский летописец сочинил балет; однако я несколько раз сряду перечитал названную выше статью и не только не нашел в ней балета, но, напротив того, пришел к убеждению, что она писана в твердой памяти и нисколько не противоречит действительности. Ибо какое же имеем мы основание сомневаться в том, что русский «мужичок» может выйти в общем спектакле иначе как в роли русского «простосердечия», русского «прямодушия» и русского «спасибо»? <...> А если и есть тут нечто балетное, то это меня ничуть не смущает, но даже радует, потому что, думаю я: если жизнь действительная пришла в полное соответствие с балетом, то ведь это значит только, что человек счастлив, — что же тут огорчительного?»³⁸

С точки зрения Салтыкова-Щедрина, такая «балетность» присуща самому мышлению правящих классов, которые просто не умеют вообразить себе народ иначе как в виде балетных поселян. Поскольку же и сам балет — абсолютная нелепость, основанная на чистой физиологии (поэтому в его описаниях классический балет ничем не отличается от канкана), то легко сделать вывод, что нелепо, абсурдно и одновременно низменно-животно восприятие мира, которое серьезно или с увлечением относится к балету. Таким образом, сам балет уже стал вполне устойчивым символом, политическим и эстетическим одновременно.

Балет у Некрасова воплощает сокрытие от себя своих собственных долгов. Это символ ложного, фальшивого искусства, выполняющего ту же функцию, что фальшивые бриллианты или бриллианты, заимствованные на один вечер:

...На шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:

³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 201.

Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... (2, 235)

Общество, само от себя скрывающее свое разорение, свои долги с помощью заложенных бриллиантов, скрывает от себя с помощью фальшивого искусства настоящий долг. Любовь к фальшивому искусству становится признаком некредитоспособности. Тому, кто производит и созерцает фальшивое искусство, нельзя давать кредит, потому что у него нет чувства долга. Искусство правдивое и честное становится признаком того, что тому, кто его создает или ценит, можно доверять, потому что он готов увидеть и признать всякий реальный долг. Такое искусство воплощает Муза стихотворения «Балет», не соблазняющаяся возможностью скрыть от себя свой долг, но видящая сквозь нелепые декорации своего кредитора — страдающий трудовой народ.

Правда становится и этическим, и эстетическим принципом, последним «направлением» некрасовского журнала, выражением скрупулезной верности долгу. Правда, которую говорит «Современник», — это то, что должно обеспечить доверие к журналу, вопреки кризису, неверию в любые бумаги, векселя, в любое долгосрочное вложение денег. Кредит, предоставляемый «Современнику» верным читателем, обеспечивается готовностью журнала говорить и видеть только правду. Эта правдивость, честность является не пустым векселем, но аналогом твердых денег, верным залогом, который не может лишить цены никакой финансовый кризис.

Глава 8

Скандал с Антоновичем и Жуковским. Экономическая логика радикального публициста и некрасовская экономическая утопия

1

В этой главе в центре нашего внимания будет конфликт между Некрасовым и сотрудниками «Современника» Ю. Г. Жуковским, М. А. Антоновичем и А. Н. Пыпиным, которых Некрасов в 1868 году не пригласил к сотрудничеству в «Отечественных записках». В некрасоведении принято рассматривать произошедший из-за этого скандал, кульминацией которого стала печально известная брошюра Антоновича и Жуковского, в таком духе: «Из бывших сотрудников “Современника” в новой редакции не оказалось Ю. Г. Жуковского, М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Некрасову пришлось расстаться с ними, потому что они претендовали на такие права и такую власть в журнале, какими обладал сам Некрасов. Он не принял условий, выдвинутых Жуковским от имени всей группы.

Раздраженный Жуковский вместе с Антоновичем начал против Некрасова “словесную войну”. Они выпустили скандальную брошюру, нечто вроде памфлета, под заглавием “Материалы для характеристики современной русской литературы”, в которой весьма грубо пытались скомпрометировать Некрасова в общественном мнении, сводили с ним мелкие счета, намекали на мнимое вероломство по отношению к недавним сотрудникам...»¹ Эта точка зрения, конечно, упрощенная по причине жанра работы, в которой она высказана, отражает устойчивое представление о сути произошедшего скандала². Это представление нам кажется неверным, потому что игнорирует аргументы бывших сотрудников «Современника». Мы намерены показать в этой главе, что если в поведении Антоновича и Жуковского и отразились «личные счета» с Некрасовым, то они не отменяли и принципиального характера их позиции. Поднятый двумя публицистами скандал является отражением объективных процессов в литературной экономике 60-х годов, возникавших в ней противоречий, центром которых неизбежно в силу своего положения издателя крупных журналов оказался Некрасов. Мы намерены

¹ Жданов В. В. Некрасов. М., 1971. С. 426.

² Едва ли не единственный мемуарист, стоящий на стороне Жуковского и Антоновича в их конфликте с Некрасовым, — Е. И. Жуковская. См.: Жуковская Е. И. Записки. М., 2001.

реконструировать подлинную позицию скандалистов, заявленную и наиболее четко аргументированную в брошюре «Материалы для характеристики современной русской литературы» (1869).

2

Уже в середине 50-х годов основанные на дружеском кредите (см. главу 5) внутриредакционные отношения в «Современнике» начинают распадаться. Новые сотрудники (разночинцы, люди радикальных взглядов) приносят новые экономические отношения, становящиеся менее дружескими, более формальными. Показательны воспоминания Чернышевского: «С очень недавних пор без прямого моего вопроса Некрасов почти никогда не говорил ни о чем из своей личной жизни. При начале знакомства со мной он хотел иметь меня обыкновенным приятелем-собеседником, какими бывают у каждого его хорошие знакомые, и рассказывал мне о том интересном лично для него, что случилось ему припомнить по ходу разговора; деловой разговор прекращался, заменяясь обыкновенным приятельским. Но скоро Некрасов бросил это; не умею сказать, почему именно»³. Деловой и приятельский разговоры не смешивались, как видим, так же строго различались отношения приятельские и деловые. Это, естественно, совсем не значит, что основанного на доверии кредита, ссуживания денег новым сотрудникам не было (его было меньше в отношениях с Чернышевским и Добролюбовым, людьми, преданными журналу и очень плодовитыми, но едва ли меньше в отношениях с писателями из среды шестидесятников-разночинцев, может быть, даже больше — если не по размерам выдаваемых сумм, то уж точно по количеству выданных авансов⁴). Но эти отношения по-другому осмыслялись и идеологически оформлялись («идеализировались»). Прежняя модальность дружеских займов, принятая в «Современнике» старого состава, вызвала насмешку у новых людей⁵. В целом для новых сотрудников характерно иное отношение к деньгам и иная (существенно более высокая) степень зависимости от литературного труда и издателей и редакторов журналов по сравнению с прежними сотрудниками. Постепенно в журнале начинают складываться предпосылки для

³ Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 149.

⁴ О таких заимствованиях, в которых проявлялась щедрость и широта души Некрасова, много говорится в воспоминаниях И. А. Панаева. См.: Некрасов в воспоминаниях современников. С. 196–197.

⁵ Об этом см. главу 7 настоящей работы.

установления экономических отношений, подобных отношениям внутри капиталистического предприятия, при которых издатель может восприниматься уже не как друг и равный любому сотруднику, но как хозяин⁶ журнала, писатель же играет роль наемного рабочего.

Общеизвестно, что в 60-е годы XIX века начинается становление капитализма в России одновременно с рынком труда, и вместе с ними возникает и пролетариат⁷. Вопрос о пролетариате (не в марксистском еще строгом понимании этого слова) становился актуальным предметом обсуждения (например, в книге Берви-Флеровского⁸), и это понятие начинало постепенно переноситься и на фигуру писателя. Уже в самом начале 60-х годов мы видим факты самоорганизации литераторов, говорящие о становлении у них чувства групповой общности. В этом смысле показателен эпизод 1861 года (реакция литераторов на арест М. Михайлова), описанный в мемуарах Н. В. Шелгунова: «Чтобы представить его (прошение о смягчении участи М. Михайлова. — М. М.) министру, были выбраны депутатами граф Кушелев, Краевский и Громека. На второй или третий день депутация отправилась к министру и просила о себе доложить. Путятин, уже достаточно искушенный университетскими историями, попросил к себе в кабинет одного графа Кушелева. Когда Кушелев объяснил, что он не один, а что с ним и другие депутаты, явившиеся от сословия литераторов с просьбой принять участие в судьбе Михайлова, то Путятин ответил, что “сословия” литераторов в России нет, но просьбу принял⁹. О развитии своего рода профессиональной и квазисословной солидарности свидетельствует и возникновение «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», учрежденного в 1859 году в Петербурге по инициативе А. В. Дружинина¹⁰. Сама необходимость такого фонда, конечно, свидетельствует об увеличении количества писате-

⁶ В данном случае мы не имеем в виду сложный вопрос о том, кто был реальным «собственником» «Современника», Некрасов или Плетнев. Речь идет именно об отношениях между Некрасовым и сотрудниками журнала, им издаваемого.

⁷ См., например: Дружинин Н. Д. Социально-экономическая история России. М., 1987; История экономического развития России. М., 2000; Гусейнов Р. История экономики России. М., 1999.

⁸ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.

⁹ Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 162.

¹⁰ Об этом подробнее в кн.: Бройде А. М. А. В. Дружинин. Жизнь и творчество. Copenhagen, 1986.

лей и о неспособности прежних институтов приятельского круга литераторов, круга единомышленников, оказывающих друг другу в том числе и финансовую помощь, служить улучшению условий их существования. Важно, что в работе по созданию фонда объединились писатели самых разных общественных взглядов (И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Никитенко, А. А. Краевский, С. С. Дудышкин, А. Д. Галахов, А. П. Заболоцкий-Десятовский, Е. П. Ковалевский). Соединение в Обществе и писателей, и издателей говорит о размытости понятия «литератор» и отсутствии еще у собственно писателей четкого осознания «классового» разделения внутри литературного рынка. Однако уже в середине 60-х годов процесс такого осознания шел, кажется, чрезвычайно быстро.

Большое количество размышлений о писателе как разновидности пролетария содержат воспоминания и письма Н. В. Шелгунова. Он, например, пишет жене из Петропавловской крепости 10 июля 1864 года: «С развитием книжного и журнального дела у нас стал являться литературный пролетариат. В Западной Европе это давно уже не новость; но у нас пока литературные рабочие печальная новинка, которой многие даже не подозревают. Положение этих людей, разумеется, хуже положения крестьян, потому что у тех есть земля, а у этих ничего, кроме дырявых сапогов и прорванного сюртука»¹¹. Одновременно типичный издатель журнала начинает осмысляться как капиталист, эксплуатирующий наемных рабочих. В чуть более позднем письме Л. П. Шелгуновой (21 октября 1865 года) Шелгунов цитирует письмо В. Зайцева, также называющего себя пролетарием и противопоставляющего себя капиталисту-хозяину — Г. Е. Благодетелю: «“Вы могли бы судить — продолжает он, — о важности этого обстоятельства, только зная о тех реформах в журнале, каких я и Соколов добиваемся от Григория Евлампиевича. К сожалению, как ни необходимы эти реформы, как ни важны они для интересов не только “Русского слова”, но и всей литературы, я потерял надежду склонить на них нашего почтенного издателя, который при всех своих достоинствах не одарен тою добродетелью, которою в такой степени отличаемся все мы, то есть быть пролетарием”». Что все это значит, я понять не могу, хотя знал хорошо, что Григорий Евлампиевич далеко не пролетарий, и никогда не верил в искренность его липких и сладких фраз»¹².

¹¹ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 151.

Между хозяином и работниками журнала возникают конфликты производственного типа, выплескивавшиеся на страницы журнала¹³. Позднее отношения Шелгунова к редактору стали объективнее, но образ Благосветлова-капиталиста, буржуа рисуется и в его позднейших воспоминаниях: «Благосветлов был именно хозяин-буржуа, а его грубость и запальчивость и деспотизм в отношениях к сотрудникам, к рабочим типографии, к фактору и метранпажу Королькову, который прожил у Благосветлова более пятнадцати лет и умер у него почти в типографии, — все это было не барством, а настоящею буржуазностью и нередко низкого сорта <...> И получился двойственный человек, честный политически и в то же время давивший экономически, — человек, признававший полное равенство в политических правах и не допускавший равенства между собою и теми, кому он платил жалованье и кто на него работал. Живя в роскоши, он не думал о чужой бедности и не обнаруживал к ней сочувствия. В этом отношении он был очень тверд. Он как будто находил даже удовлетворение в том, что его подручные были беднее его, точно это поднимало его над ними и денежная их зависимость от него возвышала его авторитет и льстила его чувству власти»¹⁴. В приведенных примерах (взятых из практики другого, отчасти союзнического, отчасти соперничавшего с «Современником» журнала) показательна не столько достоверность оценки конкретного человека (который, конечно, мог быть во многих отношениях непохожим на Некрасова¹⁵), но появление новой модели, по которой становится возможным осмыслять отношения между издателем и сотрудниками журнала.

Есть свидетельства, указывающие на то, что отношения Некрасова с его новыми сотрудниками осмыслялись последними схожим образом. Многие литераторы-разночинцы, печатавшиеся в «Современнике» в 60-е годы, осознают полную материальную зависимость от его издателя и остро пере-

¹² Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 191.

¹³ См. историю с публичным обвинением Благосветловым сотрудника «Русского слова» в невыполненных обязательствах.

¹⁴ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 288.

¹⁵ И Елисеев, и Скабичевский говорят в своих воспоминаниях о крайней несимпатичности Благосветлова в сравнении с Некрасовым (Некрасов в воспоминаниях современников. С. 224, 351).

живают чувство униженности своим положением. Так, горечь от оскорбленного самолюбия наполняет записи из дневника Ф. М. Решетникова. Приведем несколько характерных цитат:

Некрасов приехал барином и обошелся не очень ласково. Причина этому та, что вследствие статьи Салтыкова завязалась полемика с «Эпохой» и борьба с журналами, почему Некрасов даже сам взялся читать рукописи¹⁶.

Теперь я очень хорошо понял, что те, которые ратуют за свободу, — или богачи, или такие люди, которые пользуются особенным почетом тех, которые дают человечество. Настоящей свободы человеку нет: человек всегда будет подчиняться другому и будет находиться в зависимости от людей богатых. Бедному человеку с ничтожным званием нечего и думать о свободе <...>.

Из первой части романа я прочитал Некрасову половину и потом получил от него письмо, что ему слушать меня некогда. С этого времени прошло полтора месяца. Раз я прихожу в редакцию. Некрасов говорит:

— Я отдал переписывать первую часть.

— Николай Алексеевич, у меня денег нет, сами знаете.

— Я на свой счет. Приглашать мне вас, — у меня утром и вечером нет времени, а читать ваш почерк я не могу. Пыпин тоже отказывается.

А о том, что я просил его, не похлопочет ли он мне о частных занятиях, он не сказал ни слова.

Сегодня же сказал:

— Вы напрасно ходите в редакцию. Вы тогда узнаете решение своей участи, когда я весь роман до последней строчки прочитаю <...>.

Он думал, что я хожу к нему просить денег. Когда я ему сказал, что я бы с августа месяца мог прочитать весь роман и переписать его, он сказал, что ему слушать меня некогда, а ему нужно читать писарский почерк¹⁷.

Некрасов в отношении ко мне сделался все равно, что директор департамента к помощнику столоначальника¹⁸.

Вполне возможно, что эти жалобы, напоминающие какие-нибудь фраг-

¹⁶ Литературное наследство. Т. 3. М., 1932. С. 171. Вообще этот дневник изобилует красноречивыми высказываниями «литературного пролетария», живущего на гонорары.

¹⁷ Там же. С. 176–177.

¹⁸ Там же. С. 180.

менты из «Бедных людей» Достоевского, являются продуктом болезненной мнительности автора дневника, но в любом случае замечательно, что Решетников осмысляет писательский труд (в том числе свой собственный) именно в таких категориях. Он ощущает себя в положении зависимого человека. Редактор — хозяин, а он — рабочий, вынужденный дешево продавать свой труд. Есть, впрочем, и факты, говорящие, что отношения между писателем и издателем на самом деле были далеки от отношений равных. На это указывает, например, письмо Некрасова Решетникову от 16 февраля 1866 года, действительно, необычное по строгости и безапелляционности тона и предъявляемых требований (особенно хорошо это заметно при сравнении с отзывами и рекомендациями, дававшимися издателем Л. Толстому или Тургеневу): «Я прочел рукопись Вашу до конца 1-ой части. Все, что последовало за изнасилованием Елены, т. е. пространные разговоры об этом, хождение к исправнику, к управляющему, опять к исправнику, сечение дочери и т.п., — все это должно быть выключено. Обо всем этом можно написать страницу и перейти прямо к главе, где они пошли за грибами. Иначе печатать нельзя. Зайдите ко мне сегодня часов в 7-мь или завтра утром. Ваш Некрасов» (15, 1, 42–43).

Вся сфера журнальной литературной деятельности видится Решетникову основанной на эксплуатации и угнетении, постоянном обмане и обкрадывании издателями сотрудников. Позволим себе привести еще одну обширную цитату:

Я нахожу, что все наши редакторы, издатели и книгопродавцы — плуты...

Издателю журнала или газеты нужно только опереться; до тех пор, пока у него не накопится тысяч 5 барыша, он будет ханжить, что у него мало подписчиков, переманивать лучших литераторов, рассчитывать их понемногу... Возьмем Курочкина. Я не знаю, как у них идет дело — все ли три брата издают «Искру», или один который-нибудь из них, — только судя по справедливости, они, или хотя бы Вас. Курочкин — должен бы был рассчитывать сотрудников как следует. Однако выходит то же, что делал со мною Усов. Он говорит, что нет денег — и только. <...> То, что Курочкин мог бы рассчитываться с сотрудниками исправно, доказывается тем, что он живет на Невском, имеет хорошую квартиру... лакея и тому подобных людей, принимает только по воскресеньям с 12 часов, ездит в театры и т. п... В течение года Вас. Курочкин даже не запомнил моего имени и отчества... Знают, что я не учен и пришел за деньгами, и заключают так: «Он пишет из-за интереса и поэтому раб наш».

В «Будильнике» важности еще больше. Там даже Вейнберг стал считать сотрудников за подчиненных себе. Это значит, что он уже накопил 5 тысяч и думает открыть свой журнал¹⁹.

Характерно в этом рассуждении то, что Решетников приписывает именно любому литературному предпринимателю свойство быть надменным баринном и плутом. Если использовать немодную ныне терминологию, это говорит о «классовом сознании», а не просто о болезненном самолюбии и мнительности.

Писатели-разночинцы не только просят Некрасова о деньгах намного чаще дворян, но и делают это в существенно более униженных тонах. Так, Н. А. Благовещенский в письме от 1 января 1864 года запрашивает: «Если редакция Современника доверит мне еще 50 р. *в счет будущих благ*, я буду ей очень благодарен, ибо имею крайнюю нужду в деньгах. В таком случае я буду должен Вам всего 100 р. и не буду беспокоить редакцию своими просьбами до самой подачи статьи, то есть до 15 февраля»²⁰. (Напомним, что Благовещенский был также сотрудником и короткое время даже номинальным редактором в «Русском слове».) В подобном же тоне просит о деньгах и А. И. Левитов в письме от 22 сентября 1864 года: «Милостивый государь Николай Алексеевич, покорнейше прошу вспомочь в том плохом положении, в какое поставила меня почти трехмесячная болезнь нынешним летом — вышлите мне в Москву рублей полтора, или сто. Я, в свою очередь, к 10 ноября привезу лично Вам очерк, который почти погасит мой долг, а к декабрьской книжке у меня для “Современника” будет большая повесть из степных нравов»²¹. Письма Ф. М. Решетникова Некрасову тоже звучат униженно, в частности, в феврале 1866 года он пишет: «Я все сомневаюсь: неужели мой роман хуже “Подлиповцев”? Сомневаюсь потому, что вы мне сбавили плату. Я вам откровенно говорю, что все, что я ни писал, не выдумка, а взято из жизни. В “Горнорабочих” больше страданий, чем в “Подлиповцах”: это каторга, только в другом виде. Мне говорили, что Гл. Успенский получает больше 50 руб. из “Современника”, но это, впрочем, может быть, сплетни, потому что я ни с одним литератором не знаком и не желаю знакомиться за ихние сплетни. Я не желаю торговаться, а только говорю, что знакомые мои, интересуясь, сколько я получаю, говорят

¹⁹ Литературное наследство. Т. 3. С. 184.

²⁰ Литературное наследство. Т. 51–52. Н. А. Некрасов. II. М., 1949. С. 124.

²¹ Там же. С. 373–374.

мне, что я верно падаю. А это мне обидно. Впрочем, я, может быть, и ошибаюсь.

Если можно, то позвольте мне еще раз взять сто рублей. Как мне ни совестно перед вами, а я принужден опять просить и быть должным. Теперь я долго не буду беспокоить вас²². Все это показывает, что отношения неравенства, основанного на восприятии Некрасова его сотрудниками как капиталиста, хозяина, достаточно твердо установились в «Современнике» в последние годы перед его закрытием. Поэтому характеристика, даваемая М. А. Антоновичем в брошюре, которую мы будем подробно разбирать ниже, отношениям между Некрасовым и писателями-профессионалами, выглядит соответствующей реальности: «Трудящаяся и рабочая литературная братия относится к Вам подобострастно, льстиво <...> голод и нужда, — эти ужаснейшие тираны из всех, когда-либо существовавших на свете, — ежеминутно предъявляют свои грозные требования...»²³

Так воспринимаемые экономические отношения внутри журнала «Современник» (как и в целом в литературе), в отличие от отношений с прежними сотрудниками, неизбежно рассматриваются социалистически ориентированными публицистами как неправильные. Анализ этих отношений и способов их нормализации при этом уже не мог вестись в рамках мелкобуржуазной прудонистской анархической идеи взаимного беспроцентного кредита. Этот анализ неизбежно ведется в рамках парадигмы «труда и капитала», сторонником которой, в частности, заявил себя Чернышевский в таких работах, как «Капитал и труд»²⁴. Именно этот уже бывший к этому времени сотрудник «Современника» был наиболее ярким пропагандистом и популяризатором в России «политэкономии» в духе Смита, Риккардо и их последователей. Естественно, он следует за такими политэкономистами, которые были склонны делать из смитовских предпосылок наиболее близкие к радикально-революционным выводы²⁵. Упрощенно и коротко (и такого упрощения будет вполне достаточно для наших рассуждений) можно описать эту парадигму таким образом. Центральный вопрос здесь — о стоимости конечного продукта производства, из чего она

²² Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 82.

²³ Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869. С. 11.

²⁴ Современник. 1860. № 1.

²⁵ В статье «Капитал и труд» Чернышевский наиболее высоко ставит труды Дж. Стюарта Милля.

складывается, и кто по праву должен получать прибыль от продажи продукта. Два главных претендента — труд и капитал. Если мы признаем, что в основе стоимости товара — капитал, вложенный владельцем предприятия в средства производства, то и прибыль должна принадлежать ему, в то время как рабочий должен получать плату за свое рабочее время и потраченные силы, не имея права на участие в доходе предприятия. (Важным аргументом в пользу признания за капиталом права на все доходы всегда служило то, что владелец, получая прибыль, снова превращает ее в капитал, вкладывая в расширение производства и тем самым развивая его и в целом увеличивая капиталы, работающие в экономике. Говоря попросту, если капитал находится в одних или ограниченном количестве рук, его проще эффективно осваивать.) Если же следует труд считать создателем стоимости товара наряду с капиталом, то необходимо признать права рабочих на долю в прибыли предприятия и, соответственно, на часть капитала, создаваемого производством (конкретная доля дохода, конечно же, — предмет расчетов). Естественно, что Чернышевский выбирает второе решение, в пользу права труда, работника на участие в прибыли, на часть капитала: «Основною идеею учения о производстве мы находим полное совпадение идеи труда с правом собственности над продуктом труда; иначе сказать, полное соединение качеств собственника и работника в одном и том же лице»²⁶. Он отвергает аргументы в пользу сосредоточения капиталов. С одной стороны, действительно, имея маленький капитал, трудно создать серьезное производство или развивать уже существующее. Однако выходом будет кооперация, объединение мелких владельцев капиталов, являющихся одновременно работниками: «Почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися»²⁷. Это приведет не только к столь же эффективному развитию производства, но и к справедливому и равному распределению благ между людьми. Задача экономики, которой, по Чернышевскому, является обеспечение общего среднего уровня благополучия для всех работников и остальных членов общества, таким образом будет достигнута.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 7. М., 1950. С. 20.

²⁷ Там же. С. 52.

В рамках именно этой парадигмы были и экономические взгляды будущего скандалиста Ю. Г. Жуковского, излагавшиеся в «Современнике» первой половины 60-х годов. В своей наиболее нашумевшей статье «Записки современника» он поставил знаменитый вопрос о «долге народу», именно исходя из таких политэкономических предпосылок. Экономическая логика Жуковского видна, в частности, из следующей цитаты:

Мужик <...> имеет формальное право на землю и капиталы <...> Мужик несет в настоящее время 300 с лишком миллионов налогов, не считая повинностей, которые на деле должны равняться почти той же сумме; но мы ограничимся этими 300 миллионами. Так как платить 300 милл. из ничего нет возможности, то тем самым, что мы заставляем его платить эти 300 милл. — рассуждая из коммерческих оснований, на которых основываются все текущие экономические рассуждения — следует думать, что мы предполагаем его обладателем известного капитала, доходом от которого и могут уплачиваться эти 300 милл. Они могут рассматриваться нами, говоря иначе, только как процент с известного капитала, который, само собой разумеется, должен находиться в руках тех, кто платит этот процент. Какой же процент могут составить эти 300 миллионов и какой процент может брать государство в налог или на общие сбережения, не убивая самых размеров производства? Если мы остановимся на 5%, то капитализируя 300 милл. дохода из 5%, получим капитал в 6 миллиардов рублей сер. в виде земли и движимых капиталов, которые предполагаются одним фактом налога за народную принадлежность. Если мы допустим затем устранение народа от формального права на землю и капиталы, то мы заставим платить этот народ налог или процент из таких капиталов, которыми он вовсе не пользуется и которыми пользуется исключительно цивилизованное сословие, будет ли тут какая-либо последовательность? Итак, самый факт налога <...> равносителен признанию в принципе за народом права на означенные 6 миллиардов капитала²⁸.

Суть несправедливости, совершаемой по отношению к народу, по Жуковскому, заключается в том, что крестьяне, создавая продукты потребления, не принимают участия в той прибыли, которая получается от их труда. Работая на земле, народ не владеет ею как капиталом. Поэтому он не участвует в прибыли, которую приносит его труд, и прибыль эта полностью при-

²⁸ Современник. 1865. № 9. Отд. II. С. 92–93.

сваивается и растрачивается помещиками: «Если крестьянин в историческом результате не является перед нами на деле с известным капиталом в руках, то виноваты в этом стеснения, которые налагал закон к тому, чтобы он в конце концов мог оказаться на деле с таким капиталом <...> Последний (помещик) брал весь его избыток, т. е. именно те средства, из которых должен был составиться народный капитал, о котором идет речь, брал весь его труд и потреблял его прямо или посредственно на производство своей роскоши и тем лишал крестьянина возможности развить промышленность, ему именно соответствующую, где бы сам крестьянин был хозяином. Через это наша промышленность удержалась вообще на земледельческой ступени и только обогащала на счет русского мужика иностранного фабриканта роскоши»²⁹. Именно поэтому необходимо вернуть народу часть общей прибыли, превратить его во владельца капитала. Помещик, владелец земли, по Жуковскому, на самом деле даже и не вкладывает никакого капитала в сельское хозяйство, он только получает некий аналог ренты, фактически разрастающейся до всего дохода, приносимого землей: «До тех пор, пока народу не возвращено право на капиталы и народ не является капиталистом в предприятиях землевладельческих и промышленных, до тех пор положение цивилизованного читателя находится в переходном состоянии по дороге к справедливости; до тех пор, пока он не уплатил своего долга народу, он должен более или менее считать себя заедателем народного хлеба и в долгу у народа»³⁰.

В «обычной» экономике такие теории вели к попыткам создания артелей, коммун³¹. В издательском и журнальном деле они породили именно в это время интересную тенденцию — возникновение артельных журналов, в которых не было бы издателя-капиталиста и литераторов-пролетариев, а капиталисты и работники соединялись в одном лице. Первая попытка издавать артельный журнал была предпринята в 1861 году при участии некоторых сотрудников и авторов «Современника»: «В 1861 году образовалась такая артель все из молодых писателей, и после разных совещаний было порешено приобрести “Век” от П. И. Вейнберга. Пайщиков набралось тридцать два человека. Тут были Г. З. Елисеев, Щапов, А. Потехин, Н. и А. Серно-Соловьевичи... Каждый пайщик должен был внести сто руб-

²⁹ Современник. 1866. №3. Отд. II. С. 94.

³⁰ Там же. С. 96.

³¹ Самая знаменитая — слепцовская «Знаменская» коммуна. О ней см.: Чуковский К. И. История Слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960.

лей. Редактором единогласно был избран Г. З. Елисеев, у которого (он жил тогда на Литейной, близ Невского) и собирались раз или два в неделю все пайщики³². Несмотря на неудачу этого предприятия, такие попытки будут периодически возобновляться³³.

Другим способом уравнивать труд и капитал в правах на получение прибыли стали попытки своеобразного «захвата власти» в журнале. Дух такого рода предприятий точно спародировал Достоевский в «Бесах» (1872): «На другой же день, рано утром, явились к Варваре Петровне пять литераторов, из них трое совсем незнакомых, которых она никогда и не видывала. Со строгим видом они объявили ей, что рассмотрели дело о ее журнале и принесли по этому делу решение. Варвара Петровна решительно никогда и никому не поручала рассматривать и решать что-нибудь о ее журнале. Решение состояло в том, чтоб она, основав журнал, тотчас же передала его им вместе с капиталами, на правах свободной ассоциации; сама же чтоб уезжала в Скворешники, не забыв захватить с собою Степана Трофимовича, “который устарел”. Из деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую чистого барыша. Всего трогательнее было то, что из этих пяти человек наверное четверо не имели при этом никакой стяжательной цели, а хлопотали только во имя “общего дела”³⁴. Здесь точны даже экономические подробности относительно «одной шестой части барыша» (Варвара Петровна как капиталист, плюс пятеро литературных работников, справедливо делят прибыль от журнала), хотя в реальности речь всегда шла, конечно, не о «деликатности», а своеобразной строгости принципов. Эта готовность уступить шестую часть барышей «капиталисту» означала, вероятно, признание ограниченной роли начального капитала в доходах, приносимых предприятием.

Такой план «захвата» журнала возникает у ведущих сотрудников «Русского слова»³⁵. В уже цитированных нами воспоминаниях Шелгунов описывает это так: «В зиму 1865/66 года жил я уже в Вологодской губернии и по-

³² Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 168.

³³ Об отдельных изданиях см.: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 10. С. 23.

³⁵ Некоторые полезные сведения об этой истории содержатся в кн.: Кузнецов Ф. Ф. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969. С. 114–116; 284–286.

лучил от Зайцева приглашение вступить в коалицию против Благосветлова. Предполагалось совершить *coup d'état* и устранить Благосветлова (не помню, от главенства или совсем от журнала). Зайцев уже списался с Писаревым, находившимся в заключении, и получил его согласие. Мне казалось, что, заняв втроем место Благосветлова, мы все-таки не разрешили бы общего вопроса, — кто-нибудь оказался бы четвертым, то есть вне нас троих; кроме того, мне не думалось, чтобы в том положении, в котором мы все тогда находились (один только Зайцев был на свободе), было возможно ведение журнала, и в этом смысле я ответил Зайцеву. Характерно, что к этому же времени относится и намерение сотрудников “Современника” свершить нечто подобное с Некрасовым. Разлад и разъединение чувствовались везде и во всем...»³⁶ Важны принципы, под знаком которых происходили попытки этого переворота. Они были декларированы в совместном объявлении, напечатанном в газете «Голос» 8 октября 1865 года: «От редакции “Русского слова”. Во имя общественной пользы, экономической правды и достоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, объявляется: 1) издатель не считает подписной суммы своей собственностью; 2) подписная сумма не должна расходоваться произвольно; 3) издатель, как поверенный подписчиков, есть главноуправляющий конторой журнала; он обязан давать в известные сроки полный отчет во всех расходах по изданию; 4) отчеты эти должны печататься в самом журнале за подписью издателя. На этих началах, которые мы признаем справедливыми и полезными, будет издаваться “Русское слово”. Г. Благосветлов, Н. Благовещенский, В. Зайцев, Н. Соколов»³⁷. Очевидно, что сами эти принципы носят компромиссный характер. Прежде всего, в «Объявлении» не сказано о разделе прибыли между издателем и сотрудниками журнала, решение главного экономического вопроса заменено туманной формулой «издатель не считает подписной суммы своей собственностью». Тем не менее, мы видим, что намерение декларируется именно такое — отнять у издателя-капиталиста титул «собственника» журнала и подтвердить значимость труда сотрудников для создания прибыли от него. Показательно также, что участники соглашения рассматривают его как важное не только для себя, но и для «общественной пользы, экономической правды и достоин-

³⁶ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 229–231.

³⁷ Там же. Т. 2. С. 193.

ства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной».

Подобный переворот собирались совершить, как сообщает Шелгунов, и участники «Современника». Многие свидетельства указывают на то, что мемуарист прав и попытка захвата «Современника» была во многом подобна той, что предприняли журналисты «Русского слова». Важным стимулом для этой попытки стала затеянная сотрудниками некрасовского журнала проверка бухгалтерских книг, в которой проявилось их стремление к достижению прозрачности дел «Современника». Это был своего рода захват права на информацию, отъем у издателя исключительного владения отчетностью³⁸. Полученные в результате сведения наводят сотрудников на мысль «забрать» у Некрасова журнал³⁹. Об этом говорится, в частности, в воспоминаниях одного из «бунтарей», Г. З. Елисеева: «И вот мы, честные люди, по инициативе нашего политэконома, решились заставить Некрасова именно сделаться таким же честным человеком, как и мы. Один раз, когда Некрасов стал жаловаться на бедность доходов журнала, на недостаточность денег и на наши возражения предложил нам поверить его конторские книги, то мы, о срам, вызвались идти и делать самоличную поверку <...> и вот гурьбой все мы, сотрудники «Современника» — я, Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович, В. А. Слепцов, А. Ф. Головачев⁴⁰ — отправились к Панаеву. Не помню, был ли на ревизии А. Н. Пыпин. Панаев принял нас очень любез-

³⁸ Интересно, что одним из важнейших событий в борьбе американских писателей за свои права стал судебный процесс, в котором автор требовал от своего издателя предоставить ему для проверки бухгалтерские книги, в которых содержались реальные цифры прибыли, принесенной его книгой.

³⁹ Некоторые важные материалы, касающиеся этой истории, были опубликованы в статье: *Мельгунов Б. В.* К истории некрасовского «Современника» (1865–1867) // Русская литература. 1984. № 3. Однако проводимое автором сближение намерений Антоновича, Елисеева и др. с планом «захвата» журнала, который лелеяли сотрудники середины 50-х годов (Боткин, Фет, Л. Толстой), не является верным, идеологически он оформлялся по-другому и в экономическом смысле имел совершенно другой, более прагматический характер.

⁴⁰ Показательно, что часть проверяющих — участники слепцовской коммуны. Особенно значимым выглядит утверждение М. А. Антоновича о том, что настоящим инициатором захвата был В. А. Слепцов, организатор «Знаменской коммуны». См. об этом: *Материалы для характеристики современной русской литературы.* СПб., 1869. С. 32–33.

но, раскрыл все книги и стал давать объяснения по своим бухгалтерским счетам. Мы, не знакомые с бухгалтерским счетоводством, шутили, спорили, смеялись над теми *qui pro quo*, которые получались в наших понятиях по объяснениям Панаева к терминам бухгалтерии»⁴¹.

Другой участник событий, М. Антонович, вспоминает тот же эпизод несколько по-другому: «В данном случае Некрасов ни слова не говорил о бедности доходов и значительных дефицитах, а так просто, среди другого разговора, как будто мимоходом, сказал, что у “Современника” много должников, что вот посмотрите сами составленный Панаевым список должников, и больше ни слова. В это время у него были Елисеев, Жуковский и я. Елисеев взял список и, не взглянув на него, положил в карман, и разговор продолжался прежний, как ни в чем не бывало. Затем мы отправились к Елисееву для рассмотрения полученного от Некрасова документа. Взглянув на документ, Елисеев страшно расхохотался и едва мог выговорить: “Да это вовсе не отчет, который я предполагал и который можно было проверять. А список должников журнала, и во главе их — вы”, — сказал Елисеев, обращаясь ко мне. Это был лист бумаги, исписанный крупным писарским почерком и имевший такое заглавие: Редакции должны к 1-му генваря 1865 года...» Между прочим, Елисеев, полушутя, полусерьезно, сказал: «А знаете что, возьмем эти долги на себя, уплатим их Некрасову, но условием, чтобы он передал нам весь журнал. Это замечание Елисеева послужило переходом и поводом к серьезным обсуждениям о денежной стороне журнала. Елисеев и Жуковский, вооружившись карандашами, стали проектировать сметы издания журнала, составлять баланс, высчитывать возможные прибыли и убытки, и несколько листов исписали цифрами и выкладками. Эти листы, так же как и список должников, каким-то образом сохранились у меня до сих пор. Дальнейшее обсуждение предполагалось у меня, поэтому и документы были вручены мне. Но это обсуждение не состоялось. Мы не придали значения этой истории, отвлекли от нее наше внимание и скоро совсем ее забыли»⁴².

Оба мемуариста, кажется, неточны. Прежде всего, Елисеев явно преуменьшает свою осведомленность в издательско-редакционных делах. В первой половине 1862 года он, как известно, был редактором артельного еженедельного журнала «Век», в 1863 году принял приглашение стать редактором газеты «Очерки». Эта газета издавалась три месяца, сотрудничал

⁴¹ Некрасов в воспоминаниях современников. С. 224–225.

⁴² Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 224–225.

в ней и Антонович⁴³. Вообще у Елисеева были сильные редакторские амбиции и упорное стремление издавать журнал нового типа, артельный, владельцами и пайщиками которого являлись бы сами писатели и в котором не было бы издателя-капиталиста. Поэтому рассказ о том, что Елисеев, а не только Жуковский (профессиональный экономист и в будущем директор Государственного банка), принимал активное участие в обсуждении перспективы самостоятельного ведения «Современника», выглядит очень достоверно, намного достовернее, чем собственное признание Елисеева в полном незнакомстве с делами, связанными с журнальным хозяйством.

О решимости сотрудников всерьез произвести переворот свидетельствует письмо Антоновича и Елисеева к И. А. Панаеву (около конца января 1866 года): «Николай Алексеевич письменно согласился отдать “Современник” в аренду постоянным сотрудникам журнала в лице г. Антоновича. Для заключения подробных условий необходимо рассмотреть счета и книги по изданию журнала, преимущественно за истекший и текущий годы.

Посему сотрудники “Современника” поручили нам просить Вас помочь им в этом деле и показать счета и книги, для рассмотрения которых они согласились собраться к Вам в воскресенье, то есть 31 января»⁴⁴. Некрасов составил в конце сентября — начале октября 1865 года «<Проект возможной передачи “Современника” в аренду >»: «Я готов передать “Современник” с арендной платой по 9 т<тысяч> руб <лей> сер<серебром> в год, с тем что арендатор берет на себя долг журнала, а я устраниюсь от личного участия как по редакции, так и по изданию журнала.

Через десять лет арендатор освобождается от всякой платы мне и издает журнал исключ<ительно> в свою пользу.

Кроме означен<ных> 9 т<тысяч> арендатор должен принять на себя обязательство по контракту с г. Плетневым, т. е. просто контракт будет переведен на арендатора, который обяжется мне выплачивать г. Плетневу ежегодно 3 т<тысячи> руб<лей> с<серебром>.

При заключении условия арендатор принимает дела, книги и суммы журнала в том виде, в каком они ныне находятся. Все, что есть в журнале за кем-либо, с того дня получается им, равно и долг журнала, цифра коего обсуждена будет совмест<но>, уже падает на него. Об этом и вообще о пе-

⁴³ См. об этом: Якушин Н. И. Газета «Очерки» — орган революционной демократии // Русская литература. 1969. № 1.

⁴⁴ Цит. по: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 261.

ремене в хозяйств<енной> и редакцион<ной> части журнала должно быть по заключении условия объявлено. Доля ответственности за дальнейшие судьбы журнала, как денежная, так и всякая другая, уже падала бы на новых его хозяев.

Подробности этого условия определим, когда все пойдет на лад» (13, 2, 255–256). Насколько искренне он действовал и какие конкретные мотивы стоят за его «Проектом», в данном случае не так важно. Важно, что Некрасов выдвинул вполне серьезные требования. Как хорошо известно, и эта революция прервалась (так же, как и в «Русском вестнике») из-за возникших у журнала проблем, приведших к его закрытию. Однако скандал, произошедший между Некрасовым, с одной стороны, и Антоновичем и Жуковским — с другой, уже после конца «Современника», говорит о том, что революционный дух этих сотрудников не упал. Публикация «Материалов...» является следствием их очередной попытки установить справедливые отношения в издательском деле.

3

Г. З. Елисеев в своих (как указано выше, не совсем достоверных) воспоминаниях присоединяется к хору голосов, рассматривающих поведение Жуковского в ссоре с Некрасовым как эгоистическое и корыстное: «Одним словом, он (Жуковский. — М. М.) хотел сделаться не только постоянным наблюдателем, ревизором всех расходов журнала, но и настоящим его хозяином, распорядителем и всем внутренним содержанием. Некрасову оставалось только быть у него на побегушках»⁴⁵. Антонович приводит существенно более благородные причины ссоры с бывшим хозяином: «Спустя несколько времени мои товарищи по “Современнику” сообщили мне, что у Некрасова есть план издавать какой-то новый журнал, но что он не желает принимать в этот журнал нашу артель, а хочет взять только кого-нибудь одного и обращался уже то к Пыпину, то к Ю. Г. Жуковскому, но они не согласились идти в одиночку и, действуя сообща, предложили Некрасову такие условия, на которые он не согласился... Наконец, товарищи мои огородили меня известием, что Некрасов соединился с Краевским в “Отечественных записках”, что Елисеев отбил от артели и вступил в сепаратное соглашение с этими союзниками. Эта комбинация казалась нам чудовищною, неестественною, невозможною. Соединяются два полюса, два отъявленных врагах, личных и литературных, два журнальных соперника,

⁴⁵ Шестидесятые годы. С. 355.

два ожесточенных конкурента... Не хотелось верить этому химерическому союзу»⁴⁶. Как нам кажется, именно Антонович в данном случае более справедлив в оценках.

Слово «артель», употребленное Антоновичем для обозначения своих отношений с Пыпиным и Жуковским, окрашено, конечно, идеологически и означает вовсе не только группу участников, но и сам принцип, по которому они объединились. Объединение именно в артель предполагало приверженность принципам экономической справедливости. Хорошо известно, что Жуковский и Антонович были не просто радикальными публицистами, но и деятелями, стремившимися к реальному изменению действительности. Жуковский был автором статьи, где крайне резко нападал на дворянство, требовал возвращения долга народу, резкими нападка на дворянство прославился Антонович⁴⁷. Оба публициста были связаны с революционным подпольем, участвовали в составлении прокламаций⁴⁸. Будущая жена Жуковского была участницей слепцовской коммуны, и именно в коммуне состоялось их знакомство. В воспоминаниях Е. И. Жуковской есть и сообщение о визите Ю. Г. Жуковского в коммуну. Она начинает разговор с очень тогда прославленным экономическим публицистом такой репликой: «— Но вообще вы за коммунистический принцип?

— Вот вам что понадобилось знать! Можно многое иметь и за и против коммуны, смотря по тому, как, где и когда этот принцип применяется. Между мужем и женою этот принцип наиболее применим, а в остальных отношениях это более сложная история. Всего убедительнее самые факты»⁴⁹.

Поэтому нет оснований считать выступление Жуковского и Антоновича проявлением их личных амбиций и тем более простой корысти. Затеянный ими скандал является логическим продолжением их политических и экономических взглядов, перенесенных на сферу издательской деятельности. Антонович нападает в основном на идейное предательство Некрасова, обличает его в неискренности убеждений, к экономическим отношениям в «Современнике» он достаточно терпим, считая, что они были не лучше и не хуже бытующих в современных журналах, хотя не признавая их спра-

⁴⁶ Шестидесятые годы. С. 208.

⁴⁷ Особенно резкими были его фельетоны «Литературные мелочи» (подписанные псевдонимом «Посторонний Сатирик»), выходившие в «Современнике» в 1864–1865 годах.

⁴⁸ См. об этом: *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 340.

⁴⁹ *Жуковская Е. И.* Записки. С. 274.

ведливыми по сути: «Может быть, наша заработная плата была недостаточна, если сопоставлять ее с тем, что Вы получали и смотреть на дело так, что мы были такие же деятели в журнале, как и Вы; но с точки зрения обыкновенных общепринятых условий литературно-экономического производства она была достаточна — это я всегда скажу; и ни в каком случае не была ничтожна, каковою бывала плата сотрудников г. Краевского, как жаловался Панаев. Вы — нужно это сказать к чести вашей — не очень прижимали нас, а именно столько, сколько позволяла это наша собственная навивная податливость»⁵⁰. В той части скандальной брошюры, которая содержит объяснения и декларации Жуковского, уже сами вопросы справедливости общепринятых условий литературно-экономического производства становятся предметом обсуждения и критики. Сходство аргументов в этой брошюре с аргументами в анализированных выше статьях Жуковского, на наш взгляд, поразительное.

Вполне в духе цитировавшейся декларации сотрудников «Русского слова» Жуковский утверждает общественную важность тех вопросов, что он собирается поставить. В начале он заявляет: «Итак не желание лишних 50 рублей⁵¹, а напротив нежелание получать лишние 50 руб., за которые г. Некрасов покупал, как доказано выше, не мои труды и статьи, а мое имя и мою солидарность с его новым предприятием, нежелание принять за эти 50 руб. шутовскую и жалкую роль литературного Макара перед г. Некрасовым, — вот собственно первая и главная причина, по которой я отклонился от чести продолжать с ним литературные связи и за что меня только и могут винить. Прибавлю, что я действовал в этом случае от себя и только за себя, не думая при этом устраивать никаких новых порядков в литературе и новых издательских оснований, которые до меня совершенно не касаются»⁵². Несмотря на такую декларацию скромности намерений, именно о несправедливости внутрижурнальных отношений Жуковский говорит на протяжении всей своей статьи, исходя из представлений о том, какими они должны быть для того, чтобы быть справедливыми и по-настоящему благоприятными для литературы: «Я касаюсь

⁵⁰ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 35.

⁵¹ Ср.: «...Некрасов в объяснении, почему у него не участвуют его прежние сотрудники, говорил, что они много запрашивают и не сходятся с ним из-за 50 рублей» (Жуковская Е. И. Записки. С. 288).

⁵² Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 195–196.

собственно его духа и типа, того рода отношений между издателями и литературными силами, которые он стремился установить, и касаюсь потому, что прежде чем в литературе не установится натуральных отношений между издателями и литературными силами, самая литература будет лишена правды, полна лжи, лицемерия и личного угодничества»⁵³. Смысл этой декларации опять же чрезвычайно близок к объявлению Благодетельца и его сотрудников в «Голосе».

Жуковский утверждает, что он выступает как экономист и настаивает на преимуществом того, что он пишет в этой брошюре, с тем, что он писал в своих экономических и публицистических статьях в «Современнике», именно этим он оправдывает свое желание считать деньги в Некрасовском кармане: «Я так много сводил вопросов и положений на экономическую почву для оценки их нравственного смысла и положения, что позволю себе свести на ту же почву и вас»⁵⁴. Деятельность Некрасова-издателя рассматривается в рамках той же парадигмы труда и капитала как конкурирующих источников стоимости товара. Работники журнала объявляются имеющими такие же права на долю в доходах от журнала, как и Некрасов-капиталист, вложивший свои средства в его издание в начале деятельности: «Нужно было владеть теми литературными силами, которыми вы владели; без них вы могли истратить сколько угодно и все-таки провалиться; при них вся затрата капитала понижалась до каких-нибудь 10 000, которые покрывались в тот же год, оставляя 10 же тысяч чистого дохода на первый год и по 20 000 на все остальные. Итак 200% на доход не с капитала, а 200%, ренты с умственного труда — вот что вы брали и я прошу вас не смешивать этого с доходами на капитал. Такие капиталы, которые приносят 200% не слыханы в политической экономии. Рост капитала, учит политическая экономия, имеет общий уровень для всех предприятий... Этот рост ограничен у нас теперь, при всей его дороговизне, 10%. Итак, для удовлетворения ваших прав капиталиста, я вам вычитаю 10% с 10 000 руб., и затем приглашаю возратить по 20 тыс. чистого ежегодного дохода вашим литературным силам... Во всяком случае подписчик вашего журнала шел в ваш журнал не ради ваших 10 тысяч, а полагаю, ради его содержания, в котором вы участвовали только изредка вашими стихотворениями»⁵⁵.

⁵³ Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869. С. 195.

⁵⁴ Там же. С. 120.

⁵⁵ Там же.

Таким образом, тот огромный доход, который, по мнению Жуковского, получает Некрасов от журнала, есть не проценты на капитал, а своего рода рента, вполне подобная несправедливой и бесчеловечной земельной ренте, приведшей к обнищанию крестьянства: «За что же, спрашивается, вам платили эти 200% эти наивные литераторы? Тут-то вот ключ от всей загадки. За что вы сами платили г-же Плетневой по 3 тысячи рублей ренты? ... Итак, Вам платили по 10 тысяч в год исключительно за право печататься в вашем журнале... Согласитесь, что после этого я имею некоторые основания считать вас неоплатным должником литературы, а самое положение издателя, которое вы выработали своей особой в русской литературе по меньшей мере несообразным с теми гуманными началами, которые постоянно проповедовали вы в ваших стихах и журнале, ни даже с теми коммерческими началами, к которым вы относились презрительно»⁵⁶. Само это указание на долг Некрасова литературе аналогично рассуждениям о «долге народу», который рассчитал тот же Жуковский в статье «Записки современника». Также абсолютно идентичен сам ход аргументации и подсчетов. Некрасов фактически объявляется крепостником, держащим в рабстве своих сотрудников, точнее, отбирающим у них доходы, или хозяином-капиталистом, несправедливо лишаящим работников доли в произведенном ими капитале.

Несправедливость экономического поведения Некрасова-издателя для Жуковского настолько важна, что его неспособность или нежелание установить правильный и справедливый порядок в собственном хозяйстве ставит под сомнение искренность некрасовского либерализма, позволяет публицисту предположить, что им движут исключительно интересы наживы и чистогана: «Как в обществе вообще русский человек был поглощен своими личными спекуляциями, как здесь он не отличался ни особенным образованием, ни доблестью, так и в литературном сословии он не должен был превосходить других нравственными свойствами и развитием <...> должен был явиться с одной стороны либерализм незнающий и с другой либерализм спекулирующий — либерал как невежество и либерал как спекуляция <...> В свое время кажется один г. Краевский да букинисты с толкучки догадывались, что либерализм может давать доход в литературе. Теперь явились подражатели, которые вступили в дело с полным сознанием своего успеха <...> Прежние издатели лубочных или

⁵⁶ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 121–122.

соблазнительных книг могли, по их мнению, теперь издавать только книжки естественного содержания или радикально политического»⁵⁷. Главное, что в «Отечественных записках» указывает на ренегатство их нового редактора, — это отсутствие статей о конкретных фактах экономической жизни (опять же вспомним разговор о фактах с будущей женой по поводу «коммунистического принципа»), заменяемых, по его мнению, безответственной либеральной «фразой». Только анализ фактов для самого Жуковского был показателем серьезности намерений: «Когда одновременно решается вопрос о торговле государства и его промышленности, свирепствует неурожай и голод в нескольких губерниях, решается вопрос о повинностях, проводится одновременно целая сеть железных путей, тогда, кажется, нет недостатка в мотивах для журнала, который хочет иметь содержание»⁵⁸. Такого содержания в «Отечественных записках» Жуковский не находит.

Так виделась ситуация и таковы были идеи и намерения наиболее последовательных в экономических взглядах бывших сотрудников «Современника». Именно принципиальной позицией, искренним желанием изменить экономические отношения в журнале и литературе в целом, установить порядки, отвечающие требованиям справедливости, общего блага и одновременно требованиям современной экономической науки, борьбой с Некрасовым-капиталистом, воплотившим и утверждавшим (по их мнению) ложные, несправедливые порядки в издательском деле, объяснялось их требование контроля над изданием и участия в доходах от нового журнала.

4

Осталось ответить на вопрос, какова была позиция Некрасова в этом конфликте. Как он видел ситуацию в «Современнике», отношения с писателями и почему отверг требование Жуковского предоставить ему и другим «работникам» долю в прибыли журнала? Очевидно, что для того, чтобы отвергнуть претензии своих сотрудников, издатель мог иметь массу причин от вполне материальных, до принципиальных, тоже по-своему идеологических. О материальных причинах говорится вполне откоро-

⁵⁷ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 145–147.

⁵⁸ Там же. С. 153.

венно в письме А. Н. Пыпину 20 ноября 1867 года, с которым Некрасов вел переговоры дольше, чем с другими «бунтовщиками»: «8-ые доли, выговариваемые Жуковским в пользу *свою* и *Вашу*, тоже поведут к затруднению отчетности и к путанице, и, поразмыслив обстоятельно, я на них не могу согласиться. Во-1-х, потому, что желаю стоять в таком положении, чтобы не быть обязанным ни перед кем отчетностью и стесненным в распоряжениях цифрой, определенной на расходы по журналу (а Жуковский желает в этом отношении одинаковых прав со мною и имеет виды на какие-то сокращения расходов, по-моему, невозможные и могущие только испортить дело); а во-2-х, потому, что, согласившись на этих 8-х долей Вам и ему, я должен был бы, по совести, представить такую же долю Елисееву, которого считаю в предполагаемом деле нужным и полезным не менее каждого из Вас, что он доказал многолетним участием в “Современнике”, а тогда что же осталось бы мне?» (15, 1, 60–61) С прагматической точки зрения, такого объяснения вполне достаточно. Капиталист не собирается и, по своей логике, не обязан делиться прибылью с работником. Однако, на наш взгляд, Некрасов выступает в этой истории не только как «хозяин» предприятия в материальном споре с своего рода аналогом профсоюза. Не меньше Благовосветлова он был заинтересован и принципиальными вопросами, проблемами установления справедливых отношений в литературе. Об этом говорят и его собственные более ранние попытки изменить правила на литературном рынке (проанализированные в главах 4, 5, 6 настоящей работы), и позднее его решение предоставить долю доходов от «Отечественных записок» Салтыкову-Щедрину и Елисееву⁵⁹.

Идейная и психологическая стороны позиции Некрасова не могут быть реконструированы абсолютно убедительно. Как практически всегда, в ответ на публичные обвинения Некрасов молчал и прямых утверждений не оставил. Есть, однако, косвенные факты, позволяющие понять, почему планы и расчеты Жуковского должны были казаться Некрасову неприемлемыми в качестве решения проблемы неравенства на литературно-издательском рынке. Эти косвенные указания надо искать у одного из крайне близких Некрасову в это время людей. Как известно, ответ «Отечественных записок» на выступление Жуковского и Антоновича

⁵⁹ Подробнее об этом см.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. М., 1984. С. 338–339; Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова (1868–1884). Л., 1986.

был написан Салтыковым-Щедриным. Он содержал ряд вполне едких, но и легковесных замечаний личного характера: «Сверх того, гг. Антонович и Жуковский с любовью и не раз возвращаются к мысли о распределении “благ”, приносимых журнальным делом, причем последний, со свойственною ему догадливостью, исчисляет даже сумму (миллиард в тумане⁶⁰), которую, по его мнению, должен г. Некрасов своим сотрудникам (разумеется, бывшим, то есть все-таки Антоновичу и Жуковскому, а не другим каким) за двадцать лет журналистской деятельности. Но на этом остроумном вычислении, к сожалению, все дело и оканчивается; в чем должны заключаться те “новые основания”, о которых, по-видимому, хлопочет г. Жуковский, — он благоразумно умалчивает, хотя и видно, что ему лично хотелось быть “хозяином” не только в редактировании журнала, но и в доходах его. Мы можем сказать по этому поводу, что и сами не прочь от “новых оснований” в журнальном деле, но, по нашему мнению, допущение г. Жуковского или вместе с г. Антоновичем к роли “хозяина” журнальных доходов все-таки нимало не разрешает этого вопроса»⁶¹.

Тем не менее в этой статье есть и принципиальные, если можно так выразиться, политэкономические возражения, касающиеся самой сути построений Жуковского: «Мы очень хорошо понимаем, что вопрос о том, кто должен быть участником в журнальных прибылях, можно довольно разрешить, ответив на него: “вы да я”, и что через это значительно устраняется дробность в расчетах, но подобное разрешение едва ли может соответствовать выгодам и видам “шушеры” и “шелухи” <...> едва ли не целесообразнее было бы, если бы вы, вместо того, чтобы беседовать с читателем о ваших личных огорчениях, представили ему проект, в котором привели бы основания: 1) как приобщить не только вас с г. Антоновичем, но и “шушеру” и “шелуху” к тем “благам”, о которых вы так умильно говорите; 2) какую принять норму для оценки писательского труда, то есть ценить ли все статьи одинаково, руководствуясь только объемом их, или же принимать в соображение и степень дельности и талантливости, с которыми они написаны; и 3) на кого возложить или как устранить тот риск,

⁶⁰ Этот «миллиард в тумане» говорит о точном сближении скандальной брошюры с упоминавшейся статьей Кокорева, где тоже говорилось о долге народу, а также о том, что Салтыков-Щедрин увидел подразумеваемую Жуковским аналогию между долгом Некрасова литературе и долгом помещиков народу.

⁶¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 333.

который сопряжен с изданием журнала, в том случае, если он не будет иметь успеха в публике? Вот если вы разрешите эти насущные в журнальной практике вопросы, то мы будем вам весьма благодарны⁶².

Из этих трех возражений наиболее поверхностным и личным, на первый взгляд, выглядит первое. Третье возражение воспроизводит традиционный аргумент «буржуазных» экономистов против признания права работников на участие в капитале. Они принимают участие в прибылях — означает ли это, что они готовы взять на себя и убытки? Многие проблемы, возникающие в таком случае, действительно, трудно разрешимы. Однако второй вопрос, заданный Салтыковым-Щедриным, должен был быть принципиальным для Некрасова, затрагивающим его личный опыт. Проблема писательского имени как капитала, сложная игра усилий издателя, журнала, критика и самого писателя в создании имени, в его капитализации, знакомая до тонкостей Некрасову по его собственному, часто печальному опыту (см. главу 2 настоящей работы), слишком легко подводится радикальным экономистом под абстрактные категории. Жуковский говорит

⁶² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 333–334. Эти высказывания Салтыкова стоит сравнить с его позднейшим крайне отрицательным отношением к «Русскому богатству»: «У меня вторично был Тургенев, который рассказывал, как его от имени редакции «Нар<одного> <богатства>» приглашал Успенский к Сибирякову, как он там был, мед-пиво пил и благословил Златовратского на благое дело. Успенский, по-видимому, ужасно тут хлопочет и едва ли не с желанием напакостить “Отеч<ественным> зап<искам>”. Всего замечательнее то, что пресловутое Кри-венковское артельное начало нашло свое успокоение на лоне у Сибирякова. А впрочем, пушай их. Только хорошо было бы рассчитаться с Успенским, который много должен. Не возьмете ли вы на себя труд сообщить ему, что он в понедельник еще обещал принести конец своей рукописи, так хоть в будущий понедельник принес бы. Ведь у нас все-таки не неистощимый запас рукописей, а при том же начало его статьи помещено в февральской книжке — надо же докончить ее. Затем я уже не буду рассчитывать на этого проворного малого, который как встанет с утра, все думает, где бы денег занять. Вот и Златовратский помалчивает с “Устоями” — должно быть и ему не до нас. Я предвижу, что это будет гнездо сплетен и дрызгов, и потому всеми мерами буду устраняться. Еще, пожалуй, такую душу пустят, что и “Новое время” за пояс заткнут. От Успенского можно всего ожидать» (Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 19, Ч. 1, С. 139). Об этом эпизоде см.: Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956. С. 312–314, а также воспоминания Н. С. Русанова в кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Л., 1957. С. 110–112.

о том, что он давал журналу свое популярное имя и уже поэтому является создателем прибыли, которую приносит «Современник», однако не учитывает роль журнала в капитализации его собственного имени. Как рассчитать долю сотрудника и долю журнала в этом общем капитале, из чего исходить? Ни на какие подобные вопросы, ответы на которые интуитивно, творчески всю свою редакторско-издательскую жизнь искал Некрасов, абстрактная теория Жуковского ответа не дает, конечно. Поэтому и первый вопрос Салтыкова-Щедрина оказывается законным — требования Жуковского предоставить долю именно ему выглядят на самом деле обоснованными только его амбициями, уверенностью в важности его личного труда для успеха журнала.

Статья Салтыкова-Щедрина, если ее содержание отражает взгляд издателя «Современника» на поднятые Жуковским вопросы, показывает, что Некрасов не просто не был материально заинтересован в том, чтобы не делить прибыль с сотрудниками, а не считал такую конструкцию журнала разумной и справедливой. Именно в этом смысле нужно понимать его слова о непрактичности его сотрудников, сказанные в письме Краевскому от 27 ноября 1867 года: «Почтенные мои сотоварищи — люди непрактичные и нерешительные. Мне уже надоело за ними ходить, и, поставив им свои решительные условия, я теперь не тронусь с места, пока они не дадут сами ответа. Надо подождать. А между тем я хотел бы видеть контракт Ваш с Д<удышкиным>» (15, 1, 62). Вероятно, здесь как проявление «непрактичности» характеризуются экономические фантазии Жуковского. Практический человек Краевский оказался в трудные минуты ближе и понятнее, чем теоретики экономисты. В письме менее увлеченному социально-экономическими теориями Пыпину от 20 ноября 1867 года Некрасов развивает ту же мысль: «Из разговора с Жуковским я убедился, что мы с ним сойтись не можем. Он хочет, между прочим, чтобы хозяйство было взято у Краевск<ого> и перешло к кому-нибудь из нас. Не знаю, согласился ли бы на это Кр<аевский>, но я на это не согласен. Сам я возиться со счетами и деньгами не имею охоты и Вас не считаю для этого достаточно практичным» (15, 1, 60). В том же письме он твердо отказывается вести переговоры с артелью литераторов, признавая только персональный разговор с самим Пыпиным: «Потрудитесь отвечать поскорее и решительно, согласны Вы или нет принять участие в редакции “От<ечественных> зап<исок>”, если я буду их редактором, на условиях, подобных тем, которые Вы имели в «Современнике», с тою выгодой, что здесь Вы будете освобождены от роли ответственного редактора» (15, 1, 61).

Было ли у Некрасова в последние годы «Современника» собственное представление о том, кем он является по отношению к журналу и его сотрудникам? Осмелимся и в этом случае воспользоваться косвенными свидетельствами. Уже в 1876 году в преддверии болезни и смерти Некрасов столкнется с новым требованием денег, исходящим от Антоновича, обратившегося со своими претензиями в Литературный фонд. Не принимая форму, в которой бывший сотрудник требует у него денег, Некрасов был (при условии ее изменения) готов дать Антоновичу нужные ему средства. Так он и пишет Г. К. Репинскому⁶³ в письме от 30 марта 1876 года: «В 1866 году у меня вырвали из рук дело, которому я посвятил 20 лет жизни и которое могло кормить меня остальную жизнь. Я вовсе не был в таком положении, чтоб думать о каких-то *награждениях* бывшим своим товарищам по журналу. Я задался мыслию не оставить на первое время без средств тех из моих товарищей, которые ничего не имели и которые, с закрытием журнала, оставались без работы. Так я и поступил относительно гг. Пыпина и Жуковского. Об г-не же Антоновиче я тогда думал, что он имеет свое состояние, и поэтому *ничего ему не обещал* и даже *разговора* по сему предмету никакого *с ним не имел*. Прибавлю к этому, что если б мне было сказано, что я ошибаюсь, считая г-на Антоновича человеком с состоянием, или если б г. Антонович мне тогда сказал, что желает получить то же, что я обещал гг. Пыпину и Жуковскому, то я исполнил бы его желание, так как г. Антонович находился в совершенно одинаковых условиях к журналу с гг. Пыпиным и Жуковским и в этом отношении имел с ними равные права» (15, 2, 134).

Судя по этому письму, Некрасов воспринимал или стремился воспринимать журнал не только как коммерческое предприятие, приносящее деньги, но как «кровное дело». Сам же он ощущал себя и как капиталист, собственник предприятия, которое могло его «кормить», но и как труженик, посвятивший «Современнику» «20 лет жизни». Сотрудники же его — не только наемные рабочие, но и «товарищи по журналу», которых Некрасов всех одинаково хотел поддержать после гибели общего дела. В некотором отношении он, судя по всему, был утопистом и фантазером не хуже Антоновича или Жуковского.

⁶³ Григорий Козьмич Репинский был в это время секретарем Литературного фонда.

Детская литература. Неудавшееся «товарищество» с Салтыковым-Щедриным

1

От издательского проекта, который мы рассмотрим в этой главе, осталось немного документальных свидетельств. В № 2 «Отечественных записок» за 1868 год (напомним, что только что журнал стал редактировать Некрасов вместе с Елисеевым и Салтыковым-Щедриным), были опубликованы три стихотворения: «Дядюшка Яков», «Пчелы» и «Генерал Топтыгин» с подписью «Н. Некрасов» и авторским примечанием: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения». В 68-м году никакого продолжения работа Некрасова над книгой для детского чтения не имела. Однако позже замысел получил неожиданное развитие. В 1869 году в № 2 «Отечественных записок» Салтыков-Щедрин печатает под общим названием «Для детей» сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть» и очерк «Годовщина» со сквозной нумерацией и следующим примечанием: «Автор настоящих рассказов предполагает издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений (последние принадлежат Н. А. Некрасову). Но предварительно он желал бы знать мнение публики, насколько его намерение осуществимо и полезно. С этой целью помещаются здесь образчики детских рассказов»¹. В следующем номере «Отечественных записок» цикл был продолжен еще двумя щедринскими произведениями разных жанров: «Дикий помещик» и «Добрая душа». После довольно большого перерыва в № 9 «Отечественных записок» печатается рассказ «Испорченные дети» с римской цифрой VI перед заголовком, относящейся к тому же циклу. На этом работа над книжкой для детского чтения (очевидно, первоначально только некрасовской, а с начала 69-го года — совместной с Салтыковым-Щедриным) прекратилась.

Предполагаемая книга не была ни издана, ни подготовлена к печати. Сказочные произведения Салтыкова-Щедрина позднее вошли в цикл «Сказки» (1869–1886), остальные им самим не перепечатывались. Некрасов уже в 1869 году включил все три упомянутые стихотворения в 4-ю часть «Стихотворений Н. Некрасова» с подзаголовком и датой (на шмуцтитуле): «Стихотворения, посвященные русским детям (1867)». В его творчестве цикл

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 7. М., 1970. С. 637.

получил продолжение. В 1870 году в № 10 «Отечественных записок» было помещено стихотворение «Соловьи» с подписью «Н. Некрасов» и подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям». В 1871 году в № 1 «Отечественных записок» было опубликовано стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» с такими же подписью и подзаголовком. Таким образом, работа Некрасова над стихотворениями для детей продолжалась, но уже как над циклом, поскольку никаких упоминаний об отдельной книжке для детского чтения мы больше у Некрасова не встречаем. Последний некрасовский текст, имевший при печати тот же подзаголовок, — стихотворение «Накануне светлого праздника», впервые опубликованное в изданном А. Н. Якоби сборнике «Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник» (СПб., 1873) с подписью «Н. Некрасов» и датой «20 марта 1873».

Практически не сохранилось свидетельств ни о возникновении замысла у самого Некрасова, ни о том, почему и на каком этапе было им сделано предложение Салтыкову-Щедрину присоединиться к проекту, ни о том, какие обстоятельства заставили от него отказаться. О ходе работы над текстами для книжки есть только два малоинформативных упоминания в письмах великого сатирика Некрасову². История сборника остается малоизученной. Традиционный ответ на вопрос, почему не сложилась общая книжка, заключается в том, что у Салтыкова не получились рассказы для детей, его тексты вышли слишком «взрослые», непригодные для маленьких читателей. Так, С. Макашин пишет: «Стихи эти (некрасовские. — М. М.) были действительно доступны детскому восприятию, чего нельзя сказать о “детских рассказах” Салтыкова. Хотя на них и лежит печать усилий автора достичь возможной простоты, все же серьезность идейного содержания переадресовывала эти произведения, как и будущие салтыковские “сказки”, “детям изрядного возраста”. По этой ли причине или еще по какой, замысел совместного с Некрасовым издания не осуществился»³. Отрицать «недетскость» текстов Салтыкова-Щедрина, конечно, трудно, но тогда встает ряд вопросов: 1) какие основания имел Некрасов предполагать в Салтыкове-Щедрине потенциального детского писателя; 2) почему, хотя у Салтыкова-Щедрина не получилось написать рассказы для детского чтения, то получилось у самого Некрасова, какое отличие творческих принципов двух

² См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 18. Ч. 1. С. 26, 28.

³ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. М., 1984. С. 418–419.

писателей в этом случае проявилось. На эти вопросы мы и намерены дать ответы в этой главе.

2

Нет сомнений в том, что детская книжка в это время вполне могла выглядеть потенциально прибыльным коммерческим проектом. Хорошо известно, что 50–60-е годы XIX века в России характеризуются интересом к воспитанию, связанными с ним проблемами и задачами. В частности, это период расцвета педагогической журналистики. Достаточно вспомнить «Журнал для воспитания» А. А. Чумикова и «Русский педагогический вестник» Н. А. Вышнеградского (выходят с 1857 года), журнал «Учитель» И. И. Паульсона (выходит с 1861 года). В 1861–1862 годах. Л. Н. Толстой издаёт педагогический журнал «Ясная Поляна». Ближайшая по времени новинка — «Педагогический сборник» (издавался с 1864 года)⁴. В это же время на страницах периодической печати вспыхивают дискуссии педагогического характера (о полемике, вызванной книгой П. Д. Юркевича, на которую резко откликнулся П. Н. Ткачев, мы писали ранее⁵). Еще одно следствие осознания обществом важности проблем воспитания — создание общественных педагогических организаций, таких как Петербургское педагогическое общество и Комитет грамотности при Вольном экономическом обществе⁶. Одновременно возрастает спрос и предложение хрестоматий и оригинальных книжек для детского чтения. Если во второй половине 50-х годов XIX века вышло только 5 детских книг, то в 60-е годы количество их увеличилось в разы⁷. В качестве примеров, хорошо знакомых Некрасову, приведем сборник «Детская книжка» Плещеева и Берга, изданный с огромным успе-

⁴ Очень подробный обзор педагогической прессы данного периода можно увидеть в недавно защищенной содержательной диссертации: *Азарная М. А.* Педагогическая пресса в России во 2-й половине XIX в.: генезис, предметно-тематические и структурно-функциональные особенности. Ростов-на-Дону, 2006.

⁵ *Макеев М. С.* Договор с дьяволом в условиях становления капитализма в России. (Экономическое значение христианской символики у Салтыкова-Щедрина) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.

⁶ См.: *Кантерев П. Ф.* История русской педагогики. СПб., 2004; *Латышина Д. И.* История педагогики. М., 1998.

⁷ *Ковалева Г. В.* Русская поэзия для детей от Лаврентия Зизания до Ивана Бунина. Орел, 2005.

хом в 1861 году, и знаменитую книгу для чтения К. Д. Ушинского «Родное слово» 1864 года, в которую издатель включил стихотворение Некрасова «Несжатая полоса» (опустив строки, идущие после стиха «Вашему пахарю моченьки нет...») и отрывки из его «Крестьянских детей»⁸. Существовали и процветающие издатели, специализировавшиеся на детской литературе (прежде всего, издательство М. О. Вольфа)⁹.

О том, что и в 1868 году издание детской литературы представлялось вполне коммерчески перспективным, говорит, например, проект, который долго обсуждали супруги Шелгуновы. Так Н. В. Шелгунов пишет в письме жене из Вологды 22 июля 1868 года: «Твоя мысль о детской истории совершенно правильная, и я принимаю со всею готовностью твое предложение. Составляй пробные листы и присылай. Ты думаешь начать с римской? Пожалуй, и так, но и древнейшая любопытна, только мне казалось, что древнейшую лучше в виде очерков и картин: будет занимательнее, ибо возможен занимательный выбор. Не начать ли историей Китая? Я бы думал так: предпринять целую серию детских изданий под одним общим названием: например, «Библиотека подрастающего поколения» или «Библиотека для молодых читателей»; и затем — отдельные заглавия: древняя история, римский мир, греческий мир и т. д. Далее — и я бы писал охотно — думалось мне написать для детей политическую экономию под заглавием «Очерки из истории труда» или вроде этого. Рассказ будет прост и занимателен, если писать тем приемом, как писал Адам Смит.

Если ты одобришь эту мысль, то вышли русский перевод Адама Смита, Мальтуса, «Историю открытий и изобретений» (издал, кажется, Вольф, а первый — Бибиков) и биографии Уатта, Стефенсона, Аркрайта, Адама Смита, Фультона и других. согласишься, напишу подробнее»¹⁰. В этих строках легко видеть характерный для радикального публициста и критика просветитель-

⁸ Судя по всему, это стихотворение Некрасова воспринималось как наиболее детское у поэта и довольно часто печаталось в хрестоматиях, азбуках и т. п. См. об этом: *Ковалева Г. В.* Русская поэзия для детей от Лаврентия Зизания до Ивана Бунина.

⁹ Вполне добротный обзор детской литературы этого периода можно прочесть в кн.: *Бабушкина А. П.* История детской литературы. М., 1948. Также картину развития рынка детской литературы представляет каталог: *Издания второй половины XIX века для детей.* М., 1994.

¹⁰ *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1967. С. 219.

ский подход к воспитанию и образованию, уверенность в необходимости давать детям прежде всего естественнонаучные знания. Однако побуждения приняться за такой проект у Шелгунова вполне коммерческие, связанные с тяжелыми финансовыми трудностями. Все приведенные факты говорят о том, что решение Некрасова издать книгу для детей было вполне закономерным. Невозможность для Салтыкова-Щедрина быть соавтором такой книжки уже в начале 1868 года объясняется тем, что только к сентябрю этого года он уволился со службы и получил возможность посвятить себя полностью литературной и журнальной работе¹¹. Решение же Некрасова привлечь его к совместной работе в следующем году требует объяснения.

Можно предположить, что план совместного издания детской книжки является своего рода ответом Некрасова на столь дорогой его прежним сотрудникам «артельный принцип». Образцом, возможно, стали два знаменитых «творческих объединения», имевших в значительной степени просветительский характер. Первое из них — «Могучая кучка» — сложилась в Петербурге между 1857 и 1862 годом под руководством Балакирева, его идейным вдохновителем был В. В. Стасов (фигура, привлекавшая внимание сатирика)¹². Об интересе к «Могучей кучке» Некрасова или Салтыкова-Щедрина свидетельств не существует, но вот интерес ко второму товариществу присутствовал (во всяком случае, у сатирика) несомненно. Мы имеем в виду «Товарищество передвижных художественных выставок», выросшее в 1869 году из «Санкт-Петербургской артели художников», которая была учреждена в 1863 году четырнадцатью художниками, среди которых были И. Н. Крамской, А. И. Корзухин, К. Е. Маковский и другие¹³.

Подобное артельному журналу идеологически (как попытка установить справедливые отношения между трудом и капиталом), «Товарищество» передвижников отличалось от него в экономических деталях и в прагматических целях создания. Первый проект устава (ноябрь 1869 года) указывал в качестве цели, ради которой создавалось общество, следующую: «Доставление обитателям провинций возможности следить за успехами русского

¹¹ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. С. 306–320.

¹² Несколько позже он будет выведен сатириком в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) под именем Ивана Николаевича Неуважай-Корыто (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.* Т. 10. С. 404–407).

¹³ Об этом см.: Товарищество передвижных художественных выставок. Письма, документы. М., 1987. С. 5–6.

искусства. Этим путем Товарищество, стараясь расширить круг любителей искусства, откроет новые пути для сбыта художественных произведений»¹⁴. Таким образом, товарищество передвижников соединяло и экономические цели (преобразование существующих принципов художественного рынка, создание справедливых экономических отношений), и просветительские задачи, в конечном счете, крайне близкие к задачам педагогическим. Это же соединение задачи воспитания с помощью искусства с задачей правильной организации рынка искусства как важнейшей стороны деятельности передвижников в первую очередь обсуждается в отзыве Салтыкова-Щедрина в № 12 «Отечественных записок» за 1871 год о первой выставке Товарищества, открывшейся в ноябре 1871 года. Несмотря на содержащиеся в щедринской статье многочисленные шуточки над просветительскими иллюзиями передвижников, ее заключительная часть показывает, что сатирик всерьез относится к их проекту. Высоко оценивая и просветительскую задачу (называемую им задачей воспитательной) товарищества, и художественное достоинство представленных на выставке работ, Салтыков-Щедрин делится сомнениями по поводу тех принципов, на которых товарищество в своем уставе определило возможность принятия новых членов. Эти принципы казались сатирику чрезмерно формальными, бюрократическими. Необходимо, с его точки зрения, чтобы все участники совместного проекта были связаны единой целью, разделяли общие художественные принципы. Следующая цитата звучит как несколько запоздалая характеристика совместного с Некрасовым замысла: «Я не отвергаю, что и к воспитательным целям могут быть применяемы соединенные усилия нескольких лиц, но для того, чтобы в этом случае был достигнут успех, необходимо, чтобы соединившиеся для одной цели лица были вполне друг другу известны и заранее с полной ясностью определили для себя все основания задуманного дела»¹⁵. Как кажется, такие условия существовали в работе Некрасова и Салтыкова-Щедрина над детской книжкой, однако в этом случае они не привели к успешному результату¹⁶.

Были ли у Щедрина до этого обращения к теме детства, которые могли бы натолкнуть Некрасова на план совместной с ним работы? Просмотр

¹⁴ Товарищество передвижных художественных выставок. Письма, документы. С. 51.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 228.

¹⁶ Примером такого соединения просветительских задач и артельного принципа является и издаваемый Жуковским и Антоновичем в 1869 году «Космос».

щедринских текстов показывает, что такие обращения у него существуют. Кроме печального рассказа «Миша и Ваня» (напечатанного в № 1–2 «Современника» за 1863 год), прямо посвященного изображению жизни крепостных детей, тема детства несколько раз встречается в произведениях сатирика, написанных до 1869 года. Так, в январской-февральской хронике 1863 года из цикла «Наша общественная жизнь» Салтыков-Щедрин защищает от нападок так называемое «мальчишество» (понимаемое, конечно, не столько в возрастном, сколько в «политическом» или общественном смысле): «Я нахожу, что мальчишество — сила, а сословие мальчишек — очень почтенное сословие <...> если мы видим, что жизнь мало-помалу идет вперед — мы обязаны этим мальчишеству; если мы самих себя сознаем лучше и чище — мы обязаны этим мальчишеству»¹⁷. Еще один текст, в котором затронута «детская» тема, — «Завещание моим детям», написанное в середине 1865 года, но по цензурным причинам опубликованное только в № 1 «Современника» за 1866 год. В этом произведении обращение к детям служит традиционной для Салтыкова-Щедрина комической искажающей призмой, способом обретения необычного взгляда на злободневный политический вопрос¹⁸. Вопрос же, который поднимается в «Завещании моим детям», относится к сфере современной общественной жизни. Таким образом, все это «недетская» литература, где само понятие детства не концептуализировано, разнородно и выполняет каждый раз специфические функции.

Должно ли это было остановить Некрасова? Как нам кажется, нет, скорее, наоборот. Нужно вспомнить, что и у самого Некрасова до этого не было произведений для детей. Он написал к этому времени ряд стихотворений, в которых изображается ребенок, например стихотворения и поэмы «Школьник» (1856), «Плач детей» (1860), «На Волге (Детство Валежникова)» (1860), «Деревенские новости» (1860), «Крестьянские дети» (1861), «О погоде» (1858–1865), «Мороз, Красный нос» (1863–1864). Список не выглядит, конечно, коротким (вероятно, его можно расширить за счет других стихотворений, где образы детей только «мелькают»), однако нельзя не видеть, что все эти стихотворения не являются детскими в точном смысле слова. Несмотря на то, что некоторые из них позднее вошли в националь-

¹⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 23–24.

¹⁸ О приемах «шаржа» у Щедрина и роли приема отклонения от нормы, разновидностью которого является и «детскость» см.: Гиппиус В. В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М., 1966.

ный канон детской литературы («Крестьянские дети», «Школьник» вместе с другими, в которых совсем не упоминаются дети, вроде пейзажных фрагментов из «Зеленого шума»), их реальными адресатами не являлись маленькие читатели¹⁹. Детство было предметом изображения, но о детях рассказывалось взрослым. И в тех случаях, когда Некрасов (его «лирический герой») в стихотворении прямо обращается к ребенку как к адресату или собеседнику, недетский характер содержания особенно заметен. В этом смысле очень убедительны суждения Б. Я. Бухштаба о стихотворении «Песня Еремушке» (1859): «Обращение с пропагандистской речью к грудному младенцу есть, конечно, такая же условность, как и подача этой речи под видом колыбельной песни <...> Полагаю, что смысл образа младенца здесь таков: младенец — это представитель молодого поколения, входящего в мир в новых условиях, способного бороться с тем злом, которое не могут побороть люди, родившиеся и сформировавшиеся в неблагоприятных условиях»²⁰. Подобная точка зрения встречается и едва ли не в самой поздней из нам известных статей об этом стихотворении, принадлежащей В. А. Громову²¹.

Таким образом, Некрасов собирался создавать детскую книжку, не имея собственного опыта в этом виде литературы, поэтому отсутствие такового у Салтыкова-Щедрина не должно было его смущать: тема детства, детство как предмет изображения встречалось, как мы видели, и у сатирика. Однако не только такая парадоксальная близость (основанная на том, что оба, не имея опыта, собирались писать для детей) могла стимулировать Некрасова предложить Салтыкову-Щедрину совместную работу. Он мог иметь в виду еще одно обстоятельство. Приблизительно в одно и то же время (в 1864 году) в творчестве и поэта, и сатирика появляется рефлексия над детской литературой, касающаяся сходных проблем и приводящая к одинаковым выводам. Прежде всего, они оба рассматривают вопрос о границах «жизненной правды», которая может быть пока-

¹⁹ Тем не менее многие историки детской литературы XIX века в России не критично относят и такие произведения к детской литературе. Так делает, например, Бабушкина в упоминавшемся издании. Это говорит только о недостаточной конкретизированности понятия «детская литература» в этих работах.

²⁰ Бухштаб Б. Я. К истолкованию стихотворения «Песня Еремушке» // Некрасовский сборник. VII. Л., 1980. С. 120.

²¹ Громов В. А. К истории создания «Песни Еремушке» // Некрасовский сборник. VIII. Л., 1983.

зана в произведениях, предназначенных для детей. Салтыков-Щедрин рассуждает об этом в рецензии 1864 года на книгу «Сказки Марко Вовчка» (СПб., 1864):

Не дурно вводить детей в мир действительного горя и нефантастических нужд; не дурно рисовать перед ними фигуры несколько суровые, но честные и сильные, вроде Остапа в «Невольнице». Мы вообще без особенного восхищения смотрим на большое распространение у нас так называемой детской беллетристики, но уж если участие ее в деле воспитания, вследствие различных условий, еще признается необходимым, то думаем, что сказки Марко Вовчка удовлетворят этой потребности гораздо ближе, нежели так называемые нравственные повестушки, которые составляют настоящий фонд нашей детской литературы и в которых рассказывается, что Ваня был груб и за это его не пустили гулять после обеда, а Маша была умница и за это получила яблоко.

Марко Вовчок не имеет в виду никаких подобных предвзятых целей; он не желает ни учить, ни исправлять, не обещает никаких наград за хорошие поступки и никаких кар за дурные. Он просто-напросто описывает, какая такая бывает трудная жизнь на свете, как люди бодрые и сильные побеждают эту трудную жизнь и как другие, тоже бодрые и сильные, изнемогают под игом ее. Детям это знать не бесполезно, потому что и им, конечно, придется со временем встретиться с трудною жизнью; следовательно, не мешает, чтоб она нашла их бодрыми и сильными, а не дряблыми и готовыми продать свою душу первому, кто обещает им яблоко²².

В законченной в том же 1864 году «Железной дороге» Некрасов также размышляет о том, нужно ли показывать детям неприглядную, тяжелую правду жизни, и, подобно Салтыкову-Щедрину, отвечает утвердительно:

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. (2, 170)

²² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 5. С. 422.

Об этой «педагогической» стороне знаменитого стихотворения нам уже приходилось писать²³. Не возвращаясь к обсуждению, нужно констатировать, что во взглядах на то, что можно показывать детям, а что нельзя, два автора в определенный момент обнаружили большую взаимную близость (напомним, что 1864 — последний год активного сотрудничества Салтыкова-Щедрина в «Современнике»²⁴). В течение всей жизни Некрасова «Железная дорога» печаталась с подзаголовком «Посвящается детям» — то есть подобным тем, который имели стихи, включенные в анализируемый нами цикл. Такого подзаголовка не имеют стихотворения, перечисленные выше, где дети фигурируют либо в качестве объекта изображения, либо в качестве «фиктивного» адресата. Как мы пытались показать, подзаголовок, данный Некрасовым, указывает на особую природу обращения лирического героя к мальчику, на то, что размышление о том, как и о чем нужно говорить с детьми, не является «маскировочным» маневром.

Таким образом, на первый взгляд, в случае Некрасова и Салтыкова-Щедрина, выражаясь словами последнего, «соединившиеся для одной цели лица были вполне друг другу известны и заранее с полной ясностью определили для себя все основания задуманного дела». Тем не менее согласия в работе не получилось. Некрасов, обращаясь к детям непосредственно, не как к идеальному объекту, а как к реальному адресату, выражаясь современным языком, адаптирует свои тексты для детского восприятия. Настоящего ребенка он не призывает к подвигу, как идеализированного Еремушку:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

²³ Макеев М. С. Мертвые души вдоль железной дороги: о «фиктивной» датировке и одном источнике замысла «Железной дороги» Н. А. Некрасова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 4. 2004. Мы, однако, ни в коем случае не рассматривали это стихотворение как «детское», как это некритично делают многие авторы работ по истории детской литературы XIX века.

²⁴ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. С. 146–157.

Необузданную, дикую,
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой... (2, 67)

Настоящему ребенку он не будет показывать и тех ужасов, которые показывает Ване из «Железной дороги»:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колени стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век... (2, 170)

Он не описывает и самого ребенка как объект, тем более не показывает факты, говорящие о страдании детей, об их тяжелой жизни, как, например, в «Крестьянских детях»:

Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
<...>
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды... (2, 120)

Или в «Школьнике»:

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь... (2, 34)

Тем более мы не встретим здесь таких напутствий, каким заканчивается описание «оборотной стороны» жизни крестьянских детей:

Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!.. (2, 121)

Таким образом, Некрасов, обращаясь к реальным детям, как будто соглашается с генералом из «Железной дороги», утверждавшим, что «зрелищем смерти, печали / Детское сердце грешно возмущать» (2, 171). Он, действительно, не «возмущает» детское сердце в своих детских стихах, избегая описаний насилия, жестокости, неприятных на вид картин и образов²⁵. Это не значит, что Некрасов отходит в своих детских стихах от близких ему педагогических идей Белинского, Чернышевского, Добролюбова, не раз выраженных в его собственных «взрослых» стихотворениях о детях. Задача формирования подлинного гражданина, которого необходимо воспитывать с детства, безусловно, легко обнаруживается и в цикле стихотворений, «посвященных русским детям». Однако воспитательная стратегия, которую радикальные публицисты рекомендовали в своих работах на педагогические темы, была вполне «умеренной»²⁶. Воспитание должно было не ломать детскую психику, но аккуратно вводить в сознание ребенка фунда-

²⁵ Интересно замечание специалистов по детской литературе по поводу эпизода избития зайцев в стихотворении про дедушку Мазая: «Поэт не избегает “жестоких” описаний, его доверие к сердцу и разуму маленького читателя настолько велико, что дает ему право и в этом стихотворении, и в других стихах детского цикла открывать те стороны жизни, которых старалась не касаться по общепринятым правилам того времени детская литература <...> Некрасов всегда тщательно работал над воспитательной стороной детских стихов, но кроме того сами эти его стихи — урок бережного обращения с психикой ребенка» (*Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. М., 1997. С. 117*).

²⁶ Одна из недавних работ, содержащая очерк взглядов Белинского, Чернышевского, Добролюбова на детскую литературу: *Долженко Л. В., Савина Л. Н. Развитие концепции детства в русской литературе и критике XIX века. Волгоград, 2001. Более подробный обзор взглядов критиков некрасовского «Современника» на детскую литературу см. в уже упоминавшейся кн.: Бабушкина А. П. История детской литературы.*

ментальные ценности, формировать специфический взгляд на мир, указывать правильные способы его познания. Эти познания уже после того, как ребенок вырастет, позволят ему видеть и труженика-мужика, и социальную несправедливость, научат его верить только в материю, ставить естественные науки выше всех остальных наук. То есть в его сознание должны быть заложены такие основы, которые сами его постепенно сделают материалистом, трезвым, гуманным человеком и гражданином, способным требовать преобразования мира на основе справедливых принципов («братством, равенством, свободой называются они», как сказано в стихотворении «Песня Еремущке»). При этом, с точки зрения радикальных публицистов, воспитывать ребенка именно так не значит вовсе насиловать его природу. Как раз наоборот — именно такие принципы и соответствуют типу восприятия мира, присущему детям. Так Н. В. Шелгунов пишет в письме жене 15 января 1864 года из Петропавловской крепости по поводу проекта детской литературы, к которому они оба несколько раз возвращались: «Издания этого рода богаты изображениями животных, растений, насекомых, видами городов, местностей, замечательных сооружений и т. д. Все это иллюминировано, красиво, интересно и поучительно не только для детей, но и для взрослых. При каждом изображении есть описание <...> Это, разумеется, лучше всех глупых сказок о леших и домовых, потому что знакомит с действительной природой»²⁷.

Нужно не показывать детям ужасы жизни бедноты, но приучать их к природе, реальному миру, избегать сентиментальности. Не нужно прививать любовь и доверие к волшебным сказкам, поскольку они могут отвлечь ребенка от реального мира, развить бессмысленную мечтательность, а внушать интерес и уважение к материальным предметам, к физическому труду, пробудить любопытство к механизмам, строению организма и т. д. Именно такие задачи ставили перед детской литературой близкие Некрасову критики от Белинского до Добролюбова. Так, последний в рецензии на «Беседы с детьми» А. А. Пчельниковой (СПб., 1859) сочувственно цитировал утверждения автора об отсутствии разрыва между гражданскими требованиями к человеку и требованиями детской психики: «К чему призывает нас интерес общественный, как раз совпадает с интересами ребенка и с его природой. Природа ребенка, его склонности, вкус, желания ведут нас именно на тот путь, который указывают нам желание родителей и польза общества. Чем полезнее и успешнее сделаем мы ученье, тем непосредственно счастливее будут дети; каж-

²⁷ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. С. 140.

дый успех наш будет соответствовать одной отертой слезе, одной невинной улыбке, одной детской радости. Как только исчезнет в преподавании отвлеченность, вместе с тем исчезнет и принуждение. Когда придет та пора, что ребенок будет поставлен в возможность свободно и естественно развивать все свои способности и давать свободный полет всем своим лучшим нравственным стремлениям, тогда наша задача будет выполнена...»²⁸

Именно таким путем и идет Некрасов в своих «настоящих» детских стихах. Он не проповедует высокие идеалы, но рассказывает, словно следуя поучениям Добролюбова, очень простые истории, позволяющие ребенку безболезненно приобщиться к важнейшим ценностям²⁹. Влияние идей Добролюбова на содержание и построение некрасовского цикла детских стихов представляется огромным. Например, форма стихотворения «Пчелы», с обращениями к детям, которые сами не становятся объектом изображения, но только вводят «детскость» как своего рода камертон, выверяющий правильность авторской интонации, напоминает о похвалах, которые делал Добролюбов той же Пчельниковой: «Для выполнения своей задачи г-жа Пчельникова выбрала следующий способ. Она воображает мать семейства, около которой собираются дети, и заставляет ее рассуждать с ними о разных предметах, рассказывать им сказки, анекдоты, разучивать с ними легонькие песенки и т. п. В первой части, например, маменька рассказывает дочери о кухне, объясняет названия и употребление разной кухонной посуды и всяких принадлежностей стряпни; к статейке приложен хорошо сделанный рисунок, на котором представлены все предметы, упоминаемые в тексте. Таким же образом в следующих частях рассказывается о столярном искусстве, о булочной, о домашних животных, о цветах предметов и об их соответствии. Все это рассказано очень дельно и верно и при содействии рисунков легко может быть понято и усвоено детьми. Польза такого усвоения несомненна, и при обычной отвлеченности нашего воспитания особенно желательно, чтобы на такое усвоение детьми не слов и общих понятий, а самых предметов было обращено преимущественное внимание воспитателей»³⁰. Сама композиция цикла (как он сложился в целом в итоге) напоминает сво-

²⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 73.

²⁹ Анализ ритмического строя детского цикла Некрасова, ориентированности его на детское восприятие, его влияние на позднейшую русскую детскую поэзию см. в кн.: Ковалева Г. В. Русская поэзия для детей от Лаврентия Зизания до Ивана Бунина.

³⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч. С. 73–74.

ей логикой логику рассуждения Добролюбова: позабавив ребенка курьезной историей с медведем, которого приняли за генерала («Генерал Топтыгин»), ему показывают мир природы — пчелок, зайчиков, соловьев — переходят к человеку и обществу: рассказывают о ремеслах, рабочих профессиях. Подспудно эти явления ставятся в связь с миром крестьянской жизни, ее заботами и тяготами, о которых прямо, но без намеренно сильных эффектов говорится в стихотворении «Соловьи» (легко сравнить «Соловьи» с «Балетом», чтобы увидеть, как по-разному говорится о рекрутчине взрослым и детям). Но об этом сообщается так, что ребенку еще много нужно дополнительных знаний (которые он, вероятно, получит в будущем) для того, чтобы узнать, что такое рекрутчина, чем вызвано это явление и как по отношению к нему нужно себя вести.

Нельзя сказать, что Некрасов совершенно отказывается от своих поэтических принципов, обращаясь к детской литературе. Он их видоизменяет, перерабатывая то, что в его поэзии уже присутствовало³¹. В «Крестьянских детях», например, говорилось об особенной близости крестьянских детей к природе:

...У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились... (2, 119)

В этом же стихотворении есть и описание интереса этих детей к разным профессиям, их стремления освоить неведомые инструменты:

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит...
<...>
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки! (2, 118)

³¹ Об этом см.: Голубков В. В. Некрасов как писатель для детей // Учен. зап. кафедры детской литературы Моск. пед. ин-та. Вып. I. М., 1939.

В этом смысле тематически «Крестьянские дети» выглядят как первый приступ к теме, подготавливающий цикл «Стихотворений, посвященных русским детям». Однако уже в этом цикле связь с природой детей не описывается как заранее данное свойство объекта, изображаемого в тексте, но должно рождаться в результате его чтения. Текст как бы замещает собой природу, предлагая ее образ читателю таким, каким он может быть приятен, и таким, с которым читатель может ощутить связь. Так же и с описанием профессий:

Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз!

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют

И словно солдаты
Все в ногу идут... (3, 114)

Читателю указывают, предлагая посмотреть на принадлежности людей простых профессий как на нехитрые, но симпатичные объекты. Такое изображение не выражает прямо сильные идеологические тезисы, но подспудно приучает читателя к доброжелательному созерцанию заурадных людей, за счастье которых, возможно, позднее нужно будет бороться. В композиции «Накануне светлого праздника» используется принцип чередования сценок, зрительных образов, так и просящихся в иллюстрации, не раз до и после Некрасова использовавшийся в детской литературе («Кем быть?» Маяковского, «Где обедал воробей?» Маршака и д. р.).

Точно таким же путем (возможно, по совету Некрасова) идет и Салтыков-Щедрин, принимаясь за детскую литературу. Он обращается к своим ранним произведениям, затрагивающим тему детства или выводящим образы детей, стремясь их адаптировать, превратить в детское чтение. Однако перерабатывает он этот материал по-другому. Безусловно, работая над текстами для детей, сатирик также исходит из воспитательно-просветительских задач, стоящих перед детской литературой. В статье «Один из деятелей русской мысли». Тимофей Николаевич Грановский. Биографический очерк А. Станкевича, Москва. 1869 г. Статья первая» (работа опубликована в 1870 году в № 1 «Отечественных записок», но Салтыков-Щедрин сообщал Некрасову о решении писать о Грановском в письме 9 июня 1869 года, то есть как раз в то время, когда происходила работа над текстами «для детей»³²) Салтыков-Щедрин писал об ошибочности прежнего и, очевидно, сохраняющегося и ныне взгляда на воспитание: «К какой исключительной цели направлено было все наше воспитание? Какую задачу предполагал разрешить отец или педагог при взгляде на сырой материал, называющийся ребенком?

Эта цель, эта задача определялась двумя словами: приготовить чиновника <...> чиновник, представлявший собой орган государства, мог свободно не знать, что такое государство, в чем заключаются те функции, которые отделяют его от общества и определяют его отношения к последнему; он обязывался иметь ясное понятие о “начальстве”, он знал только букву “предписания” и даже не чувствовал ни малейшего поползновения уяснить себе ее смысл и ее отношение к действительности. Чиновничест-

³² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 18. Ч. 2. С. 28.

во изображало собой организованное невежество не только по отношению к общей области знания, но и по отношению к той специальности, которой оно служило»³³.

Задача, которую ставит перед собой Салтыков-Щедрин, приступая к работе над текстами, предназначенными для детей, — иная: внушить презрение к должности чиновника, к самой фигуре бюрократа, противоположной фигуре разумного и просвещенного гражданина. Поэтому чиновничество становится одной из преобладающих тем в детском цикле Салтыкова-Щедрина. Напомним только один фрагмент из «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»: «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: “Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности”»³⁴. Эта узость горизонта генералов и их абсолютная бесполезность приводят, как все хорошо помнят, к их беспомощности на необитаемом острове. Столь же бесполезны генералы в «Диком помещике». Таковую же бессмысленность службы чиновником мы видим в описании собственной биографии в очерке «Годовщина»: «Я помню: я уже был тогда на службе и даже писал бумаги, но впечатление, которое оставило во мне это писание, было чисто механическое, или, лучше сказать, меня занимало не содержание бумаг, а те неведомые мне, полуфантастические личности, к которым они были адресованы. Живо представлялся мне некоторый Григорий Козмич <...>

Милостивый Государь

Григорий Козмич!

писал я к нему ежедневно и постоянно заканчивал мое писание словами: “С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть” и прочь. О чем я ему писал, в том и доньше не могу дать себе отчета, но помню, что мой добрый начальник отделения нередко призывал меня к своему столу и разъяснял, в каких случаях следует писать: “о последующем прошу не оставить меня уведомлением”, и в каких — “об оказавшемся имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением”. Середины, которая несомненно существовала между “милостивым государем” и “совершенным моим почтением”, я никак не мог себе усвоить; она улетучивалась, как улетучивается сон, немедленно вслед за пробуждением. Повторяю: я жил не личною, а какую-то общею жизнью, которая со всех сторон

³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 162–163.

³⁴ Там же. Т. 16. Ч. 1. С. 7.

так и плыла и плыла на меня, так и затопляла своим светом, теплом и гармонией»³⁵. И, наконец, ложное воспитание, воспитание бюрократов и паразитов становится главной темой фельетона «Испорченные дети», который, вероятно, и показывает Некрасову и, скорее всего, самому автору бесполезность дальнейшей совместной работы над детской книжкой.

То, что смог сделать Некрасов, — превратить объект изображения в конкретный адресат текста, в реального читателя — не может сделать Салтыков-Щедрин. Причина в том, что мотивация работы, ее цель превращается у сатирика в ее тему. Желание вызвать неприязнь к чиновничьей карьере приводит к тому, что само изображение бюрократии становится главной задачей. Ребенок как реальный адресат, потенциальный читатель текста у Салтыкова-Щедрина не «материализуется». Поэтому в его тексты попадают не только описания, предназначенные для того, чтобы внушить читателю любовь и уважение к ручному труду, показать его необходимость для жизни (как в «Диком помещике» и «Повести...»), но и изображение ужасных наказаний (как в «Доброй душе»), ссылки (как в «Годовщине»), то есть совершенно недетских, в том числе с точки зрения радикальных теоретиков педагогики, картин и сведений. Адресат условный не превращается у Салтыкова-Щедрина в адресат конкретный, предполагаемого реального читателя. Дети, к которым он обращается в «Годовщине», подобны Еремушке, но не персонажам «Пчел».

Использует Салтыков-Щедрин в цикле «Для детей» и другие мотивы, которые были в его творчестве связаны с темой детства. Так, сатира «Завещание моим детям» высмеивает обращение к царю так называемой дворянской оппозиции, поднесенное государю лично и опубликованное в газете «Весть», редактором которой был В. Д. Скарятин³⁶. И в этой сатире высмеивалась никчемность аристократии, сочетающаяся у нее с претензией на большое общественное и государственное значение. Скарятин и его «Весть» вообще в 1868–1869-м годах постоянно тревожат сатирика (см., например, его письмо А. Жемчужникову по поводу поэмы последнего, где высмеивались Катков и Скарятин: «Что касается до Скарятина, то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно. Наша современная действительность такова, что даже Скарятин, обобщенный и возведенный в перл создания, представителем ее служить не может»³⁷). Потому Дикий Помещик, никчемный аристократ, не способный ни на какую полезную де-

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 7. С. 344.

³⁶ См.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 222–238.

³⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 18. Ч. 2. С. 23.

тельность, читает газету «Весть», как и положено человеку такого нрава и такой активной жизненной позиции, и демонстрирует исключительно умение раскладывать гранпасьянс. Это единственное искусство, признаваемое Салтыковым-Щедриным у аристократических оппозиционеров:

Да, дети! вы не знаете, какое время, какое ужасное время переживают ваши отцы! Вы даже не поверите, чтобы могло когда-нибудь такое время существовать:

Чтобы дети не уважали своих родителей.

Чтобы служители не слушались господ, а, напротив того, грубили и даже дразнились <...>

Чтобы мелких денег не было.

Чтобы крупных денег не было.

Чтобы вдруг целая масса людей оказалась ни на что не годною, кроме раскладыванья гранпасьянса»³⁸.

Как кажется, здесь проявляется в целом присущий Салтыкову-Щедрину способ циклизации: своего рода метонимический, основанный на присоединении смежных, близких, ассоциативно связанных образов к теме, избранной в качестве центральной (в данном случае «подготовка чиновника как единственная цель современного воспитания детей»), но оказывающейся только толчком для разрастания цикла. Такой способ построения текста противоположен «коммерческому» отношению к литературе. Идеальный литературный объект в таком случае не материализуется в читателя. Именно такая способность «материализовывать» объекты, переходить от темы детства к ребенку как адресату текста, от идеального читателя к читателю реальному была присуща Некрасову.

³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 7. С. 21.

Глава 10

Литература для народа. Эстетические деньги

1

28 марта 1862 года в письме И. А. Голышеву, крестьянину Владимирской губернии, занимавшемуся распространением икон и лубочных книжек через офеней, Некрасов пишет:

Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначаемых для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов) — таким образом, и книжка выйдет в три копейки, не дороже. После Пасхи я пришлю к Вам еще другие, о которых мы тогда и поговорим (14, 2, 172).

Речь здесь идет об издании поэмы «Коробейники» в задуманной Некрасовым серии «красных книжек», предназначенных для народа. Поэма была написана летом 1861 года и впервые опубликована в № 10 «Современника» за этот же год. В 1862 году Некрасов издал за свой счет быстро разошедшуюся брошюру под названием «Красные книжки. Книга первая. Коробейники. Сочинил и издал Некрасов» (СПб., 1862)¹.

Странность условий, заключенных поэтом с книгопродавцем, бросается в глаза: в соответствии с ними, треть дохода от книги получал Голышев, две трети — офени, самому автору и издателю не доставалось ничего. Какой коммерческий смысл имело это издание? На первый взгляд, некрасовский проект производит впечатление благотворительного или/и пропагандистского. Если это так, то ответ на вопрос о смысле договора с книготорговцем прост: Некрасов на самом деле в скрытом виде платит офеням и Голышеву за распространение книжек. Раздавать же книги крестьянам бесплатно он не хочет, потому что боится опасных ассоциаций с прокламациями². Именно в таком духе описывали это издательское предприятие Некрасова советские исследователи³.

¹ Серия была остановлена и запрещена после второй книжки, в которую вошел ряд некрасовских стихотворений.

² Как хорошо известно, начало 60-х годов XIX века в русской литературе — время, отмеченное расцветом жанра прокламации.

³ Например, см.: *Скатов Н. Н.* Некрасов. М., 1994. С. 295; *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 3. М., 1952. С. 201–202; *Жданов В. В.* Некрасов. М., 1971. С. 351–352.

Ясно, что и то и другое (благотворительность и пропаганда) в замысле Некрасова присутствуют, однако, на наш взгляд, не исчерпывают смысл и цели его проекта. Дело в том, что коммерческий характер издание все равно имеет: все-таки деньги офени получать должны не с самого Некрасова, а с крестьян. Если не за производство продукта, то за его распространение должны заплатить деньги потенциальные читатели. Другое дело, что коммерция здесь странная, можно даже сказать, парадоксальная. Замысел Некрасова, стоящий за этим парадоксальным проектом, мы и попытаемся реконструировать в заключительной главе нашей работы.

2

Издавая свои «красные книжки», Некрасов выходит, точнее, возвращается на рынок народных (или «лубочных») книжек, в котором он уже принимал участие в самый ранний период, когда писал сказки «Баба Яга, Костяная нога» и «Сказка о царевне Ясносвете» (обе 1842 год) для книгопродавца В.П. Полякова. О том, что представлял собой этот рынок к середине 60-х годов 19-го века, много сказано в книгах J. Brooks⁴ и А. Рейтблата⁵. Не повторяя эти и другие исследования⁶, к которым отсылаем читателей за более подробной информацией, только напомним об общем характере этого сегмента книжного рынка, выделив в нем те черты, понимание которых важно для уяснения сути некрасовского проекта.

Несомненно, что в коммерческом отношении этот рынок был в данный момент одним из самых выгодных. О точных тиражах лубочных книг в это время сведений нет, но о его огромной емкости уже в 60-е годы XIX века можно судить по тому, что в 80-х годах ежегодно расходилось до 25 миллионов книжек для народа. Вероятно, в 60-е годы речь должна идти как минимум о десятках тысяч экземпляров — тиражах, о которых не могли даже мечтать издатели литературных журналов или «серьезных» книг. Причины, по которым этот рынок сильно вырос именно в начале 60-х годов, также уже назывались упомянутыми нами исследователями: отмена крепостного права, рост грамотности, увеличение городского населения и т. д. Лубоч-

⁴ Brooks J. When Russia Learned to Read. Princeton, 1985.

⁵ Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.

⁶ Особенно см.: Блюм А. В. Русская лубочная книга второй половины XIX века // Книга. Исследования и материалы. М., 1981.

ная коммерция характеризовалась дешевизной, низким качеством и прямой ориентированностью на читателя, отсутствием, как выражается А. Рейтблат, «идейного издателя»⁷, то есть такого издателя, который соединял бы коммерческий интерес с просветительскими задачами развития в народе образования, вкуса, нравственности. Сложилась и среда, специализировавшаяся на издании народных книжек. Состав лубочной литературы был крайне разношерстным: пересказы фольклорных песен, адаптированная (очень сильно сокращенная и упрощенная) классическая литература (обычно исторического или приключенческого жанра), специально написанные для лубочных изданий тексты (рыцарские, приключенческие и тому подобные романы вроде знаменитых «Ваньки Каина» или «Английского милорда»), книги советов и рекомендаций типа «Учитель молодых людей изысканным манерам, грациозным движениям, элегантному обращению, светской вежливости и изящному вкусу, придворному этикету и наружному блеску, составляющим главную принадлежность каждого образованного человека в среде аристократического общества» и тому подобное⁸.

Таким образом, этот рынок изначально носит спекулятивный характер, и мы помним, что спекуляциям на нем сам Некрасов отдал дань в молодости, работая на издателя Полякова. Самые разные критики 60-х годов говорят о заведомо «промышленном» характере издания книг для народа. «Реалисты» из «Русского слова», например, не видели в этом ничего дурного. Так, в статье Писарева «Народные книжки» (впервые опубликована в «Русском слове» № 3. (отд. II) за 1861 год,) читаем: «Вероятно, многие из книг, поименованных в заглавии моей статьи, написаны с добросовестным желанием принести пользу; вероятно также, что некоторые из них составлены с промышленною целью; но и это не беда. Составить предмет спекуляции может только такое предприятие, которого необходимость вошла в общественное сознание. Разумеется, книга, написанная для народа только ради торгового сбыта, не делает чести нравственному чувству ее составителя, но самое существование подобной спекуляции — факт отрадный, потому что он указывает на большой запрос или, по крайней мере, на возможность подобного запроса в ближайшем будущем»⁹. Можно сказать, что именно этот сектор литературного рынка становится максимально близок рынку традиционному, воплощая суть капиталистического мира — погоню за на-

⁷ Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. С. 153.

⁸ Блюм А. В. Русская лубочная книга второй половины XIX века.

⁹ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2. М., 2000. С. 213.

живой. Некрасов, однако, судя по цитированному письму к Голышеву, не стремится к обогащению. Как мы попытаемся показать, он хочет использовать те особенности этого рынка, которые делают его удобным полем для эксперимента с принципами материальной и эстетической оценки литературного произведения.

На рынке лубочной литературы оказываются не действенными важнейшие факторы, формирующие стоимость продукта на рынке литературы «серьезной». Во-первых, этот рынок характеризуется анонимностью¹⁰. По самым разным причинам (от коммерческих, связанных с авторскими правами, заставлявшими сочинителей пересказов или адаптаций известных произведений умалчивать и об их оригинальных авторах, и о собственном скромном участии в деле, до причин, связанных с самой технологией производства такой литературы) сочинители таких книжек остаются по большей части неизвестными¹¹. Это рынок, где важную роль играет не имя автора, а название книжки и то «удовлетворение» (выражаясь языком неоклассической экономики), которое получает от нее читатель. Иначе говоря, в случае лубочной литературы писательское имя не является капиталом и не играет роли в стоимости и оценке продукта. Во-вторых, поскольку этот рынок прямо ориентирован на читателя, на его собственный вкус, каким бы он ни был, на нем нет посредников в виде экспертов, критиков, других культурных институтов, которые определяли бы относительную стоимость и ценность разных книг. Это почти идеальный рынок, на котором роль единственного критерия успеха предпринимателя (или писателя) играют деньги, вырученные за товар, полученная им прибыль. Деньги же являются и единственным критерием читательской оценки книги. Таким образом, роль эстетического мерил принимает на себя вещь, казалось бы, наименее пригодная для того, чтобы служить в этом качестве. Есть, однако, еще одна черта этого рынка, которая позволяет надеяться, что деньги здесь могут стать полноценным инструментом эстетической оценки. Фактор, делающий это возможным, — специфика покупателя литературы, крестьянства. И эта специфика заключается в данном

¹⁰ Некрасовская поделка «Баба Яга, Костяная нога» также была издана анонимно.

¹¹ Интересно, что в библиотеке самого Некрасова была книга «Беранже в переводах русских авторов. С прибавлением стихотворений Некрасова, Кольцова и других» (М., 1868). В этом издании в оглавлении Некрасов не указан, а его стихотворения «Перед дождем», «На родине», «Буря», «Тройка», «Свадьба» «по ошибке перечислены под фамилией фон Мендгейма» (Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949. С. 369).

случае не только в особенностях (предположительной «примитивности») вкусов этой аудитории, но и в своеобразии экономических отношений, характерных, с точки зрения Некрасова, для крестьян. В их еще в большой степени патриархальном мире деньги являются чем-то отличным от денег капиталистических. Для того, чтобы описать специфику крестьянской экономики, мы не будем прибегать к историко-экономическому материалу, отчасти чтобы не перегружать работу такой информацией, отчасти потому, что собственные произведения Некрасова достаточно ее характеризуют.

Прежде всего, у крестьян в некрасовских произведениях обычно мало денег. Наиболее распространенные монеты, которыми они располагают, это гроши, копейки, пятаки, гривенники. Приведем соответствующие примеры:

Гроши:

Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках (4, 60).

Копейки:

Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!.. (5, 16)

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейки, по грошику медному
Мы сколотили трудом!.. (4, 100)

Пятаки:

Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки! (4, 59)

Есть румяна нелинючие —
Молодись за пяточок! (4, 59)
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака! (5, 25)

Гривенники:

Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок... (4, 59)

Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки... (5, 24)

«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!»—
Сказал ему купец (5, 32).

При этом отдать **двугривенный** означает для крестьянина остаться «ни с чем»:

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься (5, 33).

Большие деньги в представлении некрасовских крестьян начинаются с **полтинника**:

Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том, —
Полтинник был замотан в нем... (5, 40)

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...» (5, 38)

или рубля:

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем! (5, 33)

За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... (2, 49)

Зарабатывать иногда пять рублей серебром в день вполне достаточно для того, чтобы претендовать на исключительное счастье:

— А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром! (5, 51)

Наконец, самая большая сумма, доступная крестьянам, — это 35 рублей, которые накопил за всю жизнь Яким Нагой:

Пришла немилость божия,
Деревня загорелась —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять (5, 46).

Мы не ставим перед собой задачу набрать исчерпывающее количество примеров, мы только иллюстрируем представление, в общем складывающееся у любого читателя Некрасова. Таким образом, и те три копейки, которые крестьянин должен заплатить за «красную книжку», с одной стороны, конечно, не являются обременительными, но, с другой — совсем незначашими их назвать тоже нельзя. Кстати, в некрасовских произведениях о народе есть и указания на цены книжек для крестьян. Их стоимость там от пяти копеек —

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей! (3, 138) —

до гривенника:

Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука! (3, 97)

И в реальности лубочная книжка могла стоить приблизительно столько. Некрасовская цена, видимо, чуть меньше, чем та, которую офени обычно спрашивали за книжки, но не намного.

Малое количество денег — не просто признак бедности. Мужики так трудно расстаются с монетками в гривенник или пятак прежде всего потому, что их деньги — это практически никогда не *leisure-money* (как у героев «Балета», живущих на ренту с земли, у которых все деньги «шальные», не заработанные), это всегда трудовые деньги. У крестьянства мало именно «свободных» денег, их количество мизерно, они часто припрятаны (полтинники в мотке, гривенники и т. д.). Иначе говоря, довольство крестьянина не определяется наличием у него денег. Его довольство определяется землей, количеством рабочих рук и их здоровьем и силой, урожайностью земли и т. д. В народной экономике, как она представляется в некрасовской поэзии, деньги играют вспомогательную роль. До реформы важную роль деньги и вообще золото играют в качестве инструмента, с помощью которого можно выйти на волю. В стихотворении «Извозчик» (1855):

«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,

¹² В замечательной статье Ю. Н. Тынянова об «Извозчике» (см.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977) говорится о некрасовской зоркости к реалистическим деталям, проявившейся в этом стихотворении. Стоит обратить внимание на то, что та деталь, на которую эта зоркость обращена, — именно деньги.

Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:
«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул... (1, 149)¹²

Об этом же своеобразный экономический эпизод в поэме «Несчастные» (1856). В песне, сочиненной Кротом, говорится о золоте, которое добывают каторжники, как о средстве для царя выкупить крестьян на волю:

1.
Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери-земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь! (4, 45)

2.
У ней, родимой, требы многи:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!.. (4, 46)

С объявлением же свободы и такая потребность должна исчезнуть.

Деньги — это только средство для уплаты податей, приобретения необходимого инвентаря, вознаграждения священника за требы, покупки подарка внучке и т. д. Деньги не являются в крестьянском мире предметом накопления, не представляют собой товар. И это составляет резкий контраст с ролью денег в жизни высших слоев общества, как она изображается

в произведениях Некрасова. Желание денег как таковых в крестьянском мире связано только с предательством, воровством или прямо грабежом и убийством (староста Глеб в «Кому на Руси жить хорошо», лесник в «Коробейниках» и др.). В крестьянской экономике, какой она представлена в некрасовской поэзии, деньги как будто бы обретают ту функцию, о которой мечтал Прудон, — быть не товаром, приносящим доход, но только средством выражения стоимости товара или труда¹³. В этом случае уплата денег за товар становится равна как бы отдаче самого труда, с помощью которого эти деньги достались (ср.: «Случись, работой, хлебушком, / Ему бы помогли, / А вынуть два двугривенных, / Так сам ни с чем останешься...»). Это придает деньгам особую весомость, лишает их абстрактной, бездушной нейтральности. Деньги так становятся инструментом оценки реальной стоимости вещи, средством выражения отношения к ней покупателя.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо», в знаменитом эпизоде с Ермилом Гириным, просящим у народа в долг на покупку мельницы, деньги становятся мерилем достоинства этого человека и одновременно выражением степени народного доверия и любви к герою-заступнику. Он обращается к миру именно с просьбой оценить его честность и выразить ему свое доверие:

Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!.. (5, 59)

И «крестьянство» выражает свое доверие с помощью денег. Деньги теряют свою одинаковость. Они отличаются не только количеством, но и тем, сколь дорого они достались, какого труда стоили тому, кто их дает. Трансцендируя свою абстрактную и бесчеловечную природу, деньги становятся чистым выражением любви и благодарности за «заступничество» за народ, которым и славен Ермил. При этом они остаются деньгами, имеющими покупательную стоимость. Все-таки вместе они должны составить ту сумму, за которую можно приобрести мельницу:

¹³ См. об этом главу 5 настоящей книги.

Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.

<...>

Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Проженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей! (5, 60)

Ситуация как будто иллюстрирует прудоновский беспроцентный кредит. Крестьяне дают займы Ермилу на конкретное дело, конкретное приобретение, без процентов его кредитуют. Важно при этом, что Ермил покупает мельницу не для наживы, но для того, чтобы помочь крестьянам. Деньги, которые ему дают, не являются средством получения дополнительной прибыли. Таким образом, деньги приобретают еще и дополнительную «чистоту», качество идеального означающего. Они переходят от крестьян к Ермилу и обратно как знаки, точно показывающие степень оценки благодаря их трудовой стоимости, при этом не теряющие своей покупательной способности, придающей знаку дополнительную весомость. Такие деньги получают возможность стать полноценным средством «эстетической» оценки¹⁴.

Именно по такой модели, как кажется, и хочет построить свой парадоксальный коммерческий проект Некрасов, вписывая его в крестьянскую экономику. С одной стороны, он заявляет об отсутствии у него желания обогатиться, отказывается от прибыли, то есть отнимает у денег, которые будут выручены от продажи книги, и у своего товара, книги, — значение средства обогащения, наживы. Книга становится эстетическим продуктом (в котором выражена кантовская «незаинтересованность»). Благодаря свойствам рынка, у автора в этом случае не может быть и задачи создать себе капитал в виде литературного имени:

¹⁴ Эстетику мы понимаем в самом широком смысле — эстетический объект как объект, наслаждение которым не основано на прямой пользе, практическом применении.

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу (4, 57).

(Стоит сопоставить эти строки с фрагментом из стихотворения «Поэт и гражданин», в которой описывается стратегия поэта на «обычном» литературном рынке:

Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта! (2, 10))

С другой стороны, крестьянин должен заплатить деньги (небольшие, но и не лишние), в которые вложен его труд. Тем самым он выражает свое доверие продавцу, свою подлинную оценку товара, который ему предлагается, — «красной книжки», поэмы «Коробейники». При этом одновременно цена товара не чрезмерна, не требует большой жертвы. Она позволяет сохранить в ситуации купли-продажи элемент свободной игры обмена знаками. Так, в идеале деньги могут стать инструментом оценки качества книги, материальным, весомым выражением эстетической оценки.

Для прояснения наших утверждений приведем аналогии, первой из которых будет эпизод из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Александр Адуев, встретив старого, давно не виденного им друга, разочарован холодностью встречи и «пошлостью» его чувств и времяпрепровождения. В частности, эта пошлость выразилась в предложении другом материальной помощи, попросту денег: «Тут он вдруг будто ожил и засыпал меня вопросами: “Что с тобой? да не нуждаешься ли в чем? да не могу ли я быть тебе полезным по службе?..” и т. п. Я покачал головой и сказал ему, что я хотел говорить с ним не о службе, не о материальных выгодах, а о том, что ближе к сердцу: о золотых днях детства, об играх, о проказах... Он, представьте! даже не дал мне договорить»¹⁵. Предложение денег унижительно, предает,

¹⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8. т. Т. 1. М., 1952. С. 154.

с точки зрения идеалиста, святое чувство дружбы, подобно тому, как оплата унижает высокое искусство (об этом мы говорили в главе 4). Позиция Петра Ивановича Адуева иная. С его точки зрения, предложение денег взаимно как раз и свидетельствует о силе и подлинности чувства, которое испытывает «коварный» бывший друг, как он говорит с иронией: «Не выдавшись несколько лет, другой бы при встрече отвернулся от тебя, а он пригласил тебя к себе, и когда ты пришел с кислой миной, он с участием расспрашивал, не нужно ли тебе чего, стал предлагать тебе услуги, помощь, и я уверен, что дал бы и денег — да! а в наш век об этот пробный камень споткнется не одно чувство... нет, ты познакомь меня с ним: он, я вижу, человек порядочный... а по-твоему, коварный»¹⁶. Именно такова позиция и Некрасова — деньги придают чувствам весомость, подлинность, их заем или дарение служит современной заменой высокой жертвы. Аналогичным образом готовность заплатить деньги за книгу придает весомость и ее эстетической оценке, выражаемой читателем.

Другой аналог мы встретили в современной экономической теории. Экономист и культуролог Александр Долгин в книге «Прагматика культуры» (М., 2002) предложил новую модель оплаты культурных продуктов любого типа (от книг до кинофильмов). В самом упрощенном виде она выглядит таким образом: потребитель культурного продукта (например, фильма или книги) платит за него не заранее определенную сумму денег, но то количество денег, которого, как он считает, заслуживает то удовольствие, которое доставило ему потребление. При этом предполагается, что в основе оценки будет затраченное время на просмотр кинофильма, чтение книги и расчет полезности этого времени по определенной шкале. Таким образом, деньги станут выразителем эстетической оценки. Автор этого проекта осуществил даже эксперимент, направленный на проверку своей теории, проведя киносеанс, где зрители платили не фиксированную сумму в начале, а ту, которую каждый из них считал справедливой, в конце¹⁷. Как нам кажется, чего-то подобного (хотя и несколько по-другому, устанавливая твердую цену, но делая средством исчисления «эстетических баллов» количество проданных экземпляров) стремится достичь и Некрасов. По большому счету, аналогом долгинского проекта, конечно, является выступление уличного музыканта, играю-

¹⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. Т.1. С. 165.

¹⁷ О предпосылках эксперимента см.: <http://cinema.artpragmatica.ru/results/2/>.
Подробный отчет об эксперименте в статье: *Мень Е.* Еще раз об умной толпе // Критическая масса. 2003. № 3.

щего перед шляпой, в которую зрители бросают монетки, исходя в определении даваемой суммы из своих представлений о ценности того, что они слушают, о количестве удовольствия, полученного ими от исполнения. Это и есть ситуация идеального культурного рынка без посредников, эстетических арбитров и критиков, на котором формируется шкала оценок, непротиворечиво соединяющая эстетику и экономику.

Такая система оценок, конечно, переопределяет само понятие эстетической ценности. Мерилом ее должно служить здесь то удовольствие или та польза, которые получает от книги крестьянин. И этот рынок, тем не менее, не исключает возможности обмана, шанса, что крестьянин купит не ту книжку, которая ему по-настоящему полезна. За что должны дать деньги мужики, чем можно им «угодить»? Ясно, что, как и на рынке литературы для образованных сословий, настоящей литературе приходится конкурировать с словесностью спекулирующей. Таких торговцев-спекулянтов мы видим в «Кому на Руси жить хорошо»:

Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретки
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего! (5, 34–35)

Народ можно обмануть, как и образованного читателя, впрочем. Однако с народом проще определить и достоинство книги, за что ему стоит платить свои тяжелым трудом достающиеся деньги. Очевидно, что главным качеством литературы должно стать то же качество, которое позволяет Ермилу Гирину претендовать на народное доверие и народные

деньги: готовность вступить за крестьянство, готовность помогать народу. Поэтому в поэме создается образ настоящего литератора как народного заступника, какими были Белинский и Гоголь, отсюда и имена писателей, созданные не издателями и критиками, но их делом народных заступников:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать... (5, 35)

Потому же так легко соединяет в себе черты народного заступника и поэта Григорий Добросклонов:

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!.. (5, 235)

Так народ оказывается важен не только Некрасову-поэту, позволяет ему разрешить не только творческие проблемы, обрести новый язык и содержание¹⁸ поэзии. Он дает надежду и на гармоничное, справедливое решение проблем литературного рынка, поэтому крестьянская экономика привлекает и Некрасова-издателя. Это рынок, где противоречие между материальным успехом книги и ее литературным качеством снимается. Поэт и Предприниматель могут здесь без «противоречий» слиться в одном человеке. Материальный успех культурного продукта может стать не признаком спекуляции, лежащей в основе замысла его изготовления, но знаком признания, выражаемого писателю, народному заступнику, знаком народной любви и доверия.

¹⁸ Мы совершенно согласны с знаменитыми утверждениями К. И. Чуковского: «Народ был главным мифом его лирики, величайшей его галлюцинацией. <...> Нужно же было ему найти какой-нибудь объект для лирических молитв и плачей. История подсказала ему, что этим объектом может быть только народ» (Чуковский К. И. Кнута иссеченная муза // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990, С. 124).

Указатель имен

- Amis M. 5
Anesko M. 5
Brantlinger P. 8
Brooks J. 215
Delany P. 5, 7
Frank J. 71
Gold, C. H. 5
Horwitz H. 8
Nordhaus W. 97
Osteen M. 7, 8
Samuelson P. 97
Shell M. 7
Tebbel J. W. 37
Trollope A. 5
Woodmansee M. 7, 8
Азарная М. А. 196
Аксаков И. С. 80, 82
Аксаков К. С. 80–82, 85
Аникина А. 39
Анненков П. В. 58, 62, 77, 81, 86, 88, 89,
95, 96, 98, 107, 114, 120, 169
Антонович М. А. 166, 174, 180–184, 189,
190, 193, 199
Арбузов Н. А. 124
Арзамасцева И. Н. 205
Аркуайт Р. 197
Архипов В. 152
Афанасьев А. Н. 106
Бабст И. К. 119
Бабушкина А. П. 197, 201, 205
Базунов И. В. 120
Баикина А. И. 147
Бакунин М. А. 155
Бакунин Н. А. 57
Бальмонт К. Д. 37, 215, 216
Барро М. 36
Белинская М. В. 129
Белинский В. Г. 23, 33, 36, 41, 45, 49, 53,
56–58, 60–69, 71–73, 76–88, 90–92,
94–101, 107, 108, 117–120, 134, 205,
228
Белоусов В. Д. 102
Бенецкий Г. Ф. 12
Бенни А. 29, 30
Беранже П. Ж. 23, 217
Берви-Флеровский В. В. 168
Берг Ф. Н. 120, 196
Бернс Р. 137, 138, 141
Бибиков Д. Г. 197
Благовещенский Н. А. 173, 179
Благой Д. Д. 6
Благосветлов Г. Е. 170, 179, 189
Блинчевская М. Я. 54
Блок А. А. 200
Блюм А. В. 215, 216
Бордюгов И. И. 133
Боткин В. П. 58, 61, 83, 95, 96, 98, 101,
105, 107, 115, 119, 135–139, 144, 180
Брант Л. В. 94
Бройде А. М. 168
Брюллов К. П. 26
Булгарин Ф. В. 41, 74–77, 99
Бунин И. А. 196, 197
Бурдые П. 72
Буткевич А. А. 16, 17, 105
Буткевич Г. С. 105
Бухштаб Б. Я. 34, 36, 39, 201
Вазем Е. О. 162
Вацуро В. Э. 20, 22, 23
Вейнберг П. И. 173, 177
Венгеров С. А. 65
Венедиктова Т. Д. 11

- Вершинина Н. Л. 32
Вольф М. О. 197
Второв Н. И. 20, 22
Вышнеградский Н. А. 196
Гаевский В. П. 119
Галахов А. Д. 96, 169
Гаркави А. М. 53
Гегель Г. В. Ф. 107
Герцен А. И. 52, 54–56, 58, 67, 83, 84,
85, 95, 105, 107, 112, 147
Герцен Н. А. 105
Гинзбург Л. Я. 9, 27
Гиппиус В. В. 200
Гоголь Н. В. 79, 85–88, 89, 90, 92, 93,
227, 228
Головачев В. А. 180
Голубев А. К. 16, 17
Голубков В. В. 208
Голышев И. А. 214, 217
Гончаров И. А. 73, 121, 155, 225, 226
Гораций, 21
Горленко В. П. 48
Горячкина М. С. 162
Гофман Э. Т. А. 88
Грановский Т. Н. 5, 54–56, 106, 210
Гребенка Е. П. 78
Григорович Д. В. 20, 71, 77, 78, 83, 94,
100, 150
Григорьев А. А. 139
Григорьев П. И. 50
Гриц Т. 6
Громека С. С. 168
Громов В. А. 201
Гронас М. Б. 7, 11
Гроссман Л. 71
Гурьев А. 102, 147
Гусейнов Р. 168
Даль В. И. 78
Данненберг К. А. 20, 22
Де-Пуле М. Ф. 24, 65
Джеймс Г. 5
Диккенс Ч. 131
Добролюбов Н. А. 132, 133, 146, 150,
155, 159, 167, 205–208
Додонова Л. А. 147
Долгин А. Б. 226
Долженко Л. В. 205
Достоевский М. М. 88, 90, 91
Достоевский Ф. М. 71–73, 86–93, 107,
171, 178
Дружинин А. В. 115, 118, 119, 121, 122,
168
Дудышкин С. С. 169
Евгеньев-Максимов В. Е. 28, 34, 35, 40,
44, 65, 122, 145, 148, 150, 151, 153, 214
Елисеев Г. З. 170, 177, 178, 180–183, 189,
194
Емельянов Н. П. 189
Жданов В. В. 13, 14, 166, 214
Жемчужников А. М. 212
Жуковская Е. И. 166, 184, 185
Жуковский В. А. 12–15, 24–27, 31, 212,
38, 49
Жуковский Ю. Г. 149, 154–158, 161, 166,
176, 177, 180–193, 199
Журавлева А. И. 11, 1311
Заболоцкий-Десятковский А. П. 169
Зайцев В. А. 169, 179
Златовратский Н. Н. 191
Золотарев С. 14
Зыкова Г. В. 11, 125
Иванов-Разумник Р. В. 65
Измайлов А. 34, 35
Илюшин А. А. 11
Кавелин К. Д. 61, 64
Канкрин Е. Ф. 101, 102

- Каптерев П. Ф. 196
Карлейль Т. 135–139, 144
Катков М. Н. 212
Кетчер Н. Х. 61
Ковалева Г. В. 196, 197, 207
Ковалевский Е. П. 169
Козьмин Б. П. 178
Кокорев В. А. 147, 190
Кольцов А. В. 24–27, 31, 55–65, 69, 217
Кони Ф. А. 22, 32, 33, 36, 40–50
Корзухин А. И. 198
Корш Е. Ф. 61
Котикова П. Б. 41
Кошелев В. А. 94, 95
Крабб Л. 138
Краевский А. А. 23, 24, 43, 91, 96,
98–100, 107, 108, 115, 168, 169, 183,
185, 187, 192
Крамской И. Н. 198
Краснов Г. В. 121
Кривенко С. Н. 13
Кузнецов Ф. Ф. 178
Кульчицкий А. Я. 78
Курочкин В. С. 149, 172
Куторга М. С. 106
Кушелев-Безбородко Г. А. 168
Лаврентий Зизаний, 196, 197, 207
Ларра М. Х. 51, 52, 53, 69
Латышина Д. И. 196
Лебедев Ю. В. 121, 136
Левин Ю. Д. 138
Левитов А. И. 148, 173
Лермонтов М. Ю. 27–29
Лесков Н. С. 29–31
Ломоносов М. В. 11, 18
Лосев Л. В. 11
Лотман Ю. М. 160
Майков А. Н. 96, 163
Макашин С. А. 128, 162, 189, 195, 198, 203
Макеев М. С. 141, 196, 203
Маковский К. Е. 198
Максимович А. Я. 148
Мальтус Т. Р. 107, 108, 197
Мандельштам Н. Я. 87
Манн Ю. В. 73
Марко Вовчок (Маркович М. А.), 202
Маркс К. 6, 7, 168
Марлинский (Бестужев) А. А. 88
Маршак С. Я. 210
Маяковский В. В. 210
Межевич В. С. 22, 23, 36, 41–46, 48
Мельгунов Б. В. 41, 43, 44, 45, 62, 97, 152,
180, 182
Мельникова А. С. 102
Менцов Ф. Н. 36, 39
Мень Е. 226
Мерзляков И. П. 102
Мещерский В. П. 153
Милль Дж. С. 174
Милютин В. А. 107, 108, 112
Минаев Д. И. 134
Михайлов М. Л. 168, 169, 170, 178, 179,
197, 206
Михайловский Н. К. 162
Мокрицкий А. Н. 27
Мольер Ж.-Б. 44
Мостовская Н. Н. 32
Муравьев М. Н. 30, 31, 152
Назырова Д. Н. 11
Никитенко А. В. 95, 105, 119, 169
Никитин М. 6
Николаева С. А. 205
Огарев Н. П. 83
Одоевский В. Ф. 84, 85
Оксман Ю. Г. 58, 62, 67
Островский А. Н. 86, 149

- Пайков Н. Н. 61
Памфилов С. Ф. 147
Панаев И. А. 114, 147, 148, 180, 181,
182, 185
Панаев И. И. 24, 25, 53, 61, 62, 63, 64,
68, 78, 84, 95, 100, 101, 105, 115, 142,
150, 158
Панаева А. Я. 84, 86, 100, 101, 106, 148,
150, 167
Панаева М. А. 150
Пантелеев Л. Ф. 148, 184
Паульсон И. И. 196
Переверзев В. Ф. 6
Петипа М. 162
Пиотровский И. А. 103, 148, 149
Писарев Д. И. 179, 216
Плетнев П. А. 14, 23, 36, 81, 152, 153,
158, 168, 182
Плетнева А. В. 152, 187
Плещеев А. Н. 196
Подольская Н. И. 135
Полевой Н. А. 12, 19, 23, 36
Полонский Я. П. 53, 124, 127
Поляков В. П. 215, 216
Пономарев С. И. 16
Поспелов Г. Н. 6
Потехин А. А. 177
Прийма Ф. Я. 162
Прозоров Ю. М. 39
Прокопович Н. Я. 56
Проскурин О. А. 6
Прудон П. Ж. 85, 107–112, 223
Пуятин Е. В. 168
Пушкин А. С. 29, 38, 90, 200
Пчельникова А. А. 206, 207
Пыпин А. Н. 131, 166, 171, 180, 183, 184,
189, 192, 193
Рейсер С. 114
Рейтблат А. И. 37, 215, 216
Рейтерн М. Х. 147
Рембрандт Х. ван Рейн, 118
Ремнёва М. Л. 11
Репинский Г. К. 193
Решетников Ф. М. 148, 171–173
Риккардо Д. 174
Розанов В. В. 65
Русанов Н. С. 191
Савельев П. И. 125
Савина Л. Н. 205
Салтыков-Щедрин М. Е. 65, 67, 155, 156,
162–164, 171, 189–192, 194–196,
198–203, 210–213
Семенков А. В. 101, 102
Семенкова Т. Г. 101, 102
Серно-Соловьёвич А. А. 177
Серно-Соловьёвич Н. А. 177
Сибиряков И. М. 191
Скабичевский А. М. 170
Скарятин В. Д. 212
Скатов Н. Н. 13, 56, 214
Скафтымов А. П. 86
Скотт В. 16
Слепцов В. А. 150, 177, 180
Смирдин А. Ф. 75
Смирнов С. В. 35
Смит А. 174, 197
Соколов Н. Н. 169, 179
Соколов П. П. 89
Солдатенков К. Т. 54, 105, 135
Станкевич А. В. 52, 54, 55, 83, 210
Станкевич Н. В. 83
Стасов В. В. 198
Стасюлевич М. М. 62
Стефенсон Дж. 197
Суворов А. А. 153, 157, 160
Сумароков А. П. 21

- Сушков Н. В. 134
Татищев С. С. 134, 146
Твен М. 5
Ткачев П. Н. 196
Толстой Г. М. 67, 95, 100, 115
Толстой Л. Н. 93, 120–122, 131, 132, 142, 143, 172, 180, 196
ТрEDIAKовский В. К. 18
Тренин В. 6
Тургенев И. С. 65, 66, 74, 84, 104, 106, 107, 114, 119, 120, 122, 134, 135, 137–139, 142–144, 169, 172, 191
Тучков А. А. 53
Тынянов Ю. Н. 32, 221
Тютчев Н. Н. 97, 98, 104
Уатт Дж. 197
Уздеников В. В. 102
Усов П. С. 172
Успенский Г. И. 173, 191
Успенский Н. В. 148, 150
Ушинский К. Д. 197
Федотов А. С. 11
Федотов О. И. 145
Фет А. А. 127, 143, 163, 180
фон Мендгейм, 217
Фультон Р. 197
Чернышевский Н. Г. 94, 101, 121, 122, 132, 136, 143, 146, 150, 154–156, 167, 169, 174, 175, 205
Чеченов А. А. 102
Чуковский К. И. 5, 6, 15, 52, 54, 67, 84, 141, 146, 177, 228
Чумиков А. А. 196
Шелгунов Н. В. 168–170, 178–180, 197, 198, 206
Шелгунова Л. П. 168–170, 178–180, 197, 206
Шиканова И. С. 102
Школьников О. Ю. 11
Щапов А. П. 177
Щепкин М. С. 67
Щербинин М. П. 151
Эйхенбаум Б. М. 32, 33, 122
Элиот Т. С. 5
Юркевич П. Д. 163, 196
Языков М. А. 97, 98, 104
Якоби А. Н. 195
Ястребов А. Л. 6